

ISSN 2782-2966

**САМАРСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

Самарский национальный
исследовательский университет
имени академика С.П. Королёва

СЕМИОТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

SEMIOTIC STUDIES

Научный журнал

Том 2 • № 3 • 2022

СЕМИОТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ. SEMIOTIC STUDIES
SEMIOTICHESKIE ISSLEDOVANIIJA. SEMIOTIC STUDIES

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ ЖУРНАЛА

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«САМАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АКАДЕМИКА С.П. КОРОЛЕВА» (Самарский университет)

Журнал «Семиотические исследования. Semiotic studies» является периодическим научным изданием, освещающим вопросы общей семиотики и смежных дисциплин. Знак, знаковый процесс и его векторы, семантика, синтактика и прагматика как измерения семиозиса, материальное воплощение знака – это тематическое пространство публикуемых работ. Журнал ориентирован на междисциплинарный синтез теоретического и практического знания, осуществляемый в рамках философии, литературоведения и социологии.

Цель журнала – изучение, осуществление и популяризация семиотического подхода к исследованию реальности.

Задачи журнала – создание международного, междисциплинарного исследовательского пространства в терминах и моделях общей семиотики, актуализация классического наследия и апробация новых идей семиотической мысли, создание и применение семиотических схем анализа и интерпретации в философском, литературоведческом и социологическом знании.

Тематика журнала

5.7. Философия (Социальные и гуманитарные науки)

- 5.7.1. Онтология и теория познания
- 5.7.6. Философия науки и техники
- 5.7.7. Социальная и политическая философия

5.9. Филология (Социальные и гуманитарные науки)

- 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации
- 5.9.3. Теория литературы

5.4. Социология (Социальные и гуманитарные науки)

- 5.4.2. Экономическая социология
- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы
- 5.4.7. Социология управления

Все статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат» и двойное слепое рецензирование ведущими учеными в соответствии с тематикой и специализацией журнала.

Главный редактор

А.Ю. Нестеров, д-р филос. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

Заместитель главного редактора

Л.Г. Тютелова, д-р филол. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

Ответственный секретарь

Т.Ю. Децова, канд. пед. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

Адрес редакции:

443011, Российская Федерация, Самарская область, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

Тел. +7 (846) 3345406, **e-mail:** semiotic@ssau.ru

www: <https://journals.ssau.ru/semiotic>

Издатель и учредитель: Самарский университет

Адрес издателя: Центр периодических изданий Самарского университета, 443086, Российская Федерация, Самарская область, г. Самара, Московское шоссе, 34, корп. 22 а, 312 б.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации **ПИ № ФС77-79678** от 27.11.2020 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN 2782-2966

Подписной индекс в Объединенном каталоге
«Пресса России» 85744
ISSN 2782-2966

Корректурa – *И.В. Ахматова*
Компьютерная верстка, дизайн – *И.В. Ахматова*
Информация на английском языке – *В.Д. Шевченко,*
Л. Ахтамьянова

Бизнес-модель: финансирование журнала осуществляется учредителем, все статьи публикуются на бесплатной основе.

0+, Цена свободная

Авторские статьи не обязательно отражают мнение издателя.

В оформлении обложки использованы художественные работы Карла Аймермахера.

Подписано в печать 05.10.2022.

Выход в свет 24.10.2022.

Формат 60x84/8. Бумага офсетная. Печать оперативная. Печ. л. 16,75. Тираж 200 экз. Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии ООО «Прайм»

Адрес типографии: 443079, Российская Федерация, Самарская область, г. Самара, Байкальский переулок, 12.

Тел. (846) 922-62-90, e-mail: prime.163@mail.ru

© Самарский университет, 2022

Редакционная коллегия

К. Аймермахер, д-р филол. наук, почётный проф. (Рурский университет, Бохум, Германия)

В.И. Аршинов, д-р филос. наук, проф. (Институт философии РАН, Москва, РФ)

П.Н. Барышников, д-р филос. наук, доц. (Пятигорский государственный университет, Пятигорск, РФ)

Т.В. Бернюкевич, д-р филос. наук, проф. (Московский государственный строительный университет, Москва, РФ)

В.Ю. Бочаров, канд. социол. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

Н. Вербер, д-р филол. наук, проф. (Зигенский университет, Зиген, Германия)

М.Н. Вольф, д-р филос. наук, доц. (Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, РФ)

Н.В. Головкин, д-р филос. наук, доц. (Новосибирский государственный университет, Новосибирск, РФ)

И.В. Дёмин, д-р филос. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

Д.И. Дубровский, д-р филос. наук, проф. (Институт философии РАН, Москва, РФ)

Т.Н. Иванова, д-р социол. наук, доц. (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, РФ)

В.Е. Лепский, д-р психол. наук, проф. (Институт философии РАН, Москва, РФ)

М.Н. Липовецкий, д-р филол. наук, проф. (Колумбийский университет, Нью-Йорк, США)

В. Лопичич, д-р филол. наук, проф. (Нишский университет, Ниш, Сербия)

Н.П. Малютина, д-р филол. наук, проф. (Университет Белостока, Белосток, Польша)

А.И. Мантарова, д-р социол. наук, проф. (Институт философии и социологии Болгарской Академии наук, София, Болгария)

И. Пёрцген, д-р филол. наук, проф. (Бременский университет, Бремен, Германия)

П. Ристхаус, д-р филол. наук, проф. (Хагенский заочный университет, Хаген, Германия)

Н.Т. Рымарь, д-р филол. наук, проф. (Самарский университет, Самара, РФ)

С.А. Судьин, д-р социол. наук, доц. (Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, РФ)

С. Томашчикова, д-р филос. наук, доц. (Университет им. Павла Йозефа Шафарика, Кошице, Словакия)

И.А. Христов, д-р по социологии, проф. (Университет Паисия Хилендарского, Пловдив, Болгария)

Г. Шольц, д-р филос. наук, почётный проф. (Рурский университет, Бохум, Германия)

Н.П. Щукина, д-р социол. наук, проф. (Самарский государственный медицинский университет, Самара, РФ)

Н.А. Ястреб, д-р филос. наук, доц. (Вологодский государственный университет, Вологда, РФ)

Это контент открытого доступа, распространяемый по лицензии Creative Commons Attribution License, которая разрешает неограниченное использование, распространение и воспроизведение на любом носителе при условии правильного цитирования оригинальной работы. (CC BY 4.0)

ISSN 2782-2966

SEMIOTICHESKIE ISSLEDOVANIIJA

SEMIOTIC STUDIES

Scientific journal

Vol. 2 • no. 3 • 2022

СЕМИОТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ. SEMIOTIC STUDIES
SEMIOTICHESKIE ISSLEDOVANIJA. SEMIOTIC STUDIES

JOURNAL FOUNDER AND PUBLISHER

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
SAMARA NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY

The journal “Semiotic Studies” is a scientific periodical highlighting the issues of general semiotics and adjacent disciplines. The sign, sign process and its agenda, signification (semantics), syntactics and pragmatics as the measurements of semiosis, material realization of a sign – the research areas of the published papers. The journal is focused on the interdisciplinary synthesis of theoretical and practical knowledge implemented within the framework of philosophy, literature studies and sociology.

The aim of the journal is studying, implementing and promoting the semiotic approach to researching into the reality.

The objectives of the journal – developing the international, interdisciplinary research space in terms and models of general semiotics, maintaining the current state of the classical heritage and new ideas’ testing of semiotic thought, developing and application of semiotic analysis and interpretation patterns in philosophical, literature and sociological knowledge.

Remit of the journal

5.7. Philosophy (Social sciences and humanities)

- 5.7.1. Ontology and theory of knowledge
- 5.7.6. Philosophy of science
- 5.7.7. Social and political philosophy

5.9. Philology (Social sciences and humanities)

- 5.9.1. Russian literature and literature of the peoples of the Russian Federation
- 5.9.3. Literary theory

5.4. Sociology (Social sciences and humanities)

- 5.4.2. Economic sociology
- 5.4.4. Social structure, social institutions and processes
- 5.4.7. Management sociology

All the articles undergo reviewing by the Antiplagiat program and double-blind peer-reviewing by the leading scientists in line with the remit and specialities of the journal.

1, Academician Pavlov Street, Samara, 443011, Samara region, Russian Federation.
Tel. +7 (846) 3345406, e-mail: semiotic@ssau.ru
www: <https://journals.ssau.ru/semiotic>

Chief Editor

A.Yu. Nesterov, Dr. phil. habil., Associate Professor
(Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

Deputy Chief Editor

L.G. Tyutelova, Dr. philol. habil., Associate Professor
(Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

Executive Editor

T.Yu. Deptsova, Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

Editorial office address:

Publisher and Founder: Samara National Research University

Address of Publisher: Center of Periodical Publications of Samara National Research University, room 312B(Б), building 22A, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Samara region, Russian Federation.

The mass media registration certificate **III No. ФС77-79678 as of 27.11.2010** is issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media.
ISSN 2782-2966

Subscription index in the United catalog
«Press of Russia» 85744
ISSN 2782-2966

Proofreading – *I.V. Akhmatova*
Computer layout, design – *I.V. Akhmatova*
Information in English – *V.D. Shevchenko*,
L. Akhtamyanova

Business model: financing of the journal is carried out by the founder, all articles are published free of charge. 0+, free price.
The Authors' articles do not necessarily reflect the views of the publisher.

The art works by Karl Eimermacher have been used while creating the cover design.

Passed for printing on 05.10.2022. The publication 24.10.2022. Format 60x84/8. Litho paper. Instant print. Print. sheet. 16,75. Circulation 200 copies. Order No.

Printed using the ready layout original at OOO (LLC) Pryme Printing house.

Printing house address: 12, Baikalskij pereulok, Samara, 443079, Samara region, Russian Federation. Tel. +7 (846) 922-62-90, e-mail: prime.163@mail.ru

© Samara National Research University, 2022

Editorial board

- K. Eimermacher**, Dr. philol. habil., Professor Emeritus (Ruhr University, Bochum, Germany)
V.I. Arshinov, Dr. phil. habil., Professor (Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
P.N. Baryshnikov, Dr. phil. habil., Associate Professor (Pyati-gorsk State University, Pyatigorsk, Russian Federation)
T.V. Bernyukevich, Dr. phil. habil., Professor (Moscow State University of Civil Engineering, Moscow, Russian Federation)
V.Yu. Bocharov, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)
N. Werber, Dr. philol. habil., Professor (University of Siegen, Siegen, Germany)
M.N. Volf, Dr. phil. habil., Associate Professor (Institute for Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)
N.V. Golovko, Dr. phil. habil., Associate Professor (Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation)
I.V. Demin, Dr. phil. habil., Associate Professor (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)
D.I. Dubrovsky, Dr. phil. habil., Professor (Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
T.N. Ivanova, Dr. soc. habil., Associate Professor (Togliatti State University, Togliatti, Russian Federation)
V.E. Lepskiy, Dr. psych. habil., Professor (Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
M.N. Lipovetsky, Dr. philol. habil., Professor (Columbia University, New York, USA)
V. Lopichich, Dr. philol. habil., Professor (University of Nis, Nis, Serbia)
N.P. Maliutina, Dr. philol. habil., Professor (University of Biały-stok, Biały-stok, Poland)
A.I. Mantarova, Dr. soc. habil., Professor (Institute of Philosophy and Sociology at Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, Bulgaria)
Y. Pörzgen, Dr. philol. habil., Professor (University of Bremen, Bremen, Germany)
P. Risthaus, Dr. philol. habil., Professor (Open University of Hagen, Hagen, Germany)
N.T. Rymar, Dr. philol. habil., Professor (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)
S.A. Sudin, Dr. soc. habil., Associate Professor (National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation)
S. Tomashchikova, Dr. phil. habil., Associate Professor (University named after Pavel Yosef Shafaric, Košice, Slovakia)
I.A. Hristov, Dr. soc. habil., Professor (Plovdiv University “Paisii Hilendarski”, Plovdiv, Bulgaria)
G. Scholtz, Dr. phil. habil., Professor Emeritus (Ruhr University, Bochum, Germany)
N.P. Shukina, Dr. soc. habil., Professor (Samara State Medical University, Samara, Russian Federation)
N.A. Yastreba, Dr. phil. habil., Associate Professor (Vologda State University, Vologda, Russian Federation)

This is an open access content distributed in accordance with the Creative Commons Attribution License which permits unrestricted use, distribution, and reproduction via any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

СОДЕРЖАНИЕ

Философия

Анисов А.М. Ст. Лем о невозможности жизни и прогнозирования.	8
Фаритов В.Т. Семиотика духа: философский и психологический дискурс	18
Конев В.А. Новая охота на Сэтавра.	26
Сериков А.Е. Фантастика как источник реалистического описания поведения (на материале рассказа Кира Булычёва «Я набираю номер»)	32
Ястреб Н.А. Гарри Поттер и технопессимизм: готовы ли «зумеры» к техническому прогрессу?	39
Марков А.В. Кинематографическая интерпретация психоанализа: к различию черно-белого и цветного кинематографа.	46

Литературоведение

Даренский В.Ю. С. Лем как теоретик литературы: экзистенциалист под маской структуралиста	52
Смердова Е.А. Семиотический потенциал безумия: моделирование расстройства мышления как способ создания фантастической текстовой картины мира (на материале текстов С. Лема)	61
Перепелкин М.А., Перепелкин И.М. Поэтика варианта. Рассказы Н.Г. Гарина-Михайловского на страницах самарской периодики 1890-х–1900-х гг.	70
Морозова К.И. О дивный новый мир А.К. Гольдбаева	81

Социология

Авдошина Н.В., Егорова С.В., Васькина Ю.В., Зорина С.В., Демина А.И., Нестеров А.Ю. Концептуальная схема социально-психологического мониторинга обучающихся	87
Корсун М.А. Опыт взаимодействия с экологическим каркасом современного города.	102
Финкельштейн И.Е. Культурные (медицинские) представления хронических больных в период пандемии COVID-19: механизмы работы и формирования культурного знания в ситуации неопределенности	110
Колесник Н.В., Хосуева С.Д. Политические коммуникации и игровые механики	119
<i>Требования к оформлению статей</i>	128

CONTENTS

Philosophy

Anisov A.M. St. Lem on the impossibility of life and prognostication	8
Faritov V.T. Semiotics of spirit: philosophical and psychological discourse	18
Konev V.A. New hunt for Sataur	26
Serikov A.E. Science fiction as a source of realistic description of behavior (based on the short story by Kir Bulychev "I'm dialing a number")	32
Yastrebn N.A. Harry Potter and technopessimism: are "zoomers" ready for the technological progress?	39
Markov A.V. Cinematic interpretation of psychoanalysis: to the difference between black-and-white and color cinematography	46

Literature studies

Darenskiy V.J. S. Lem as a literary theorist: an existentialist underneath the mask of a structuralist	52
Smerdova E.A. Semiotic capacity of insanity: thought disorder modelling as a tool for possible text world making (based on texts by S. Lem)	61
Perepelkin M.A., Perepelkin I.M. Poetics of the variant. N.G. Garin-Mikhailovsky's stories in the Samara periodicals of the 1890s–1900s.	70
Morozova K.I. Oh brave new world of A.K. Goldebaev.	81

Sociology

Avdoshina N.V., Egorova S.V., Vaskina Yu.V., Zorina S.V., Demina A.I., Nesterov A.Yu. Conceptual framework for students' social psychological monitoring.	87
Korsun M.A. Experience of interaction with the ecological framework of a modern city.	102
Finkelstein I.E. Cultural (medical) ideas of long-term care patients during the period of the COVID-19 pandemic: mechanism and formation of cultural knowledge in an uncertain situation	110
Kolesnik N.V., Khosueva S.D. Political communications and game mechanics	119
<i>Requirements to the design and layout of articles</i>	128

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 1.11.111

DOI: 10.18287/2782-2966-2022-2-3-8-17

Дата поступления: 01.07.2022
рецензирования: 05.09.2022
принятия: 20.09.2022

А.М. Анисов

Институт философии Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: a.m.anisov@yandex.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3492-2006>

Ст. Лем о невозможности жизни и прогнозирования

Аннотация: в статье анализируются философские идеи Ст. Лема, высказанные им в новелле с двойным названием «О невозможности жизни» и «О невозможности прогнозирования». Показано, что в основе новеллы лежит онтологическая проблематика, связанная со статусом существования уникальных событий будущего. Особенности этого статуса демонстрируются Лемом на примере выдуманной истории появления на свет будущего профессора Коуски, от имени которого делаются индетерминистские выводы о природе уникальных событий. Одним из ключевых выводов является лемовский тезис о том, что информации о будущих уникальных событиях объективно не существует. Поэтому прогнозирование событий такого рода невозможно в принципе. Отсутствие информации связано с тем, что будущего онтологически нет, оно ещё не случилось. Этот лемовский тезис дополняется рассуждением автора о том, что и прошлого онтологически уже нет, что проявляется в индетерминированном бесследном исчезновении из прошлого части уникальных событий по мере течения времени. Доводы в защиту индетерминизма включают критику догматического детерминизма парменидовской науки и философии, выбрасывающих время и изменения из бытия. В результате догматический детерминизм игнорирует историю как упорядоченную совокупность уникальных событий. Обосновывается новое понимание возможного, не связанное с идеей элементарных событий теории вероятности и множественностью возможных миров модальной логики.

Ключевые слова: онтология; существование; уникальное событие; индетерминизм; случай; возможное; время; модусы времени; прогнозирование.

Цитирование: Анисов А.М. Ст. Лем о невозможности жизни и прогнозирования // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2022. Т. 2, № 3. С. 8–17. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-3-8-17>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Анисов А.М., 2022 – доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт философии Российской академии наук, 109240, Российская Федерация, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

SCIENTIFIC ARTICLE

A.M. Anisov

Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
E-mail: a.m.anisov@yandex.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3492-2006>

St. Lem on the impossibility of life and prognostication

Abstract: the article analyzes the philosophical ideas of St. Lem, expressed by him in the short story with the double title "On the Impossibility of Life" and "On the Impossibility of Prognostication". It shows that the story is based on ontological issues related to the existence status of unique future events. Lem demonstrates the features of this status through the example of a fictional story of future Professor Kouska's birth, on whose behalf indeterministic conclusions about the nature of unique events are made. Lem's thesis that the information about future unique events objectively does not exist is one of the key conclusions. For this reason, prognosticating events of this kind is basically impossible. The lack of information is related to the fact that ontologically there is no future, it has not happened yet. This Lem's thesis is supplemented by the author's reasoning that the past no longer ontologically exists that appears in the indeterminate traceless disappearance of a part of unique events from the past as time passes. Defense to indeterminism includes criticism of the

dogmatic determinism of Parmenidean science and philosophy, that dispel time and change from being. As a result, dogmatic determinism ignores history as an ordered set of unique events. A new understanding of the possible is substantiated, unrelated to the idea of probability theory elementary events and a great number of modal logic possible worlds.

Key words: ontology; existence; unique event; indeterminism; chance; possible; time; time modes; prognostication.

Citation: Anisov, A.M. (2022), St. Lem on the impossibility of life and prognostication, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 2, no. 3, pp. 8–17, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-3-8-17>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Anisov A.M., 2022 – Doctor of Sciences in Philosophy, Professor, Leading Researcher, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, 12, building 1, st. Goncharnaya, Moscow, 109240, Russian Federation.

Введение

Речь пойдёт об одной из новелл, входящих в сборник «Абсолютная пустота» – собрание сочинённых Ст. Лемом *псевдорецензий* (по терминологии самого Лема) на несуществующие научные публикации (Лем 1995). Новелла носит двойное название «О невозможности жизни» и «О невозможности прогнозирования» (Лем 1995, с. 252–271). Можно было бы подумать, что имеется в виду крайне малая вероятность появления жизни и трудности с прогнозированием её эволюции. Если бы это было так, то ничего нового не было бы сказано. Ведь известно, что вероятность появления жизни оценивается на уровне вероятности таких событий, как появление новенького самолёта из торнадо, пронёсшегося над кладбищем самолётов, или как перепечатывание Библии сотни раз без единой ошибки стадом обезьян. Однако, намеренно или нет, Лем использует не понятие *вероятности*, а понятие *невозможности*, что лишний раз подчёркивает латинская терминология: рецензируемые несуществующие книги озаглавлены их мнимым автором Коуской (имя которого то ли Цезарь, то ли Бенедикт (Предположительно (ведь Лем здесь ответа не даёт), это иллюстрация *случая*: имя человека может выбираться случайно.)) «DE IMPOSSIBILITATE VITAE» и «DE IMPOSSIBILITATE PROGNOSENDI» соответственно. А это существенно меняет дело. Из статистической физики известно, что существует очень маленькая, но отличная от нуля вероятность того, что вода в чайнике, поставленном на горячую плиту, на мгновение превратится в лёд. Так что такое событие нельзя, строго говоря, назвать невозможным. Оно крайне мало вероятно, но не невозможно. Это с одной стороны.

С другой стороны, если нечто реально существует, то, вроде бы, оно никак не может быть невозможным. Более того, в алетической модальной логике (Анисов 2022, кн. 1, с. 204–205) принимается принцип $p \rightarrow \Diamond p$, означающий, что всё действительно возможно (буквально, если p , то возможно p). Если теперь принять p , то из этой посылки и принципа $p \rightarrow \Diamond p$ по правилу *modus ponens* непосредственно получаем утверждение о

том, что p возможно: $\Diamond p$. А раз жизнь на планете Земля, несомненно, существует, она, согласно этой логике, возможна! Получившееся несоответствие образует исходный пункт последующего анализа указанной работы Лема и приведёт к весьма неожиданным и нетривиальным следствиям.

Ход исследования

Исходную постановку проблемы Лем формулирует следующим образом: «Профессор Коуска написал книгу, в которой доказывает неизбежность такой постановки вопроса: либо теория вероятностей, на которой покоится естествознание, в корне неверна, либо никакого животного мира во главе с человеком не существует» (Лем 1995, с. 252). Обозначим высказывание «Теория вероятностей в корне верна» через p , а высказывание «Животный мир во главе с человеком существует» через q . Тогда исходная дилемма запишется как высказывание $\neg p \vee \neg q$ (где $\neg$ читается как отрицание «не», а $\vee$ читается как дизъюнкция «или»). Известно, что в реальности имеет место q , так что из посылок $\neg p \vee \neg q$ и q логически следует $\neg p$, т. е. высказывание «Теория вероятностей в корне неверна».

Но на этой теории действительно покоится точное естествознание! Где же «проваливается» теория вероятности? Как выясняется из дальнейшего изложения, она оказывается непригодной в отношении такого рода событий, которые можно назвать *уникальными*, хотя сам этот ключевой (на наш взгляд) термин Лем использует в рассматриваемом тексте всего три раза. А схожий по смыслу термин *индивидуальность* – всего лишь единственный раз. В качестве примера уникального события берётся личная история Коуски, но не как профессора и заведующего кафедрой, а как младенца, т. е. история его появления на свет. С присутствием Лему неподражаемым юмором описываются перипетии этого события, сами по себе тоже неповторимо уникальные и индивидуализированные.

«Профессиональные статистики, сознающие, насколько сложно положение дел в мироздании, обычно увиливают от рассмотрения вероятности таких событий, как чье-то появление на

свет», – отмечает Лем (разумеется, от имени Коуски) – «Чтобы отвязаться, они говорят, что дело здесь в скрещении необозримого числа причинно-следственные связей» и что «это, дескать, невозможность всего лишь техническая, а не принципиальная; связанная с трудностью собирания информации, а не с тем, что **такой информации вообще нет на свете** (Выделено мною – А.А.)» (Лем 1995, с. 255–256). Заявление о том, что «**такой информации вообще нет на свете**» имеет важное значение в проблеме онтологического статуса уникальных событий. Информации о будущих появлениях на свет нет потому, что нет самих этих каждый раз уникальных появлений. *Они онтологически ещё не существуют.*

Между тем исходный пункт теории вероятности заключается в постулировании существования множества так называемых *элементарных событий*. Эти события в теории могут иметь даже нулевую вероятность. Но некоторые множества таких событий имеют вероятность, отличную от нуля. А всё множество элементарных событий имеет вероятность, равную единице. Однако никакого реально существующего множества всех будущих рождений онтологически не существует. Теорию вероятности в данной ситуации просто не к чему применить, нет объекта применения. Может быть, положение дел можно исправить, введя в рассмотрение множество уже состоявшихся появлений на свет? Увы, это гипотетическое множество также онтологически уже не существует. Вряд ли, например, онтологически существует информация о рождении изобретателя (или изобретателей?) колеса. Вся подобного рода информация могла быть безвозвратно стёрта из универсума в ходе течения времени.

Но если существуют события, которые не только не наступают с неизбежностью, но даже не имеют вероятностного обоснования, то мы получаем *индетерминированный универсум*, в котором есть два непресекающихся класса событий. Один класс состоит из повторяющихся событий, которые описываются либо однозначными, либо вероятностными законами, а другой класс содержит события неповторимые, лишь однажды случившиеся и потому не предсказуемые даже вероятностно. Но они всё же, хотя и индетерминированным образом, произошли в реальности: «То, что случается, если на самом деле случается, – то и случается; таков главный тезис профессора Коуски» (Лем 1995, с. 253).

Здесь нужно предостеречь от возможной ошибки. После того, как уникальное событие случилось, к нему становятся применимы разного рода оценки, в том числе вероятностные. Например, то, что у родителей Коуски появится мальчик, – это событие с вероятностью 0,51. Но то, что этот ещё не родившийся мальчик будет

именно Коуской, конкретным уникальным и неповторимым индивидом, реально предсказать невозможно. *После* его появления на свет, задним числом, этому событию можно приписать указанную вероятность, мысленно стерев его индивидуальность. Однако *до* свершения уникального события предсказать его *невозможно*. Так Лем и пишет о невозможности прогнозирования.

Из сказанного видно, что автор неразрывно связывает наличие уникальных событий с индетерминизмом. Не берусь судить, как к индетерминизму относился Лем. В обсуждаемой работе он осуществляет мысленный эксперимент, рассуждая от имени выдуманного персонажа – индетерминиста профессора Коуски. Могло стать, что у Лема не было определённого взгляда на проблему индетерминизма, хотя та роль, которую в разных произведениях Лем отводил случаю, говорит скорее в пользу позиции индетерминизма (Язневич 2014). Как бы там ни было, в истории философской и научной мысли проблема *детерминизм – индетерминизм* непримиримым образом разделяла исследователей на протяжении веков.

В наше время детерминисты превзошли даже такого противника идеи случая, как П.С. Лаплас. Пытаясь избежать индетерминистских выводов из феномена редукции волновой функции в квантовой физике, они объявили, что каждый возможный результат такой редукции реализуется в каком-либо другом мире, якобы существующем наряду с нашей Вселенной (так называемая «многомировая» интерпретация квантовой физики Х. Эверетта). Эти альтернативные «Вселенные» образуют некий «Мультиверс», число «миров» в котором превосходит число элементарных частиц в нашей Метагалактике. И это делается от имени передовой науки, без каких бы то ни было ссылок на экспериментальное подтверждение реального существования хотя бы одной альтернативной Вселенной! Как справедливо отметил А.Ю. Севальников, «Интерпретация Эверетта среди всех известных трактовок занимает особое место. Она является совершенно не «фальсифицируемой» как с физической, так и с «метафизической» точек зрения» (Севальников 2003, с. 89). Но кого в наше время волнуют такие «мелочи»? В итоге некоторые адепты догматического детерминизма пришли к выводу о том, что всё, что возможно, где-нибудь да реализуется, как бы ни была маловероятной такая реализация.

Автор как-то имел неосторожность вступить в письменную полемику – см. статью (Анисов 2012) – с ярким сторонником догматического детерминизма А.Н. Павленко, критически рассмотрев некоторые его работы в защиту тезиса о том, что все (буквально *все!*) события уже от века «прописаны» в универсуме, так что изменить ничего нельзя и свободы выбора нет. Андрей Николаевич

попросту не обратил внимания на контрдоводы, и в своей новой книге (Павленко 2020) (в которой моя статья даже не упомянута) превзошёл самого Парменида в отстаивании полностью завершённого в своей событийной целостности «прописанного» бытия (А.Н. Павленко признаётся: «... Ближе к пониманию существа Прописи был даже не Платон – с его «идейным» атомизмом, а Парменид – с его единым и неизменным бытием»). (Павленко 2020, с. 57)). Со ссылкой на современную физику А.Н. Павленко приходит к выводу: «... Вселенная в целом *внутри самой себя никаких изменений не претерпевает*» (Павленко 2020, с. 89). Действительно, современное точное естествознание имеет отрицающие время и изменения парменидовские черты (подробнее о парменидовской науке см. (Анисов 2000)). Однако, вместо того, чтобы признать исключение темпоральных феноменов за существенный недостаток в описании реальности, философствующие учёные нередко сознательно видят в таком подходе истину в последней инстанции. Дескать, раз физика не замечает изменений в ходе течения времени, то никакого течения времени в действительности и нет. По-видимому, в основе приверженности догматическому детерминизму лежит некое иррациональное мироощущение, сродни религиозному. Оно прекрасно вписывается в догмат о божественном всеведении, согласно которому Богу известны все события: и прошедшие, и настоящие, и будущие. Какая уж тут свобода выбора...

Может быть, противоположная позиция приверженности к индетерминизму столь же иррациональна? К сожалению, отчасти «да». Среди сторонников индетерминизма можно найти настоящих мистиков. Однако в предлагаемой Лемом интерпретации индетерминизма ничего мистического нет, как нет мистики и в позиции автора. Более того, это *фальсифицируемая* позиция. Например, если станут возможными путешествия во времени, то можно будет выигрывать в рулетку, «подсмотреть» заранее будущий исход броски шарика. Или сегодня прочитать завтрашние газеты. Или, отправившись в прошлое, узнать имя изобретателя колеса. И т. п. Если скажут, что это невозможно, то и мы утверждаем, что невозможно. Другой вопрос, почему? С нашей позиции потому, что прошлого онтологически уже нет, а будущего, даже ближайшего, онтологически ещё нет. В пространстве нельзя отправиться в место, которого нет, которое не существует. Аналогичным образом, во времени мы всегда пребываем в настоящем (Точнее, в метанастоящем, включающем в себя сохранившиеся следы прошлых событий и предопределённые события будущего (например, следующее солнечное затмение). Подробнее см. книгу (Анисов 1991). Краткое изложение – в книге (Анисов 2022, кн. 2)), и никогда не

сможем оказаться в исчезнувшем прошлом или в не наступившем будущем.

Позиция индетерминизма не только фальсифицируема, но и *верифицируема*, в отличие от догматически утверждаемого тотального детерминизма. Эмпирически достоверным свидетельством в пользу индетерминизма является сам факт существования индивидуализированных неповторимых событий, составляющих основу их исторического описания. То, что будущего онтологически ещё нет, подтверждается невозможностью написания истории будущего. История не потому наука о прошлом, что её так определили, а потому, что истории будущего не существует. Поскольку онтологически не существует множества уникальных событий, относящихся к будущему. Историк просто нечего описывать.

Сказанное относится не только к гражданской истории, но ко всем историческим наукам, будь это история Солнечной системы, история планет, история Земли, история жизни на ней и т. п. В наибольшей мере изучена история Земли и жизни на ней. Эта история обобщена в *геохронологической шкале*. В варианте этой шкалы, приведённой в книге (Марков 2010, с. 93–94), история жизни начинается с эоархейской эры, начало которой не определено! Но ведь точно так же не определено время появления первого человека, первого города, первого государства, первой доказанной теоремы и т. п. Истоки любого важного древнего исторического феномена скрыты от нас в глубине веков. Далее эры, периоды и эпохи продолжают – до какого времени? Естественно, вплоть до настоящего времени! Мы с вами живём в кайнозойскую эру неогенового периода эпохи голоцен. Это и есть длящееся *настоящее* шкалы. А дальше? А дальше ничего нет! Ведь будущее онтологически не существует. Можно, конечно, догматически утверждать, что будущие геологические эры, периоды и эпохи уже существуют, поскольку, дескать, «прописаны». Но где доказательства их «прописанности»? Вопрос риторический. Впечатляющие результаты, полученные историческим естествознанием, попросту игнорируются догматическими детерминистами.

Наивно полагать, что, ознакомившись с вышесказанными доводами, догматические детерминисты будут озадачены. Доводы их не интересуют, поскольку им мистическим образом известно, что все события уже «прописаны». Здесь нужны иные приёмы. Лем устами профессора Коуски рекомендует придерживаться «какого-нибудь учёного-физика или иного вероятностника за локоть, чтоб не сбежал, ведь эта публика страх как не любит видеть посрамление своего метода» (Лем 1995, с. 254). Дельный совет – ведь ни теория вероятностей, ни теоретическая физика не предлагают адекватной трактовки времени. Су-

ществование истории уникальных событий, индетерминированным образом развёртывающихся в ходе течения времени, убеждённые физики игнорируют.

Зато на историю уникальных событий обратили внимание неокантианцы баденской школы, главные представители которой – Вильгельм Виндельбанд (1848–1915) и Генрих Риккерт (1863–1936). Оба выдающихся немецких философа принадлежат как мыслители, по сути, XIX веку, хотя по времени жизни оба «зашли» (особенно Риккерт) в XXое столетие. «Опытные науки, – утверждает В. Виндельбанд, – ищут в познании действительного либо общего в форме естественного закона, либо отдельного в виде исторически определённого образа; они рассматривают в одном случае всегда остающуюся себе равной форму, а в другом – однократное, в себе определённое содержание действительно происходящего. Одни из них суть науки закона, другие – науки события; первые учат о том, что всегда есть, вторые – о том, что было однажды. Научное мышление – если только позволительно пустить в оборот новые искусственные термины – в одном случае номотетично, а в другом – идиографично» (Виндельбанд 1995, с. 666).

Г. Риккерт в своей объёмной книге (Риккерт 1997), вышедшей на рубеже XIX и XX столетий, детально развивает эту идею В. Виндельбанда, уделяя основное внимание особенностям идиографического метода научного познания. При этом остаётся неясным, что понимается под уникальным событием и индивидуальной вещью, т. е. без внимания остаётся онтологическая сторона проблемы. Поскольку реальная действительность буквально кишит индивидуальными событиями и вещами, главным оказывается не онтологический вопрос, что это такое, а эпистемологический вопрос о том, каков принцип отбора индивидуальностей в исторических описаниях.

Риккерт рассматривает весьма наглядный пример, призванный проиллюстрировать суть дела. Вот перед нами два объекта: кусочек угля и алмаз. Оба они, несомненно, индивидуализированы, уникальны и в своих деталях неповторимы. Но первый объект не может заинтересовать историка, тогда как второй может послужить основанием для соответствующей истории. Получается, что проблема не в индивидуальности как таковой, т. е. не в онтологии, а в том, каков принцип отбора из безмерной совокупности индивидуальностей тех индивидуумов, которые представляют интерес для исторической науки, т. е. в эпистемологии. И Риккерт даёт однозначный ответ: историк обращает внимание лишь на те индивидуальности, которые представляют из себя некоторую непреходящую ценность. Тем самым найден принцип отбора: это отнесение к ценности. Риккерт

пишет: «... Ясно, что то значение, которым обладает алмаз, основывается лишь на той ценности (Werth), к которой мы относим его ничем не заменимую единственность в своём роде» (Риккерт 1997, с. 286).

Мне уже приходилось анализировать идиографический метод в (Анисов 2003), поэтому не буду повторяться. Обратим внимание на другое важное обстоятельство: в отличие от работ неокантианцев баденской школы, в анализируемой новелле Лема речь идёт не об эпистемологии исторического познания, а об онтологии уникального. Да, Лем здесь не применяет методы логического анализа. Вместо этого он виртуозно использует литературные приёмы, демонстрируя нередуцируемость онтологии уникального к онтологии теории вероятностей. Далее попытаемся явно вычленив некоторые из ключевых итогов лемовского рассмотрения онтологии уникального, вполне понимая, что работа такого типа разрушает художественное впечатление, создаваемое при чтении данной новеллы.

В центре лемовского повествования придуманное уникальное историческое событие – рождение мальчика, будущего профессора Коуски. Обозначим это событие через греческую букву τ . Чтобы событие τ произошло, должно было (1) сойтись воедино поистине необозримое множество Ω других уникальных событий, каждое из которых носило случайный характер, т. е. могло как быть, так и не быть. Задать какой-либо пересчёт этого множества не представляется возможным. И не только потому, что этих событий необозримо много, но и потому, что они носят (2) разнородный характер: здесь не только перипетии случайных встреч людей, но и перегоревшая пробка на лестнице в одном из домов, хрипота голоса одной из девиц из-за полипа голосовых связок, наступление Брусилова в ходе Первой мировой войны, кража полковой кассы, тугая педаль управления одной из моделей тогдашних самолётов и прочее, и прочее.

Если бы разнородность касалась только уникальных событий, близких по времени к τ , но и это не так. Уникальные события из Ω , приведшие к τ , (3) далеко разнесены во времени. «Миллиарды, триллионы событий должны были произойти так, как они действительно произошли», чтобы появились на свет родители Коуски. «И столь же бесчисленное множество событий обусловило рождение их отцов, дедов, прадедов и т.д.». Но тут надо учесть и тех предков Коуски, которые, «еще не ставши людьми, вели четверорукий древесный образ жизни в раннем палеолите». А их судьбы зависели от ещё более ранних событий, в том числе геологического масштаба, так что «не упали метеорит на Динарское нагорье два с половиной миллиона лет назад, профессор Коуска тоже не

смог бы родиться» (Лем 1995, с. 264). Далее, события из Ω (4) имеют *разный пространственный масштаб*, простираясь от микроявлений («сочетание генов», «сульфатные газы») и макроявлений (которым уделяется основное внимание) до мегаявлений космического масштаба (появление Солнечной системы, рождение Земли).

Так каковы же границы множества уникальных событий Ω , обусловивших событие τ ? Несколько неожиданно звучит утверждение, что (5) «Такие объекты, как солнца, планеты, облака, камни, во все не уникальны, а всякий живой организм уникален» (Лем 1995, с. 264). Даже Риккерт, не интересовавшийся онтологией уникального, понимал, что уникальным может быть и камень (вспомним его пример с алмазом). Да и упоминание события падения метеорита (а метеорит и есть камень!) и его роли в порождении τ , вроде бы не оставляет сомнений, что речь идёт об уникальном событии. Разве что некоторые объекты, в нём участвовавшие, могут быть не уникальными. Например, в атомах упавшего метеорита ничего уникального нет. Насколько известно современной науке, ни один атом любого химического элемента не обладает индивидуальностью, позволяющей, к примеру, дать ему собственное имя. Но сам метеорит в целом, безусловно, индивидуален, неповторим и обладает собственной уникальной историей. Поэтому пункт (5) в лемовской онтологии уникального представляется ошибочным.

Другой возможный вывод (6), что *весь Космос участвовал в подготовке τ* , по мнению Коуски (надо полагать, и Лема), ложен. Конечно, если посчитать, «будто весь Космос есть нечто вроде машины, устроенной именно так, а не иначе для того лишь, чтобы профессор Коуска мог родиться», то, согласимся, что «это очевидная чушь» (Лем 1995, с. 264). Тем не менее, оставляя за бортом версию телеологической причинности, приходится признать, что космические истоки земных уникальных событий неопределённо широки. Чтобы осуществлялась земная история людей, необходима была высокоразвитая жизнь, соответствующая планета, вращающаяся вокруг подходящей звезды по благоприятной для жизни орбите, сама звезда должна была находиться подалеже от чёрных дыр, сверхновых звёзд и прочих космических угроз и т. д. Наконец, сама Вселенная должна была быть такой, чтобы жизнь была возможной миллиарды лет подряд хотя бы в некоторых её местах. Так что пункт (6) заслуживает внимания как возможно истинный.

Тем не менее, несмотря на наличие множества событий Ω , прогнозирование на его основе наступления события τ принципиально невозможно, поскольку (7) *никакой информации о τ в Ω нет, как нет её где бы то ни было вообще даже за мгновение до того, как τ произошло*. Мы уже ци-

тировали высказывание Коуски (Лема?) о том, что такой информации вообще нет на свете, т. е. нет онтологической основы для информации такого рода, несмотря на осуществление событий из Ω . Иными словами, о событии τ нет никакой информации потому, что *ещё* нет самого события τ . Вот *после* того, как τ появится, можно будет о нём порассуждать, в том числе приписывать те или иные вероятности с учётом того, что уникальность τ не отменяет его общности с событиями того же типа (вероятность успешности родов, вероятность рождения мальчика и т. п.).

Почему вообще появляются уникальные события типа τ ? «Потому, отвечает профессор Коуска, что сколь бы невероятным образом что-либо ни произошло – раз уж оно произошло, то произошло!» (Лем 1995, с. 265). Или, как было процитировано выше, «что случается, если на самом деле случается, – то и случается». Получили тезис (8). Что же означает «случилось»? У Лема в этой новелле ответа нет. Предлагаем свой. «Случилось» – *значит произошло индетерминированным образом в ходе течения времени*. Чтобы случилось τ , должны были прежде случиться события из Ω , а *затем ход времени индетерминированно порождает τ* , творя историю уникальных событий. Строго говоря, события из Ω не являются причиной τ , поскольку вполне могло случиться, что τ так бы и не произошло, несмотря на наличие Ω . В последнее мгновение могло случиться что-то другое вместо τ . Но время породило именно τ .

Как время конкретно это делает в отношении события τ , великолепно, в деталях, показано у Лема. Аналогичным образом историки с той или иной мерой полноты описывают историю уникальных событий, но лишь после того, как они уже произошли, случились. Однако, поскольку живущие люди сами являются частью творящего историю времени, они тоже по мере своих сил и желаний творят историю, пусть не в пафосном значении этого слова, но в онтологическом смысле. Даже эта статья творится автором в историческом времени. Я ещё не могу сказать, что именно будет написано далее, и как неизбежно будут корректироваться уже написанные строки. В высшей степени далёкой от реальности представляется идея А.Н. Павленко, что данная статья уже прописана, и автор, подобно первокласснику, только обводит чернилами уже существующие прописи. (Впрочем, может быть, в чём-то Андрей Николаевич прав. Более тридцати лет назад меня поразил один автор книг и многочисленных статей по философии. Он заявил, что печатает свои труды на машинке (эра компьютеров ещё не пришла) сразу начисто, без черновиков. Наверное, у этого автора всё действительно было прописано.)

Отрицание случая, отрицание существования индетерминированных уникальных событий зако-

номерным путём ведёт к отрицанию времени или подмены его пространственными вневременными структурами. Классический пример – декартова система координат, где время представлено геометрической прямой, где нет выделенного момента настоящего и, тем самым, выделенных моментов прошлого и будущего. Любую точку можно взять за начало отсчёта, все таким образом представленные моменты времени равноправны. Геометризация времени весьма полезна при описании повторяющихся, массовых однотипных событий. И она же становится совершенно неадекватной при попытке применить её к описанию уникальных неповторимых событий.

Неотъемлемо присущие времени темпоральные модусы «сейчас», «было» и «будет» не вписываются в геометрические схемы. Поэтому их либо игнорируют, ссылаясь на физику, либо причисляют к субъективным моментам психики, либо объявляют противоречивыми и потому иллюзорными. К третьему варианту относится учение о времени Джона Эллиса МакТаггарта (1866 – 1925), изложенное в двух получивших широкую известность в западной философии работах (МакТаггарт 2019) и (McTaggart 1927). В первой работе изложены основные аргументы, а во второй они рассмотрены более подробно. Критический анализ учения об иллюзорности времени МакТаггарта был дан в книгах (Анисов 1991) и (Анисов 2022, кн. 2). Здесь мы ограничимся критикой исходного базового пункта рассуждений МакТаггарта, имеющей прямое отношение к проблеме онтологии уникальных событий. МакТаггарт пишет.

«Возьмите любое событие – например, смерть королевы Анны – и посмотрите, какое изменение имело место в его характеристиках. То, что это смерть, то, что это смерть Анны Стюарт, то, что у нее были такие-то причины, и то, что у нее были такие-то следствия, – каждая характеристика этого типа никогда не меняется... И в последний момент времени – если у времени есть последний момент – описываемое событие тоже будет смертью королевы Англии. И в каждом отношении, кроме одного, оно также будет неизменно. Но в одном отношении оно меняется. Оно начинает быть будущим событием. С каждым моментом оно становится событием во все более близком будущем. И наконец, оно было настоящим. Затем оно становится прошедшим, и всегда таким останется, несмотря на то, что с каждым моментом оно становится все более отдаленным» (МакТаггарт 2019, с. 215).

Теперь в нашем распоряжении есть два уникальных события: выдуманное Лемом событие рождения профессора Коуски и реальное событие смерти королевы Анны Стюарт, случившееся в 1714 г. Коль скоро первому событию было дано

обозначение τ , обозначим и второе событие, используя символ σ . Обратим внимание: у МакТаггарта событие σ всегда, т. е. во всякий момент времени, присутствует в универсуме. Некоторое сомнение может породить фраза «начинает быть будущим событием». Но если истолковать этот оборот в том смысле, что когда-то события σ вообще не было, а затем оно появилось и начало быть будущим, то это как раз моя точка зрения, а отнюдь не МакТаггарта. У него все события мира, включая уникальные, уже наличествуют в реальности. И вопрос только в том, что делает их прошлыми, настоящими и будущими.

МакТаггарт справедливо утверждает, что темпоральные модусы взаимно исключают друг друга. И довольно убедительно показывает, что каждое событие, *если оно всегда существует в универсуме в неизменном виде*, имеет их все сразу, так что получается противоречие: «Если [событие] M есть прошлое, то оно было настоящим и будущим. Если оно будущее, то оно будет настоящим и прошлым. Если оно настоящее, то оно было будущим и будет прошлым. Таким образом, все три несовместимых термина можно приписать каждому событию, что, очевидно, противоречит их несовместимости и тому, что изменение зависит от них» (МакТаггарт 2019, с. 222). Тогда темпоральные модусы не имеют бытия, не существуют. Но без этих модусов время перестаёт быть временем, превращаясь в иллюзию, в несуществующий в реальности фантом. Ключевой пункт здесь – исходное утверждение, что *любое событие всегда существует в универсуме в неизменном виде*. В приводимом МакТаггартом примере с событием σ каждая его характеристика «никогда не меняется», за исключением противоречивых, по мнению МакТаггарта, и потому не существующих реально темпоральных характеристик «быть прошлым», «быть настоящим» и «быть будущим».

Опровержение доводов МакТаггарта осуществим на основе его же примера. Будущая королева Анна родилась в феврале 1665 г. Это событие уникальное, и потому ещё в феврале 1664 г. его точно так же заведомо онтологически не существовало, как и события рождения Коуски за год до его выдуманного рождения в вымышленной Вселенной. И вся аргументация, использованная Лемом в случае с Коуской, остаётся в силе применительно к событию рождения будущей королевы: информация об этом событии онтологически отсутствует и поэтому невозможно его спрогнозировать в принципе. И уж совсем бессмысленно говорить о событии σ смерти королевы, которая ещё не родилась. Тем самым та часть исходного утверждения МакТаггарта, в которой он настаивает на том, что любое событие *всегда* существует в универсуме, оказывается *ложной*. Будущие

уникальные события не существуют, поскольку самого будущего онтологически ещё нет. Так, события σ в универсуме, ограниченном февралём 1664 г., не только не было, но и быть не могло, т. к. σ относится к ещё не осуществлённому будущему после февраля 1664 г. То обстоятельство, что в августе 1714 г. это будущее осуществилось и событие σ вошло в изменившийся в ходе течения времени универсум, никак не влияет на факт отсутствия σ в универсуме февраля 1664 г.

Если тезис о пополнении множества уникальных событий универсума в ходе течения времени интуитивно понятен, то тезис о том, что уникальные события могут исчезать из универсума по мере их ухода в прошлое, может вызвать возражение: ведь прошлое неизменно, и то что уже случилось, случилось отныне и навсегда. Так ли это? Представим себе отдалённое будущее нашей Вселенной. Поскольку она эволюционирует, её ожидает либо расширение, сопровождаемое распадом материи на элементарные частицы, либо сжатие, в котором даже атомы исчезнут. МакТаггарт прямо утверждает, что и в последние времена событие σ будет существовать со всеми его характеристиками. Но в каком тогда смысле можно утверждать, что событие σ будет по-прежнему существовать в универсуме далёкого будущего? Где и как оно может существовать на поздних стадиях развития Вселенной, каким образом в ней может сохраниться информация об этом событии? Единственный адекватный ответ – никаким!

Тем самым обсуждаемая часть исходного тезиса МакТаггарта оказывается, если так можно выразиться, *дважды ложной*: она ложна как в отношении будущего, так и в отношении прошлого. Время не только индетерминированно пополняет универсум новыми уникальными событиями, но и индетерминированным образом уничтожает уже свершившиеся уникальные события по мере их ухода в прошлое. И нет ничего невозможного в том, что через миллионы или миллиарды лет полностью исчезнет из универсума событие σ , событие смерти последней королевы из династии Стюартов.

Исходное утверждение МакТаггарта является ложным и в той его части, в которой говорится о *неизменности во времени характеристик событий*. Это сложная тема, поэтому ограничимся коротким замечанием. МакТаггарт настаивает, что причины и следствия события σ «никогда не меняются». Это ложное утверждение. В действительности *следы событий стираются во времени* вплоть до их возможного полного исчезновения. Желательность расследования преступления по горячим следам – отнюдь не метафора. И хотя в событии σ , согласно историческим фактам, нет ничего криминального, оно подчиняется общему закону стирания следов. Наверняка свидетели

события σ могли бы сообщить о нём такие подробности, которые невозможно уже восстановить из нашего времени. Эти подробности уже онтологически не существуют, безвозвратно растворившись в ходе течения времени.

Таким образом, в целом исходное утверждение МакТаггарта является *трижды ложным*. Догматически постулируя *неизменность универсума* в качестве исходного пункта дальнейших рассуждений, МакТаггарт предрешает отрицательный ответ на вопрос о реальности времени. Но в индетерминированном изменении универсума заключается сама суть времени. Если ход времени остановится (а это логически возможно – см. (Анисов 1991) и (Анисов 2022, кн. 2)), лишь тогда изменения универсума прекратятся. Отсюда вывод: построения МакТаггарта находятся в русле парменидовской традиции.

Появление теории вероятностей и успешное её применение в естествознании и социологии не поколебало основы парменидовской науки. Вероятностная точка зрения оказалась ограниченной и неспособной на адекватные ответы в отношении проблемы уникальных событий, что было блестяще продемонстрировано Лемом в обсуждаемой новелле. Однако вклад Лема в постановку проблемы уникальных событий не исчерпывается критическими выпадами в адрес парменидовской науки. Лем является одним из двух известных мне философов (вторым являюсь я сам. Вместо того, чтобы улыбаться, назовите других. Буду очень благодарен), которые обратились к анализу *онтологии уникального*. Лемовский анализ осуществляется художественными средствами, а не теоретическими методами, основанными «на антиподиальных аксиомах базовой теории распределения фактуально небыточных ансамблей в пространственно-временном континууме высшего порядка» (Лем 1995, с. 253). Этой теории в действительности не существует. В реальности предлагаемый автором теоретический подход к онтологии уникального базируется на двух теориях: аксиоматической первопорядковой теории множеств Цермело – Френкеля с атомами (ZFA) и генетически заданной теории индетерминированной вычислимости (АВТ). Логика при этом остаётся классической в синтаксической её части, тогда как в семантической части вводятся три истинностных значения, так что семантика оказывается неклассической (Анисов 2022, кн. 2).

Попытаюсь предельно кратко изложить суть предлагаемого подхода. Уникальные объекты моделируются теоретико-множественными *атомами* или *праэлементами*. Атом, как и пустое множество, не содержит элементов, однако он не равен пустому множеству. Атомов может быть сколько угодно. Множество атомов A не задаётся заранее, как это обычно делается, а индетер-

минированным образом порождается АВТ-компьютером. Каждый акт порождения нового атома является формальным аналогом творения из ничего. В смысловом отношении каждый акт такого рода моделирует появление новых уникальных событий в ходе течения времени. Обсуждавшиеся выше уникальные события τ и σ в нашей теории будут являться атомами, причём в случае с реальным событием σ в роли АВТ-компьютера будет выступать сама Природа. В ходе дальнейших индетерминированных вычислений некоторые атомы могут бесследно исчезать. Сменяющие друг друга индетерминированные акты творения и уничтожения уникальных событий образуют историю соответствующего универсума (модельного или реального).

Заключение

Важным следствием предлагаемого подхода является иное понимание *возможного*. Стандартно множество всех возможностей задаётся заранее (как множество элементарных событий в теории вероятностей или множество возможных миров в модальной логике). В нашей теории никакого предзаданного множества всех возможных уникальных событий A не существует. Существуют лишь те элементы A , которые *уже* случились и *ещё* не исчезли. Но ведь и у Лема тоже множества уникальных событий будущего не существует! Правда, у Лема полностью выпадает проблема исчезновения некоторых уникальных событий прошлого. По-видимому, дело в том, что Лема интересует вопрос о научном прогнозировании будущего, а не вопрос о трудностях познания прошлого. И он даёт чёткий ответ на первый вопрос: прогнозирование будущего невозможно.

Теперь мы можем вернуться к модальному принципу, с которого начали: как в условиях иного понимания возможного интерпретировать формулу $p \rightarrow \diamond p$? Учитывая, что кроме уникальных событий наш универсум наполнен и повторяющимися событиями, в отношении которых вероятностное прогнозирование возможно, не следует ли сузить область модальной интерпретации на множество повторяющихся событий? Полагаю, что допустимо расширить эту область, включив в неё те уникальные события, которые *уже случились*. Коль скоро уникальные события τ и σ *уже* случились, они *стали* возможными. Но до этого они не были возможны ни в каком виде. Ошибочно предполагать, что раз эти события случились, то они где-то и как-то существовали до своего осуществления. Ведь если бы они существовали до реализации, то в силу аргументов МакТаггарта нам пришлось бы элиминировать из универсума время как противоречивый феномен. Лем неправоммерно суживает область уникального до сферы жизни, однако в главном он прав: нель-

зя наделять уникальные события будущего статусом существования до того, как они случились. В этом смысле будущие уникальные события онтологически невозможны. Поэтому их невозможно прогнозировать, описывать, давать им имена.

Библиографический список

- McTaggart, J.E. (1927), *The Nature of Existence*, Vol. 2, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Анисов А.М. Время и компьютер. Негеометрический образ времени. Москва: Наука, 1991. 152 с.
- Анисов А.М. Время и компьютер: Негеометрический образ времени. Изд. 2-е. Москва: ЛЕНАНД, 2021. 152 с.
- Анисов А.М. Темпоральный универсум и его познание. Москва: ИФРАН, 2000. 208 с.
- Анисов А.М. Идиографический метод с логической точки зрения // «Credo new». 2003. № 2. С. 6–19.
- Анисов А.М. Как возможно возможное? // Логико-философские исследования. Вып. 5 / Российское философское общество. Москва: Издатель Воробьев А.В., 2012. С. 101–119.
- Анисов А.М. Проблема становления в физике и в истории // Феномен времени сквозь призму современной науки: Возможность нового понимания. Проблема времени в физике XXI века. Москва: ЛЕНАНД, 2021. С. 69–114.
- Анисов А.М. Современная логика и онтология. Кн. 1: Традиционная логика. Пропозициональная логика. Логика предикатов. Москва: ЛЕНАНД, 2022. 352 с.
- Анисов А.М. Современная логика и онтология. Кн. 2: Аксиоматические теории. Теория множеств. Модели времени. Москва: ЛЕНАНД, 2022. 216 с.
- Виндельбанд В. Избранное: Дух и история. Москва: Юрист, 1995. 687 с.
- Лем Ст. Абсолютная пустота // Лем Ст. Собр. соч. в 13 т. Т. 10. Москва: ТЕКСТ, 1995. С. 140–324.
- МакТаггарт Д.Э. Нереальность времени // Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 56. № 2. С. 211–228.
- Марков А. Рождение сложности. Москва: Астрель, 2010. 527 с.
- Павленко А.Н. Новые Чёрты и Рёзы. Санкт-Петербург: Алетейя, 2020. 364 с.
- Риккерт Г. Границы естественнонаучного образования понятий. Логическое введение в исторические науки. Санкт-Петербург: Наука, 1997. 532 с.
- Севальников А.Ю. Современное физическое познание: в поисках новой онтологии. Москва: ИФРАН, 2003. 144 с.
- Язневич В.И. Станислав Лем. Минск: Книжный Дом, 2014. 448 с.

References

- McTaggart, J.E. (1927), *The Nature of Existence*, vol. 2, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Anisov, A.M. (1991), *Vremja i komp'juter. Negeometricheskij obraz vremeni*, Nauka, Moscow, Russia.
- Anisov, A.M. (2021), *Vremja i komp'juter. Negeometricheskij obraz vremeni*, Izd. 2, LENAND, Moscow, Russia.
- Anisov, A.M. (2000), *Temporal'nyj universum i ego poznanie*, IFRAN, Moscow, Russia.
- Anisov, A.M. (2003), Idiograficheskij metod s logicheskoj točki zrenija, *Credo new*, no. 2, pp. 6–19.
- Anisov, A.M. (2012), Kak vozmožno vozmozhnoe?, *Logiko-filosofskie issledovanija*, no. 5, Rossijskoe filosofskoe obshhestvo, Izdatel' Vorob'ev A.V., Moscow, Russia.
- Anisov, A.M. (2021), Problema stanovlenija v fizike i v istorii, *Fenomen vremeni skvoz' prizmu sovremennoj nauki: Vozmozhnost' novogo ponimaniya. Problema vremeni v fizike XXI veka*, LENAND, Moscow, Russia.
- Anisov, A.M. (2022), *Sovremennaja logika i ontologija, Kn. 1: Tradicionnaja logika, Propozicional'naja logika, Logika predikatov*, LENAND, Moscow, Russia.
- Anisov, A.M. (2022), *Sovremennaja logika i ontologija, Kn. 2: Aksiomaticheskie teorii. Teorija mnozhestv. Modeli vremeni*, LENAND, Moscow, Russia.
- Vindel'band, V. (1995), *Izbrannoe: Duh i istorija*, Jurist, Moscow, Russia.
- Lem, St. (1995), Absolutnaja pustota, *Lem St. Sobr. Soch. v 13 t.*, vol. 10, pp. 140–324.
- MakTaggart, D.Je. (2019), Nereal'nost' vremeni, *Jepistemologija i filosofija nauki*, vol. 56, no. 2, pp. 211–228.
- Markov, A. (2010), *Rozhdenie slozhnosti*, Astrel', Moscow, Russia.
- Pavlenko, A.N. (2020), *Novye Chérty i Rézy*, Aletejja, Moscow, Russia.
- Rikkert, G. (1997), *Granicy estestvennonauchnogo obrazovanija ponjatij. Logicheskoe vvedenie v istoricheskie nauki*, Nauka, St.-Petersburg, Russia.
- Seval'nikov, A.Ju. (2003), *Sovremennoe fizicheskoe poznanie: v poiskah novej ontologii*, IFRAN, Moscow, Russia.
- Jaznevich, V.I. (2014), *Stanislav Lem*, Knizhnyj Dom, Minsk, Belarus.

Submitted: 01.07.2022

Revised: 05.09.2022

Accepted: 20.09.2022

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 101

DOI: 10.18287/2782-2966-2022-2-3-18-25

Дата поступления: 01.07.2022
рецензирования: 05.09.2022
принятия: 15.09.2022

В.Т. Фаритов

Самарский государственный технический университет, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: vfar@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2270-4941>

Семиотика духа: философский и психологический дискурс

Аннотация: в статье проводится сравнительное исследование гегелевского философского учения о духе и юнговской психологии коллективного бессознательного. Базовые концептуальные ходы гегелевской диалектики сопоставляются с основополагающими понятиями юнговского учения, такими как коллективное бессознательное, персона, индивидуация, самость, проекция. Несмотря на ярко выраженное негативное отношение Юнга к гегелевской системе, в учении психолога выявляются многочисленные параллели с философией духа Гегеля. Раскрывается противоречие между приверженностью Юнга кантовской метафизике и обилием гегелевских мотивов в его психологической теории.

Ключевые слова: Гегель; Юнг; диалектика; коллективное бессознательное; индивидуация; самость; архетип; дискурс; дух; трансгрессия.

Цитирование: Фаритов В.Т. Семиотика духа: философский и психологический дискурс // Семиотические исследования. *Semiotic studies*. 2022. Т. 2, № 3. С. 18–25. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-3-18-25>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© **Фаритов В.Т., 2022** – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и социально-гуманитарных наук, Самарский государственный технический университет, 443100, Российская Федерация, г. Самара, Молодогвардейская, 244.

SCIENTIFIC ARTICLE

V.T. Faritov

Samara State Technical University,
Samara, Russian Federation
E-mail: vfar@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2270-4941>

Semiotics of spirit: philosophical and psychological discourse

Abstract: the article provides a comparative study of the Hegelian philosophical system of the spirit and the Jungian collective unconscious psychology. The basic conceptual courses of the Hegelian dialectic are compared with the fundamental concepts of Jungian school, such as the collective unconscious, personality, individuation, selfhood, projection. Despite Jung's pronounced negative attitude towards the Hegelian system, the psychologist's school has numerous parallels with Hegel's philosophy of spirit. The article reveals contradiction between Jung's commitment to the Kantian metaphysics and the abundance of the Hegelian motives in his psychological theory.

Key words: Hegel; Jung; dialectic; collective unconscious; individuation; selfhood; archetype; discourse; spirit; transgression.

Citation: Faritov, V.T. (2022), Semiotics of spirit: philosophical and psychological discourse, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 2, no. 3, pp. 18–25, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-3-18-25>.

Information about conflict of interests: author declares no conflict of interests.

© **Faritov V.T., 2022** – Doctor of Sciences in Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences and Humanities, 244, Molodogvardeiskaya, Samara, 443100, Russian Federation.

1. Постановка проблемы: Г.В.Ф. Гегель и К.Г. Юнг в контексте дискурса о духе

Отношение выдающегося психолога XX столетия Карла Густава Юнга к философскому учению Гегеля носит по преимуществу негативный характер. Уже первое знакомство с творчеством мыслителя не вызвало у него положительной реакции: «Гегель напугал меня своим языком, вымученным и претенциозным. Я не испытывал к нему никакого доверия. Он казался мне человеком, который заключен в тюрьму из собственных слов и с важным видом прохаживается по камере» (Гегель 2006, с. 91). Впоследствии неприятие гегелевской философии у Юнга только усилилось и систематизировалось. Наиболее значимое свидетельство на этот счет мы находим в работе «О природе психе»: «Когда Гегель восторжествовал над Кантом, это нанесло весомый удар разуму (то есть здравому смыслу) и всему дальнейшему развитию немецкой и, к сожалению, европейской мысли, – удар тем более губительный, поскольку Гегель был, хотя и неявно, психологом, проецирующим великие истины из области субъективного на космос, который он сам же создал. Мы знаем, насколько далеко сегодня простирается влияние Гегеля. Силы, компенсирующие такое пагубное положение дел, персонифицировались отчасти в позднем Шеллинге, отчасти в Шопенгауэре и Карусе, и в то же время тот необузданный «дионисийский (вакхический) Бог», присутствие которого уже Гегель почувал в природе, ошеломительным образом предстал наконец перед нами у Ницше» (Юнг 2002, с. 18–19). В учении Гегеля швейцарский психолог обнаруживает «инфляцию – и практическое отождествление философского разума с Духом, раздвигающее границы разума, фактически приравнивая его к Духу, что делает возможным умозрительное жонглирование объектом, достигающее потрясающей изощренности в его философии государства. Гегель предложил решение проблемы, поднятой эпистемологическим критицизмом, дав возможность идеям доказать свою неведомую автономную силу. Это они пробудили ту самую *hybris* разума, которая вела к появлению ницшевского сверхчеловека и, далее, к катастрофе, имя которой Германия» (Юнг 2002, с. 19). И, наконец, диагноз: «Философия, подобная гегелевской, является самооткровением психических предпосылок, а в философском смысле – предположением. Психологически это равнозначно вторжению бессознательного. Свообразный высокопарный язык Гегеля лишь подтверждает такое мнение: он напоминает выдающийся манию величия язык шизофреников, которые прибегают к завораживающе чудовищным словам, чтобы свести трансцендентное к субъективной форме, придать банальному пленительность новизны, представить общие места как глубины мудрости. Такая терминология – симптом, свиде-

тельствующий о бессилии, скудости ума и пустоте» (Юнг 2002, с. 19–20).

Это, пожалуй, одна из наиболее уничижительных характеристик Гегеля, сопоставимая разве что с язвительными замечаниями А. Шопенгауэра. На первый взгляд, мотивы такого сверхнеприязненного отношения к немецкому мыслителю кажутся очевидными. В эпистемологическом, гносеологическом и онтологическом плане Юнг разделяет воззрения И. Канта, о чем он неоднократно свидетельствует, в том числе и в цитируемой выше работе: «Мы должны прежде всего уяснить, что всякое знание – результат наложения некоего порядка на реакции психической системы, проникающие в наше сознание, – порядка, отражающего характер *метафизической* реальности – реальности в себе» (Юнг 2002, с. 20). Для любого последователя Канта отрицающий трансцендентную метафизическую реальность «вещей-в-себе» гегелевский абсолютный идеализм будет совершенно неприемлемым шарлатанством в философии. Так это было с Шопенгауэром и так же с Юнгом, в студенческие годы зачитывавшимся Шопенгауэром и Кантом. Обвинения, предъявляемые Юнгом Гегелю, носят достаточно стандартный характер и широко представлены в исследовательской литературе: это переоценка разума, отождествление его с Духом, Богом и бытием – со всеми вытекающими отсюда последствиями (Ильин 1994). Однако если читать сочинения Гегеля вместе с работами Юнга, то можно обнаружить, что ситуация не так проста и однозначна. Психологические разработки Юнга выявляют множество параллелей с гегелевскими идеями – как в частных моментах, так и в отношении системы в целом. Этот факт тем более вызывает вопросы и требует объяснения, если учесть приведенную выше крайне негативную оценку Гегеля. Находился ли Юнг под влиянием гегелевской системы неосознанно? Или же следует говорить о параллелизме, о совпадении отдельных концептуальных ходов без прямого воздействия? До какой степени гегелевские воззрения имплицитно пронизывают юнговскую психологическую теорию, и где находится граница, полагающая предел этому проникновению? Для ответа на эти вопросы мы предлагаем подробно рассмотреть гегелевские мотивы в учении Юнга.

2. Философский и психологический дискурс о духе

Как исследователей и Гегеля, и Юнга отличает чрезвычайная широта интересов и кругозора. Гегель, как известно, помимо собственно онтологии, охватил в своей философии проблемы антропологии, натурфилософии, истории, эстетики, религии, теории государства и права, истории философии. Все эти области были детально разработаны мыслителем в рамках собственной системы. Юнг,

помимо специфически психологических сфер, затрагивал области этнографии, мифологии, религии, мистики и алхимии, астрологии, фольклора, литературы и искусства, философии и политики. Ко всем этим областям он подходил с позиции психолога-эмпирика, многие его разработки оказали значимое влияние на развитие соответствующих научных дисциплин. Во всем этом многообразии исследовательских интенций точкой пересечения интересов Гегеля и Юнга является область человеческого духа. Гегель выстраивает *философский дискурс о духе*, представленный, прежде всего, в «Феноменологии духа» и в третьем томе «Энциклопедии» – «Философии духа». Юнг, в свою очередь, разрабатывает *психологический дискурс о духе*, который представлен во многих его основополагающих теоретических работах по психологии коллективного бессознательного. Мы будем ссылаться преимущественно на «Отношения между Я и бессознательным», поскольку в этой работе теория Юнга представлена в наиболее систематизированном виде и не перегружена обилием примеров. У Гегеля мы отдаем предпочтение «Философии духа» в связи с тем, что его система получает здесь более законченное оформление по сравнению с «Феноменологией духа». Именно в этой сфере обнаруживаются многочисленные параллели между концептуальными разработками обоих мыслителей.

Прежде всего, обращает на себя внимание склонность Юнга к диалектике. Учение о совпадении противоположностей – центральный пункт его теории. Базовые противоположности в юнговском психологическом дискурсе – это внутреннее и внешнее, коллективное бессознательное и социальная действительность. Средним термином в этой паре является Я: «Поначалу, конечно, ощущаются лишь несовместимые требования снаружи и изнутри, а Я стоит между ними как между молотом и наковальней. <...> Наверное, лучше постараться представить себе, что эта трагическая игра противоположностей между внутренним и внешним (изображенная в Иове и Фаусте как спор с Богом), в сущности, есть энергетизм процесса жизнедеятельности, то напряжение между противоположностями, которое необходимо для саморегуляции. Как бы ни были различны в исполнении и намерении эти противоположные силы, они, в сущности, означают жизнь индивидуума и на нее нацелены; они колеблются вокруг этой жизни как вокруг оси весов» (Юнг 2001, с. 196–197).

Не следует специально указывать, что взаимопереход внутреннего и внешнего – основной пункт гегелевского учения о сознании и духе. Юнг, однако, ссылается не на Гегеля, а на алхимические трактаты (Юнг 1997) и на восточную религиозно-философскую мысль: «К сожалению наш западный дух вследствие недостатка культу-

ры в этом отношении еще не нашел понятия для выражения *единения противоположностей на срединном пути* – этой наиважнейшей определяющей части внутреннего опыта, не говоря уже об имени, которое можно было бы сделать пристойным соратником китайского Дао» (Юнг 2001, с. 206). Гегель, исключивший восточную мысль из своей истории философии, видит истоки своей диалектики в античности, в учениях Гераклита и Платона (Гегель 1993). Источники гегелевской и юнговской диалектики, таким образом, различны. Более того: гегелевская диалектика в конечном итоге направлена на обоснование того самого западного духовного склада, который Юнг критикует за его односторонность. Это, конечно, один из наиболее значимых пунктов, отличающих учение Юнга от системы Гегеля. Однако не стоит забывать, что Юнг работал в совершенно иную эпоху, в других социально-культурных условиях, нежели Гегель. Новейшие открытия в области естествознания, возрастающее влияние философии Ф. Ницше, мировые войны – эти и другие события XX столетия вызвали необходимость критического пересмотра многих положений гегелевской системы, и Юнг был далеко не единственным представителем этого течения. Окажись сам Гегель в этих условиях, возможно, многое он бы мыслил иначе. Философское значение немецкого классика отнюдь не исчерпывается абсолютизацией разума и прославлением существующего в современной ему Германии государственного устройства. Ниже мы постараемся показать, что основные концептуальные положения юнговского учения были предвосхищены Гегелем и что Юнг во многом следует путями, проложенными именно гегелевской диалектикой. Это означает, что философия Гегеля содержит в себе достаточно мощный неклассический потенциал. Явно или неявно этот потенциал был востребован неклассической философской мыслью, в то время как обусловленные эпохой (бюргерская Германия, немецкий идеализм) элементы его учения были подвергнуты жесткой критике и фактически отброшены (Левит 2002). Логике диалектического снятия оказалась подвержена и сама гегелевская система.

3. Феноменология духа и психология коллективного бессознательного

Начнем с рассмотрения центрального концепта юнговской психологии – с коллективного бессознательного. Мы бы допустили серьезную ошибку, если бы стали утверждать, что коллективное бессознательное представляет собой феномен, аналогичный кантовской «вещи-в-себе». Коллективное бессознательное и содержащиеся в нем архетипы имеют опытное происхождение и, следовательно, относятся к феноменальной, а не трансцендентной реальности. Правда, речь идет об опыте зна-

чительно удаленном во времени от ныне живущих индивидов. Это даже не сам опыт, а «осадки всего опыта ряда поколений предков» (Юнг 2001, с. 191). Поскольку такие коллективные осадки предшествуют индивидуальному опыту, превосходят и обуславливают его, их можно назвать трансцендентальными, но не трансцендентными. Точнее, их следует определять как надындивидуальные, что, собственно, и выражает термин «коллективное». Коллективное бессознательное надындивидуально так же, как и гегелевский дух: и в том и в другом случае речь идет о чем-то, что не принадлежит непосредственно никому из индивидов, что превосходит их по времени и по объему, и вместе с тем осуществляется в индивидах, через индивидов, пронизывая все их индивидуальное существование. Вот как говорит об этом Юнг: «Мы, пожалуй, окажемся ближе всего к истине, если представим себе, что наша личная психика покоится на широком фундаменте унаследованной и всеобщей духовной диспозиции, которая как таковая бессознательна, и что наша личная психика относится к коллективной психике так, как индивидуум к обществу» (Юнг 2001, с. 149).

Всеобщая духовная диспозиция по существу и есть дух в гегелевском смысле: всеобщая субстанциальность, всеобщим образом для себя сущая всеобщность. Выступая в качестве ученого-эмпирика, Юнг дает материалистическое обоснование феномена коллективного бессознательного или духа: «Из универсального сходства мозга следует универсальная возможность для однотипной духовной функции. Эта функция и есть коллективная психика» (Юнг 2001, с. 149). Гегель мыслит дух идеалистически, будучи философом-идеалистом. Но это различие по существу носит парадигмальный характер и потому не должно служить препятствием для выявления общности содержания рассматриваемых понятий. Для философа экспликация мирового духа может истекать из посылок умозрительного характера, для ученого введение таких концептов – весьма скользкий путь, требующий эмпирического обоснования, например, ссылкой на универсальное строение мозга. При этом у Юнга коллективное бессознательное не сводится лишь к отправлению мозговой субстанции, речь идет о психической, как говорит он сам, духовной функции – следовательно, о специфически духовной реальности. У Гегеля, в свою очередь, дух не является самоидентифицируемой гипостазированной субстанцией в Спинозовском смысле. Дух в его учении рождается, развивается, переходя от одной стадии к другой: «Дух существует лишь в рождении себя, в свидетельствовании о себе и в обнаружении себя» (Гегель 2006, с. 126). Дух у Гегеля не есть трансцендентная реальность (каковую он вообще не признает), существующая до начала мира

и независимо от человечества. «В-себе» у него означает скорее бессознательное, а не кантовскую трансцендентность «вещей-в-себе». Таким образом, несмотря на формальные различия между психологическим и философским дискурсом, концепты коллективного бессознательного и духа обнаруживают значительную степень сходства в своем содержании.

Далее Юнг отмечает: «Поскольку существуют различия, соответствующие расе, роду или даже семье, то есть также ограниченная расой, родом или семьей коллективная психика, выходящая за уровень «универсальной» коллективной психики» (Юнг 2001, с. 149). Это членение вполне соответствует гегелевскому выделению духа отдельных народов, каждый из которых является ступенью в движении мирового духа (Гегель 2006, с. 102–105). Юнг, правда, не делает подобных спекулятивных утверждений о всеобщей целенаправленности мирового исторического процесса. Но мысль об определенности исторических событий факторами коллективной психики отдельных народов можно найти и у него (Юнг 1997).

Следующей ступенью рассмотрения является индивидуальная психика в ее отношении к коллективному бессознательному. Это основной предмет исследования для психологии, поэтому в работах Юнга данная тема разработана наиболее подробно. И здесь мы можем обнаружить наиболее значительную степень родства юнговской концепции с гегелевской философией духа. Согласно Юнгу: «Сознательная личность есть более или менее произвольно выбранный фрагмент коллективной психики»; «личностное вырастает из коллективной психики и глубочайшим образом с ней связано» (Юнг 2001, с. 158). У Гегеля мы читаем: «Поскольку душа, первоначально еще совершенно всеобщая, обособляется указанным нами способом и в конце концов определяет себя к единичности, к индивидуальности, постольку она вступает в противоположность по отношению к своей внутренней всеобщности, к своей субстанции. Это противоречие между непосредственной единичностью и наличной в ней, в себе субстанциальной всеобщностью составляет основание жизненного процесса индивидуальной души, – процесса, посредством которого непосредственная единичность этой души приводится в соответствие с всеобщим, а это последнее осуществляется в этой непосредственной единичности, и таким образом первое, простое единство души с собой поднимается до единства, опосредованного противоположностью, и первоначально абстрактная всеобщность души развивается до конкретной всеобщности. Этот процесс и есть образование» (Гегель 1977, с. 79). На место слова «образование» вполне можно поставить юнговский термин «индивидуация» – настолько точно здесь описан

и предвосхищен этот важнейший для психологии Юнга феномен.

Итак, личность, персона, единичная душа является результатом обособления коллективной, всеобщей души – положение, в котором Гегель и Юнг абсолютно сходятся друг с другом. Процесс индивидуации (по Гегелю – образования) и заключается в достижении определенного равновесия между этой субстанциальной всеобщностью коллективной психики (духа) и единичностью обособленной индивидуальности (персоны, Я), то есть, по сути, в диалектике всеобщего и единичного. Если в этом процессе перевес берет та или иная сторона, индивидуации не происходит. Единичная персона слишком абстрактна, произвольна и потому эфемерна, чтобы занимать центральное положение. Доминирование коллективного, в свою очередь, приводит к гибели индивидуального Я. Необходимо именно то, о чем говорит Гегель: единичность должна быть приведена в соответствие с всеобщим, а всеобщее должно осуществиться в единичном. Или, как говорит об этом Юнг: «Но поскольку эти сами по себе универсальные факторы всегда наличны лишь в индивидуальной форме, то их полное осознание не порождает *индивидуальное же действие*, не превзойденное ничем иным, и менее всего индивидуализмом. Цель индивидуации, таким образом, – не что иное, как освобождение самости от ложных покровов персоны, с одной стороны, и от суггестивной власти бессознательных образов – с другой» (Юнг 2001, с. 175).

Более детальная характеристика процесса индивидуации соответствует описанному Гегелем переходу от субъективного духа к объективному: «Но чем больше путем самопознания и соответствующего ему поведения мы сознаем сами себя, тем интенсивнее исчезает слой личного бессознательного, залегающий поверх коллективного. Благодаря этому возникает сознание, не втиснутое больше в мелочный и личностно чувствительный мир Я, а сопричастное более широкому миру, объекту. Это более широкое сознание – уже не тот чувствительный, эгоистический клубок личностных желаний, опасений, надежд и амбиций,... а та функция отношений, связанная с объектом, миром, которая перемещает индивидуума в безусловное, обязывающее и нерушимое сообщество с миром» (Юнг 2001, с.178–179). Мы предлагаем читателю самостоятельно сравнить приведенный фрагмент с известным местом из «Философии духа» о возрастных стадиях индивида (Гегель 1977, с. 79). Разбирательство с личным бессознательным сопоставимо со стадией субъективного духа, переход на следующий уровень – со ступенью объективного духа.

Итогом процесса индивидуации становится достижение некоего *Mittel-punkt* – средоточия личности: «Если сопоставить сознание и Я как его

центр с бессознательным и если, кроме того, иметь в виду процесс ассимиляции бессознательного, то эту ассимиляцию можно мыслить как своего рода сближение сознания и бессознательного, причем центр целостности личности теперь уже не совпадает с Я, а выступает как точка посередине между сознанием и бессознательностью» (Юнг 2001, с. 175). Эту же идею, но выраженную в другой форме, средствами философского дискурса, мы находим у Гегеля: «Если, поэтому, *душа* была истинной лишь в смысле *непосредственной, бессознательной тотальности*, в то время как, напротив, в *сознании* эта тотальность была разделена на «я» и *внешний* для него *объект*, т.е., знание не имело, следовательно, еще никакой истины, – то *свободный дух должен быть познан как сама себя знающая истина*. Знание истины само не имеет, однако, с самого начала формы истины; ибо это знание, на достигнутой теперь ступени развития, есть еще нечто абстрактное – формальное тождество субъективного и объективного. Только когда это тождество разовьется до *действительного* различия и делается тождеством самого себя и своего различия, когда дух выступит тем самым как *определенным образом* различенная в себе тотальность, – только тогда упомянутая выше достоверность его достигнет своего *внутреннего оправдания*» (Гегель 1977, с. 252–253). Непосредственная, бессознательная тотальность почти буквально соответствует по своему смыслу коллективному бессознательному. Разделение этой тотальности на Я и внешний объект, опять же почти буквально, соответствует позиции персоны. Определенным образом различенная в себе тотальность есть, по сути, самость, как единство бессознательного и сознательного, целостность, которая вместе с тем содержит в себе различие (тождество самого себя и своего различия).

Как видно из приведенных выше фрагментов, процесс индивидуации, становления самости, носит целиком диалектический характер. Мы не беремся утверждать, что Юнг напрямую заимствовал все эти идеи из гегелевской философии. Как было показано выше, источники юнговской диалектики совершенно иные и, говоря о единении противоположностей, Юнг не ссылается на Гегеля (по крайней мере, в известных автору текстах). Тем не менее, факт параллелизма между положениями гегелевской диалектики и юнговской психологией является очевидным и, надеемся, что нам удалось достаточно убедительно это продемонстрировать. Сошлемся еще на один весьма показательный пример. Анализ одной сказки Юнг завершает таким выводом: «Наша сказка на редкость отчетливо показывает... запутанную сыгранность антиномий по достижению одной большой цели – наивысшего осознания. Юный свинопас, который из животно-чувственной бездны взбира-

ется на гигантское мировое древо и уже совсем наверху, в светлом сверхмире обнаруживает свою деву-Аниму, знатную принцессу, – символизирует восхождение сознания из чуть ли не животных областей к многообещающей вершине, откуда сознанию раскрывается самый широкий горизонт» (Юнг 1998, с. 265). Достижение наивысшего осознания – это и есть с точки зрения гегелевской философии основная цель движения духа, духа, который из своего инобытия в природе возвышается до знания самого себя, который и есть само это знание и его порождение. И в этом плане Юнг оказывается близок Гегелю, а вместе с ним и тому западному духовному складу, критику которого он стремился осуществить путем обращения к восточной мысли и к мистическому опыту алхимии.

4. Проблемы сновидений и безумия: философский и психологический подход

Читая «Философию духа», можно обнаружить множество предвосхищений более частных идей юнговской психологии. Объем статьи не позволяет подробно останавливаться на всех этих моментах, поэтому кратко укажем лишь на некоторые из них. Так, у Гегеля представлено немало замечаний о природе сна и сновидений, как возвращающих человека «назад из обособляющего расщепления направленной на внешний мир деятельности к субстанциальной тотальности и гармонии жизни» (Гегель 1977, с. 173). Гегель предлагает трактовку душевной болезни, вполне соответствующую юнговскому пониманию данного феномена: «в *душевной жизни* болезнь наступает тогда, когда чисто *душевное* в организме, освобождаясь от власти *духовного* сознания, присваивает себе функцию последнего, и дух, теряя власть над подчиненной ему душевной стороной, перестает владеть самим собой и низводится сам до формы чего-то душевного... То обстоятельство, что душевная сторона приобретает самостоятельность по отношению к духу и даже захватывает его функцию, возможно потому, что душевная сторона в такой же мере *отлична* от духа, как и *тождественна* ему» (Гегель 1977, с. 149–150). Мы можем сопоставить этот фрагмент с описанной Юнгом ситуацией существования архетипа Анимы в качестве автономного комплекса, который в силу своей неосознанности и автономности нарушает целостность психики, приводит к многочисленным конфликтам между сознательной и бессознательной установкой. В этом случае как раз и происходит то, о чем говорит Гегель: душевная сторона (Анима) приобретает самостоятельность по отношению к духу и захватывает его функцию – вместо того, чтобы служить функцией духа, функцией отношения Я к бессознательному.

Согласно Юнгу, неосознанная Анима, как и любой архетип в этом состоянии, может проеци-

роваться вовне, на внешний объект. Проекция порождает болезненную зависимость индивида от этого внешнего объекта и одновременно способствует сохранению неосознанности собственных бессознательных содержаний. Один из важнейших моментов индивидуации заключается в снятии проекции и в осознании содержания архетипа как части своего внутреннего психического мира. В этом случае архетип утрачивает свою автономность и превращается в функцию, обеспечивающую целостность психики. В философском аспекте этот процесс был детально проанализирован Гегелем в его диалектике *Entäußerung* («овнешнение») и *Erinnerung* («овнутрение»). Разумеется, в пространстве философского дискурса дается более обобщенная, распространяющаяся на бытие всего сущего характеристика данного феномена: «Сознанию предмет является не как *положенный* посредством «я», но как *непосредственный, сущий, данный*; ибо оно не знает еще, что предмет *в себе* тождественен духу и лишь через саморазделение духа приобретает видимость полной независимости» (Гегель 1977, с. 121). У Юнга мы, конечно, не найдем таких глобальных обобщений (по крайней мере, представленных эксплицитно), но описание сущности процесса, на наш взгляд, обнаруживает достаточную степень сходства.

5. Позитивизм и кризис спекулятивной философии

Из всего сказанного не следует, однако, что можно ставить знак равенства между гегелевской философией и юнговской психологией. Отмеченные параллели не отменяют не менее существенных различий, в том числе и онтологического характера. Здесь мы имеем в виду уже отмеченную выше приверженность Юнга к кантовским воззрениям на метафизическую природу мира – воззрениям, несовместимым с гегелевской системой: «О сущности и об абсолютно сущем мы не знаем ничего. Но мы переживаем различные воздействия – через чувства «снаружи», через фантазии – «изнутри». Как мы ни за что не возьмемся утверждать, что зеленый цвет существует сам по себе, так же нам не должно бы прийти в голову, что переживание фантазии следует понимать как нечто сущее само по себе... Это выражение, видимость чего-то, скажем, неизвестного, но действительного» (Юнг 2011, с. 219).

Наличия подобных убеждений достаточно, чтобы воспринимать гегелевское учение как абсолютно неприемлемое и подвергать его самой жесткой критики. Но чем же в таком случае объяснить столь значительное количество параллелей между гегелевской философией духа и юнговской психологией? Как должно было стать ясно из приведенных примеров, речь не идет о случайных и несущественных совпадениях. Вся кон-

струкция юнговской теории (коллективное бессознательное, персона и самость) обнаруживает корреляцию с основными пунктами гегелевской диалектики духа – несмотря на разногласия метафизического порядка.

На наш взгляд, истоки всей этой коллизии следует искать в том решении, которое Юнг принял в молодости – в то время, когда возникший интерес к теологическим и философским проблемам побудил его обратиться к изучению философской литературы. Юнг вполне мог бы пойти по пути специфически философского решения этих проблем и стать философом. Подобно тому, как К. Ясперс, как и Юнг, получивший медицинское образование, стал одним из самых значительных мыслителей XX столетия. Но одно соображение удержало Юнга от такого шага: «Я стал понимать, что новые идеи, или даже старые, но в каком-то необычном ракурсе, можно было сообщать лишь посредством фактов. Факты долговечны, от них не уйдешь, рано или поздно кто-нибудь обратит на них внимание и вынужден будет их признать. Я понял, что за неимением чего-то лучшего я лишь рассуждал, вместо того, чтобы приводить факты, и я понял, что именно этого мне и не хватает. У меня не было ничего, что можно было бы «взять в руки», более чем когда-либо я нуждался в чистой эмпирии. Я стал считать это недостатком философов – их многословие, превышающее опыт, их умолчание там, где опыт необходим» (Юнг 1998, с. 135).

Юнг уловил распространенное в то время умонастроение позитивизма, свидетельствующее о кризисе спекулятивной философской мысли. Это побудило его обратиться от переставшей внушать доверие философской спекуляции к поиску фактов, которые значительно сложнее подвергнуть сомнению. Так Юнг встал на путь ученого-эмпирика и на протяжении всей своей творческой деятельности оставался верен критериям эмпирического исследования. Философскому дискурсу он предпочел научный психологический дискурс. Но проблематика юнговских изысканий сохранила тот изначальный импульс, который выходит далеко за пределы научного дискурса. Помимо специфически научных проблем, Юнг затрагивает вопросы, исконно проходящие по ведомству философии. Решение данных философских вопросов он осуществляет средствами научного дискурса, сознательно сужая сферу обобщений и ограничивая возможные выводы узким горизонтом того, что может иметь фактическое подтверждение. Об этом свидетельствует и то обстоятельство, что значительная часть юнговской терминологии имеет специфически философское происхождение: бессознательное, архетип, самость, энантиодромия, трансцендентальная функция. Юнг – скрытый философ, стыдящийся того, что в век господства

научной рациональности и веры в факты он еще должен быть философом.

Чем же в такой ситуации должна представляться для Юнга система Гегеля? Гегель, один из самых спекулятивных философов, возвысивших философскую спекуляцию до уровня абсолютно-го духа, с презрением смотрящий на пиетет его современников перед фактами, – это полный антитепа ученого-эмпирика. Используя юнговскую терминологию, можно сказать, что Гегель представляет собой один из аспектов тени Юнга. Его персона – это образ исследователя, строго следующего канонам научного дискурса. Изначально присущая склонность к философскому мышлению при такой установке сознания неизбежно должна быть подвергнута вытеснению, образуя в бессознательном своеобразный комплекс alter ego, проецируемый впоследствии на Гегеля. Этим можно было бы, по крайней мере отчасти, объяснить столь резкие нападки на данного философа, – учитывая при этом, что в теории самого Юнга так много параллелей с Гегелем. Дело здесь вовсе не в метафизических разногласиях.

6. Выводы: точки пересечения

С другой стороны, мы не станем утверждать, что Юнг был абсолютно бессознательным в отношении своих спекулятивных интенций. Следующий фрагмент показывает, что он вполне отдавал себе отчет в том обстоятельстве, что в своих изысканиях подходит к границам эмпирического исследования: «С ощущением самости как чего-то иррационального, неопределимо сущего, чему *Я* не противостоит и не подчиняется, но чему оно привержено и вокруг чего оно в некотором смысле вращается, как Земля вокруг Солнца, цель индивидуации достигнута. *Я* употребил слово «ощущение», чтобы подчеркнуть перцептивный характер отношений между *Я* и самостью. В этом отношении нет ничего познаваемого, ибо мы не в состоянии высказаться о содержаниях самости. Единственным содержанием самости, о котором нам известно, является *Я*. Это индивидуированное *Я* ощущает себя объектом неизвестного и вышестоящего субъекта. Мне кажется, что психологическая констатация подходит здесь как будто к своему пределу, так как идея самости сама по себе – уже трансцендентный постулат, который хотя и может быть психологически оправдан, но не может быть научно доказан» (Юнг 2001, с. 239).

За пределами психологической констатации научного дискурса начинается область философской спекуляции, пространство философского дискурса, царство Гегеля. Юнг сознательно отказался от этой сферы, но в своих исследованиях он постоянно подходит к самым границам научного дискурса. А как отмечает Гегель: «Уже тот факт, что мы нечто знаем о пределе, есть доказательство

того, что мы находимся вне его, не ограничены им» (Гегель 1977, с. 36). Поэтому аналитическая психология Юнга представляет собой нечто большее, чем просто научную теорию. Перед нами сравнительно редкий пример функционирования научного дискурса в состоянии незавершенного перехода, в трансгрессивном режиме, приводящим его к границам трансформации в философский дискурс.

Библиографический список

Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. В трех книгах. Санкт-Петербург: Наука, 2006.

Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. Санкт-Петербург, 1993.

Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 3. Философия духа. Москва: Мысль, 1977.

Ильин И.А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. Санкт-Петербург: Наука, 1994.

Левит К. От Гегеля к Ницше. Революционный перелом в мышлении XIX века. Маркс и Кьеркегор. Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2002.

Юнг К.Г. Воспоминания, сновидения, размышления. Москва: АСТ-ЛТД, Львов: Инициатива, 1998.

Юнг К.Г. Психология и алхимия. Москва: Рефл-бук, Киев: Ваклер, 1997.

Юнг К.Г. О природе психе. Сборник. Москва: Рефл-бук, Киев: Ваклер, 2002.

Юнг К.Г. Психология бессознательного. Москва: АСТ; Канон+, 2001.

Юнг К.Г. Божественный ребенок. Аналитическая психология и воспитание. Москва: Олимп, АСТ-ЛТД, 1997.

Юнг К.Г. Бог и бессознательное. Москва: Олимп, АСТ-ЛТД, 1998.

References

Hegel, G.W.F. (2006), *Lectures on the history of philosophy. In three books*, Nauka, St.-Petersburg, Russia.

Hegel, G.W.F. (1993), *Lectures on the Philosophy of History*, Nauka, St.-Petersburg, Russia.

Hegel, G.W.F. (1977), *Encyclopedia of Philosophical Sciences, vol. 3, Philosophy of spirit*, Thought, Moscow, Russia.

Ilyin, I.A. (1994), *Philosophy of Hegel as the doctrine of the concreteness of God and man*, Nauka, St.-Petersburg, Russia.

Levit, K. (2002), *From Hegel to Nietzsche. A revolutionary turning point in the thinking of the 19th century. Marx and Kierkegaard*, Vladimir Dal, St.-Petersburg, Russia.

Jung, K.G. (1998), *Memories, dreams, reflections*, AST-LTD, Moscow, Russia, Initiative, Lvov, Ukraine.

Jung, K.G. (1997), *Psychology and alchemy*, Refl-book, Moscow, Russia, Vakler, Kyiv, Ukraine.

Jung, K.G. (2002), *On the nature of the psyche*, Collection, Refl-book, Moscow, Russia, Vakler, Kyiv, Ukraine.

Jung, K.G. (2001), *Psychology of the unconscious*, AST; Canon+, Moscow, Russia.

Jung, K.G. (1997), *Divine child. Analytical psychology and education*, Olimp, AST-LTD, Moscow, Russia.

Jung, K.G. (1998), *God and the Unconscious*, Olimp, AST-LTD, Moscow, Russia.

Submitted: 01.07.2022

Revised: 05.09.2022

Accepted: 15.09.2022

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 111+008; 316.733

DOI: 10.18287/2782-2966-2022-2-3-26-31

Дата поступления: 02.07.2022
рецензирования: 05.09.2022
принятия: 15.09.2022

В.А. Конев

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: vakonev37@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-8264-5782>

Новая охота на Сэтавра

Аннотация: автор выдвигает предположение, что ситуацию пандемии КОВИД-19, с которой столкнулось человечество в XXI веке, можно рассматривать как реакцию природы планеты Земля на агрессивное техногенное поведение современной цивилизации. Если в ноосфере возникают напряжения, а закон борьбы видов за существование – это способ существования живой сферы, то должно возникнуть противодействие «дикой» жизни «умной» жизни. Может быть, внезапное появление SARS-CoV-2, который так «умело» сопротивляется всем ухищрениям человека техногенной цивилизации, дает понять человечеству, что тот тип отношения к миру, который был выбран западно-европейской цивилизацией и принял глобальный характер, является ущербным и требует, если не смены, то существенной коррекции.

Рассказ Станислава Лема «Охота на Сэтавра» повествует о том, как в результате случайного повреждения робот стал совершать непредсказуемые действия, опасные для жизни людей. Команда вооруженных людей космопорта стремится обезвредить поврежденного робота, организовав охоту на «свихнувшегося» робота.

Новая охота на Сэтавра – охота на вирус пандемии КОВИД-19 – отличается от той, которая представлена в рассказе Лема. Появление вируса SARS-CoV-2 – не результат «поломки» чего-то, а результат такого развития цивилизации, которое основано на противопоставлении культуры и природы. Поэтому победа над SARS-CoV-2 требует изменения культурных оснований развития цивилизации.

Из «охоты» на корановирус КОВИД-19 человечество должно извлечь урок – пора серьезно заняться модификацией ценностей своей культуры и выработкой новой этики, которая бы ориентировала свой категорический императив не на первое, а на второе лицо (ТЫ, а не Я определяю правоту деяния).

Ключевые слова: КОВИД-19; SARS-CoV-2; Лем; «Охота на Сэтавра»; культура представления; культура присутствия; цивилизация.

Цитирование: Конев В.А. Новая охота на Сэтавра // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2022. Т. 2, № 3. С. 26–31. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-3-26-31>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© **Конев В.А., 2022** – Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

V.A. Konev

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: golubkovsa@yandex.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3423-1520>

New hunt for Sataur

Abstract: the author suggests that the situation of the COVID-19 pandemic, that humanity faced in the 21st century, can be considered as a reaction of the planet Earth nature to the aggressive man-made behavior of the modern civilization. If tensions arise in the noosphere, and the law of the struggle of species for existence is the way the living sphere exists, then there must be a counteraction between the "wild" life and the "wise" life. Perhaps the sudden appearance of SARS-CoV-2, that so "skillfully" resists all the tricks of the human belonging to technogenic civilization, makes it clear to the mankind that the type of attitude to the world that was chosen

by Western European civilization and assumed a global character is flawed and requires, if not a change, then at least a significant correlation.

Stanislav Lem's story "The Hunt for the Sataurus" tells about a robot that was accidentally damaged and started doing unpredictable actions that are dangerous to people's lives. A group of spaceport armed people is intent on neutralizing the damaged robot by organizing a hunt for the "crazed" robot.

The new hunt for the Sataur - the hunt for the virus of the COVID-19 pandemic - is different from the one presented in Lem's story. The emergence of the SARS-CoV-2 virus is not the result of a "damage" of something but the result of such civilization development, that is based on the opposition of culture and nature. Therefore, the victory over SARS-CoV-2 requires change in the cultural framework for the civilization development.

Humanity should learn a lesson from the "hunt" for the coronavirus COVID-19 – it's time to get serious about modifying the values of our culture and developing a new ethics that would orient its categorical imperative not to the first, but to the second person (YOU, not I, determine the rightness of the act).

Key words: COVID-19; SARS-CoV-2; Lem; Hunt for Sataur; culture of idea; culture of presence; civilization.

Citation: Konev, V.A. (2022), New hunt for Sataur, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 2, no. 3, pp. 26–31, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-3-26-31>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Konev V.A., 2022 – Doctor of Sciences in Philosophy, Professor, the Department of Philosophy, Samara National Research University, 34, Moskovskoe shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

Станислав Лем – фантаст эпохи рационализма, писатель, верящий во всемогущество разума и в способность человека расширить свою ойкумену до любых пределов во Вселенной. Конечно, для того, чтобы этого достичь, нужны необходимые средства – космические корабли, роботы, всякие диковинные эмиттеры и прочее. Ойкумена расширялась, но принципы жизни и работы в ней оставались неизменными, разве что поутихли всякие политические дрязги, потому что государственные границы исчезли, и осталась только одна граница – между человеком и природой. Пограничник здесь – разум, вооруженный логикой и знанием, который строго охраняет прочерченную им самим границу. Здесь – правильно, потому что всё понятно, объяснимо и подвластно, там – или требует еще объяснения, или еще недостаточно сил для покорения.

Внутри границ ойкумены – всё в порядке. Если и случаются какие-то нарушения порядка, то это следствие поломки или неисправности приборов и машин.

Знание – Вера техногенной цивилизации

Вот рассказ «Охота на Сэтавра» (Лем 1965).

На Луне в результате попадания метеоритов в ангар, где складировались несколько роботов, один из роботов – Сэтавр («самопрограммирующий электронный трехблочный автомат с рацемической памятью», сокращенно Сэтавр) – оказался поврежденным и стал совершать непредсказуемые действия: резать своим лазером телефонные кабели, обстреливать вездеходы, что приводило к гибели людей. И вот все мужчины, способные носить оружие, которые оказались в космопорте на Луне, вооружаются лазерами и ищут свихнувшие-

гося робота, чтобы его уничтожить. Это не просто поиски, это именно охота, потому что Сэтавр, хоть и сбился со своей программы – производить горные работы в очень тяжелых условиях, – но не потерял способности расчетливо действовать. Поэтому преследователи вынуждены были расставлять ловушки, в которые хотели заманить Сэтавра, чтобы его обезвредить. Вот при такой устроенной командором Пирксом ловушке Сэтавр заколебался, как поступить: «Казалось, он не понимал, что произошло, колебался, как поступить. В этом его колебании, в этой его неуверенности, которую Пиркс великолепно понимал, – пишет Станислав Лем, – было что-то столь близкое, человеческое, что комок сдавил горло Пирксу» (Лем 1965, с. 326–327).

Сэтавр – машина, машина, созданная для определенных работ, благодаря которым обустроивается комфортный для человека мир. Встроенность Сэтавра, как и других машин и предметов в человеческий мир, очеловечивает их. Разве не питаем мы какое-то человеческое расположение и не даем какие-нибудь имена своим любимым предметам – чайным чашкам, тапочкам, автомобилям, дачным домикам или виллам, родному городу. Это всё наш мир – мир очеловеченный, мир достижений, которым человек по праву гордится. Это мир «Да будет!.. И стал... И увидел, что хорошо...», мир, когда хочется воскликнуть, как когда-то Пушкин, после окончания «Бориса Годунова»: «Ай, да Пушкин! Ай, да ...». Поэтому нам понятно чувство командора Пиркса, и когда он осуждает молоденького курсанта – «И к тому же стрелял ему (Сэтавру) в спину», и когда он мучился вопросом – «А не спас ли Сэтавр ему жизнь, прикрыв его своим огнем» (Лем 1965, с. 328).

Да, Сэтавр – машина, машина, настолько совершенная, что дальнейших поступков (так говорит Лем о действиях робота!) её никто не мог предугадать. Но это не просчет инженеров, а результат поломки – машины могут ломаться. Но тогда приходится их чинить, пусть даже такой ценой, как «охота», когда человек соперничает со своим созданием. И Лем абсолютно уверен, что человек при любом раскладе выиграет – ведь он вооружен разумом! Формулируя свое *credo*, высказанное в «Сумме технологии», он писал: «В этой книге имеется в виду определенный – *максимально рационалистический* – тип человека и культуры. Книга подразумевает такой ход исторического развития, при котором этот тип человека и культуры будет все более преобладать» (Лем 1968, с. 12. Курсив мой – В.К.).

SARS-CoV-2 – новый Сэтавр

Не заставляет ли новая охота на Сэтавра – борьба с коронавирусом SARS-CoV-2 – пересмотреть это представление о человеке и культуре и установку «догнать и перегнать Природу», которая, начиная с эпохи Просвещения, вдохновляла нашу европейскую Цивилизацию.

Обнаруженная в декабре 2019 года в китайском городе Ухань вспышка заболеваемости коронавирусом уже в марте 2020 года признается Всемирной организацией здравоохранения пандемией – заболеваемость распространялась с огромной скоростью, захватывая все страны и континенты. Сотни миллионов заразившихся, миллионы скончавшихся! Такого еще не знало человечество. И на охоту на SARS-CoV-2 мобилизуются все, кто способен как-то этот вирус обуздать – ученые разных специальностей и прежде всего вирусологи, разработавшие вакцины против коронавируса, медики всех направлений и рангов, чиновники и просто граждане, соблюдающие масочный режим и социальную дистанцию. И эта охота на вирус КОВИД-19 шла, да и идет еще, по сценарию лемовской охоты на Сэтавра.

Сначала смятение и недоумение – откуда взялся этот SARS-CoV-2 и что он может сделать. У Лема: «Никто, по существу, не имел ни малейшего понятия, что предпримет Сэтавр... Мнения сошлись только в том, что обязательно надо следить за передвижениями Сэтавра» (Лем 1965, с. 306). Вот и здесь – важно, где, когда и как скоро появится вирус, кто и откуда его принесет. А чтобы взять под контроль передвижение вируса, следует ограничить свои собственные передвижения – затаиться, сесть в засаду (локдаун), ждать и наблюдать. Но вирус, как и Сэтавр, не дурак, он меняет тактику – «либо он умнее, чем я думал, либо не обратил внимание, либо...», – замечает Пиркс сам себе (Лем 1965, с. 319). Так и вирус – он постоянно видоизменяется, создавая новые штаммы, которые

все быстрее и ловчее проникают в те клетки, которые должны снабдить его жизненно необходимым материалом. Всё, как на охоте – зверь убегает, охотник догоняет.

Единственное отличие этих двух охот в том, что там, у Лема, предмет охоты – робот, искусственная машина, здесь, у нас, – живой организм. Скажут: есть еще отличие, там предмет охоты создан человеком, а здесь – он естественное порождение природы. Но так ли это на самом деле?

Даже если SARS-CoV-2 не появился в результате каких-нибудь экспериментов в одной из многочисленных секретных биологических лабораторий, что весьма вероятно, пандемия, вызванная этим вирусом, – это рукотворное порождение. Энтони Гидденс, анализируя природу общества риска (понятие, введенное Ульрихом Беком в 1986 году), выделил два типа рисков, с которыми сталкивается современная цивилизация – внешние и рукотворные. К первым относятся риски, причина которых лежит вне действия людей, а рукотворные риски – это риски, обусловленные нашим познанием и нашими активными действиями в мире (Гидденс 2004, с. 42–44). Можно предположить, что вирус SARS-CoV-2 существовал в природе до начала пандемии, однако он «дремал», и именно созданные человеком условия – огромное скопление людей в городах (Ухань – город с десятиллионным населением), постоянные и многочисленные контакты между людьми, возникновение сложной глобальной инфраструктуры социальных взаимодействий и т.д. – все это создало благоприятную среду для патогенеза КОВИД-19. Исследования коллектива американских, английских, итальянских, китайских, французских ученых показали, как влияла мобильность людей на эпидемию КОВИД-19 (Kraemer et al 2020). Антропологическая природа риска возникновения новой пандемии подтверждается и тем, что современная индустриальная цивилизация, максимизирующая глобальные связи и отношения, создает благоприятные условия для быстрой мутации коронавируса и появления все новых и новых его штаммов. Коронавирус SARS-CoV-2 живет не в естественной природе, он порождение и факт той природы, которая возникла благодаря действию человека, он явление мира культуры. И в этом он ничем не отличается от робота Сэтавра. Не случайно Э. Гидденс пишет: «Наше общество существует в эпоху, когда природе пришел конец. Это, конечно, не означает, что физический мир или физические процессы перестали существовать. “Конец природы” означает, что лишь немногие аспекты окружающей нас материальной среды еще не подверглись в той или иной форме вмешательству человека» (Гидденс 2004, с. 43).

Но будучи, как и робот из рассказа Лема, порождением культуры, SARS-CoV-2 совсем по-другому

му характеризует отношение человека и природы, если помнить о том, что изначально и по существу культура возникла и понималась в оппозиции культура/натура. Сэтavr – продукт конкретного знания и конкретного производства. Сбой в его функционировании – досадная случайность. Правда, инженеры, его создавшие, «лишь теперь по-настоящему, – пишет Лем, – осознали, какую совершенную машину создали они собственными руками», так как теперь дальнейших действий машины никто предугадать не может. А вот коронавирус говорит не о конкретных просчетах в том или ином знании или в той или иной деятельности. Коронавирус COVID-19 свидетельствует о стратегических просчетах западного человека в организации мира культуры.

В «Сумме технологии» Лем пишет о принципах реализации основных видов культурной деятельности: «Ученый – в идеале – тщательно изолирует рассматриваемое им явление от мира собственных переживаний, очищает объективные факты и выводы от субъективных эмоций. Идеал этот чужд художнику. Можно сказать, что человек тем в большей степени является ученым, чем лучше умеет подавлять в себе человеческие порывы, как бы заставляя говорить своими устами саму природу. Художник же тем более является художником, чем сильнее навязывает нам самого себя, все величие и ничтожность своего неповторимого существования» (Лем 2018, с. 43).

В этих словах знаменитого фантаста слышится отзвук вопроса Пилата «Что есть истина?», под знаком которого развивалась история европейской культуры. Истина правила бал в нашей культуре. А жрица истины – Наука – должна была постигать истину мира, мира как он существует сам по себе, вне Бога, вне человека, вне ценностей, независимо от Бога, независимо от человека и без человека. На основе полученного истинного знания о мире возникла, по выражению академика РАН В.С. Степина, техногенная цивилизация, интенсивное развитие и многообразные блага которой обеспечили «золотому миллиарду» на планете Земля комфорт и безбедное существование, а оставшимся миллиардам землян надежду на то, что завтрашний день будет лучше. Техногенная цивилизация, сменив традиционный путь развития истории, основанный на сотрудничестве человека с природными процессами, наряду с созданием более благоприятных для человека условий жизни, породила два непредвиденных эффекта.

Во-первых, хотя эта цивилизация и создана для человека, но не считается с ним, не дает ему жить нормально, душит его, губит его тело, не учитывает человека как живую индивидуальность. Истины науки – это вечные и без человека (бес[з]-человечные) существующие законы объективного мира. Это не тот мир, в котором мы живем, а аб-

стракция этого мира, которая конструируется научным мышлением. Не удивительно поэтому, что предметный и социальный мир, который на основе этой абстракции строится, «абстрагируется» от человека – в техногенных катастрофах, типа Чернобыльской, или в различных авариях и отказах техники. В конце концов, любое техническое изобретение может обернуться новым Сэтавром, действия которого окажутся для человека (человечества) губительны. Не случайно появляется представление об экзистенциальных рисках, таких рисках, неблагоприятный исход которых либо уничтожит разумную жизнь на Земле, либо навсегда и резко сократит ее потенциал (Bostrom 2002), (Szocik 2021). Потенциальные истоки таких рисков – научные достижения и радикальные преобразования технологий, например, достижения в нанотехнологических системах, генетических исследованиях и генных технологиях, внедрение машинного интеллекта (Nowak 2001).

Во-вторых, техногенная цивилизация оказывает давление на существование природы на планете Земля. Это находит свое проявление в экологических проблемах как локальных (например, в Самарской области – деградация малых и средних рек, накопление вредных веществ в почве, экологические проблемы городов Чапаевска и Тольятти и т.д.), так и глобальных – глобальное потепление, угроза разрушения озонового слоя. Рождение ноосферы как высшей стадии развития биосферы (так трактовал ноосферу акад. В.И. Вернадский) не может не сказаться на «низших» её стадиях. Техногенная цивилизация уничтожает «дикую» природу – исчезают виды растений и животных. Красная книга РСФСР, созданная в 1982 и опубликованная в 1983 году, включала 65 видов млекопитающих, 107 видов птиц, 11 видов рептилий, 34 вида насекомых и т.д., а в 2020 году добавлены еще 14 видов млекопитающих и 29 новых видов птиц, которым грозит исчезновение или которые уже исчезли. Человек как вид живой природы, вооруженный не клыками и рогами, а силой разума и созданным этим разумом миром машин, уничтожает либо сами виды (охота), либо среду их обитания, превращая её в среду безжизненную. Безжизненная среда – это среда, полностью исключенная из оборота обмена веществ. Это ведет к гибели видов живых организмов.

Конечно, если в ноосфере возникают напряжения, а закон борьбы видов за существование – это способ существования живой сферы, то должно возникнуть противодействие «дикой» жизни «умной» жизни. Может быть, внезапное появление SARS-CoV-2, который так «умело» сопротивляется всем ухищрениям человека техногенной цивилизации, дает понять человеку и его миру, что тот тип отношения к миру, который был выбран западно-европейским человеком и принял гло-

бальный характер, является ущербным и требует если не смены, то существенной корреляции. Пандемия COVID-19 открывает нам, что мы имеем дело с живым миром, что перед нами своеобразный океан Солярис, с которым мы должны найти общий язык. Вот, на мой взгляд, стратегический вывод, который следует сделать человечеству из новой охоты на Сэавра, если воспользоваться образом Станислава Лема.

От культуры Представления к культуре Присутствия

Культура, как она была осмыслена сознанием и наукой XVIII века, это не натура. Более того, культура противопоставила себя природе, рассматривая ее только как объект познания и преобразования. Культура Просвещения, а именно она определяла историю человечества последних трех–четырёх столетий, построена как культура *представления*. Наука, центр и доминанта этой культуры, создает научную картину мира (Степин, Кузнецов 1994) – это *картина*, некая карта, согласно которой должен двигаться человек в этом мире. Надо строго руководствоваться этой картой, чтобы не сбиться с пути истинного. А система просвещения и образования культуры Нового времени создает образ человека, который пестуется школами всех рангов и который подкрепляется и закрепляется Представленными Идеалами на пьедесталах в городах и весях. Вот представление этого идеала Томасом Гексли: «Только тот, я думаю, может говорить, что получил образование свободного человека, кто с юности приучил свое тело быть послушным слугой своей воли и в силах легко и с радостью выполнить, как машина, всю работу, на которую он способен; чей ум ясен, холоден, подобен счетному механизму, где все части работают в такт и с одной отдачей; кто готов, словно паровой двигатель, найти себе применение в любой работе...» (цит. по Маклюэн 2003, с. 254). Человек – деталь техногенного процесса, который вместе с машинами и как машина свободно перемалывает природные ресурсы на любой работе. Он рассчитывает только на успех и пользу. Именно такая культура и нарушила баланс в ноосфере, баланс деяний Человека и Природы планеты Земля.

Требуется иная культура – культура, культивирующая понимание присутствия человека в ноосфере, такого *присутствия*, которое строится на правах диалога, а не монолога. Потребность диалога с природой осознала и жрица культуры Просвещения – наука, но наука нового типа. «Описание природы – это живой диалог, коммуникация, и она подчинена ограничениям, свидетельствующим о том, что мы макроскопические существа, погруженные в реальный физический мир», – пишут И. Пригожин и И. Стенгерс (Пригожин, Стенгерс 1986, с. 371).

Итак, если воспользоваться моделью рассказа Станислава Лема «Охота на Сэавра», то можно сказать, что из «охоты» на коронавирус COVID-19 человечество должно извлечь урок – пора серьезно заняться модификацией ценностей своей культуры и выработки новой этики, которая бы ориентировала свой категорический императив не на первое, а на второе лицо (*Ты*, а не *Я* определяю правоту деяния).

Библиографический список

Bostrom, N. (2002), Existential Risks: Analyzing Human Extinction Scenarios, *Journal of Evolution and Technology*, vol. 9, March 2002, pp. 1–30.

Moritz, U.G. Kraemer, Chia-Hung, Yang, Bernardo, Gutierrez, Chieh-Hsi, Wu, Brennan, Klein, David, M. Pigott, Open COVID-19 Data Working Group, Louis, du Plessis, Nuno, R. Faria, Ruoran, Li, William, P. Hanage, John, S. Brownstein, Maylis, Layan, Alessandro, Vespignani, Huaiyu, Tian, Christopher, Dye, Oliver, G. Pybus and Samuel, V. Scarpino (2020), The Effect of Human Mobility and Control Measures on the COVID-19 Epidemic in China, *Science*, 01 May 2020, vol. 368, Issue 6490, pp. 493–497, [Online], available at: <https://doi.org/10.1126/science.abb4218/> (Accessed 28 January 2021).

Nowak, R. (2001), Disaster in the making, *New Scientist* 2001, 13 January, no. 169 (2273), pp. 4–5.

Szocik, K. (2021), Conceptual Issues in COVID-19 Pandemic: An Example of Global Catastrophic Risk, *Cambridge Quarterly of Healthcare Ethics*, vol. 30, Issue 1, January 2021, pp. 199–202.

Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. Москва: Весь мир, 2004.

Лем С. Охота на Сэавра. Пер. с польского. Москва: Мир, 1965.

Лем С. Предисловие ко второму изданию «Суммы технологии» // Сумма технологии. Москва: Мир, 1968.

Лем С. Сумма технологии. Москва: Издательство АСТ, 2018.

Маклюэн М. Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего. Киев: Ника-центр, 2003.

Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. Москва: Прогресс, 1986.

Степин В.С., Кузнецов Л.Ф. Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации. Москва: ИФРАН, 1994. URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/5362> (Дата обращения 10 марта 2022).

References

Bostrom, N. (2002), Existential Risks: Analyzing Human Extinction Scenarios, *Journal of Evolution and Technology*, vol. 9, March 2002, pp. 1–30.

Moritz, U.G. Kraemer, Chia-Hung, Yang, Bernardo, Gutierrez, Chieh-Hsi, Wu, Brennan, Klein, David, M. Pigott, Open COVID-19 Data Working Group, Louis, du Plessis, Nuno, R. Faria, Ruoran, Li, William, P. Hanage, John, S. Brownstein, Maylis, Layan, Alessandro, Vespignani, Huaiyu, Tian, Christopher, Dye, Oliver, G. Pybus and Samuel, V. Scarpino (2020), The Effect of Human Mobility and Control Measures on the COVID-19 Epidemic in China, *Science*, 01 May 2020, vol. 368, Issue 6490, pp. 493–497, [Online], available at: <https://doi.org/10.1126/science.abb4218/> (Accessed 28 January 2021).

Nowak, R. (2001), Disaster in the making, *New Scientist* 2001, 13 January, no. 169 (2273), pp. 4–5.

Szocik, K. (2021), Conceptual Issues in COVID-19 Pandemic: An Example of Global Catastrophic Risk, *Cambridge Quarterly of Healthcare Ethics*, vol. 30, Issue 1, January 2021, pp. 199–202.

Giddens, A. (2004), *Runaway World: How Globalization is Reshaping Our Lives*, Ves' mir, Moscow, Russia (in Russian).

Lem, S. (1965), *Polowanie na Setaur*, Mir, Moscow, Russia (in Russian).

Lem, S. (1968), *Preface to the Second Edition of "Summa Technologiae"*, "The Sum of Technology", Mir, Moscow, Russia (in Russian).

Lem, S. (2018), *The Sum of Technology*, ACT, Moscow, Russia (in Russian).

McLuhan, M. (2003), *The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man*, Nika-centr, Kyiv, Ukraine (in Russian).

Prigogine, I. and Stengers, I. (1986), *Order out of Chaos. Man's New Dialogue with Nature*, Progress, Moscow, Russia (in Russian).

Stepin, V.S., Kuznecov, L.F. (1994), *Scientific picture of the world in the culture of technogenic civilization*, IFRAN, Moscow, Russia, [Online], available at: <https://gtmarket.ru/library/basis/5362> (Accessed 10 March 2021) (in Russian).

Submitted: 02.07.2022

Revised: 05.09.2022

Accepted: 15.09.2022

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 165+304+316.7+ 81.37

DOI: 10.18287/2782-2966-2022-2-3-32-38

Дата поступления: 30.06.2022

рецензирования: 05.09.2022

принятия: 16.09.2022

А.Е. Сериков

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация

E-mail: aeserikov@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4213-8089>

Фантастика как источник реалистического описания поведения (на материале рассказа Кира Булычёва «Я набираю номер»)

Аннотация: в статье оспаривается утверждение Н. Фрая и Ц. Тодорова, что литература создаётся только на основе литературы. Именно реальность в конечном счёте является источником художественных произведений. Реалистические описания вполне могут присутствовать в фантастических произведениях, и большинство читателей интуитивно понимают, какое из описаний является реалистическим, а какое – фантастическим. Но для искусственного интеллекта это довольно трудная задача. Для того, чтобы обучить искусственный интеллект лучшему пониманию текстов, необходимо исследовать, как сами люди строят свое понимание того, о чём в тексте прямо не говорится. В статье приводится описание метода поведенческого анализа текстов и пример анализа фантастического рассказа. Он показывает, что значительная часть знания о персонажах, их состоянии, обстоятельствах и формах поведения извлекается на основании здравого смысла как нечто само собой разумеющееся для человека данной культуры, но не для представителя другой культуры или компьютерной программы. Это касается и различия между реальными и фантастическими событиями. Для того, чтобы искусственный интеллект понимал смысл описываемых событий, он должен уметь опираться на знание здравого смысла, извлекать уместные для того или иного контекста суждения здравого смысла и делать на их основании соответствующие выводы.

Ключевые слова: поведение человека; реализм; научная фантастика; здравый смысл; анализ текстов; искусственный интеллект.

Цитирование: Сериков А.Е. Фантастика как источник реалистического описания поведения (на материале рассказа Кира Булычёва «Я набираю номер») // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2022. Т. 2, № 3. С. 32–38. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-3-32-38>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Сериков А.Е., 2022 – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

A.E. Serikov

Samara National Research University,

Samara, Russian Federation

E-mail: aeserikov@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4213-8089>

Science fiction as a source of realistic description of behavior (based on the short story by Kir Bulychhev "I'm dialing a number")

Abstract: the article disputes the assertion of N. Frye and Tz. Todorov that fiction is created only on the basis of fiction. It is reality that is ultimately the source of works of art. Realistic descriptions may be perfectly present in fiction, and most readers intuitively know what description is realistic and what is fantastic one. But this is a rather difficult task for AI. In order to teach AI to understand texts better, it is necessary to investigate how people build their understanding of the information that is not stated in the text clearly. The article describes the method of behavioral analysis of texts and provides an example of the fantastic story analysis. It shows that a significant part of the knowledge about the characters, their state, circumstances and forms of behavior is extracted on the basis of common sense as something taken for granted for a person belonging to the given culture, but not for a representative of another culture or a computer program. The same applies to

the difference between real and fantastic events. For AI to understand the meaning of the described events, it is to be able to rely on common sense knowledge, extract common sense judgments, that are appropriate for a current context, and draw appropriate conclusions based on them.

Key words: human behavior; realism; science fiction; common sense; text analysis; artificial intelligence.

Citation: Serikov, A.E. (2022), Science fiction as a source of realistic description of behavior (based on the short story by Kir Bulychev "I'm dialing a number"), *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 2, no. 3, pp. 32–38, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-3-32-38>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Serikov A.E., 2022 – Candidate of Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy, Samara National Research University, 34, Moskovskoe shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

Вопрос о соотношении фантастики и реальности

Реалистическую художественную литературу можно и нужно использовать как эмпирический источник для исследования человеческого поведения. Это связано с тем, что традиционных научных данных, в которых подробно фиксируются результаты наблюдений и экспериментов, явно не хватает для создания теории поведения вообще, а не только теорий отдельных видов поведения, таких как информационное, потребительское или электоральное. Художественные же описания охватывают весь спектр человеческого поведения, и писатели являются не худшими, а порой и лучшими наблюдателями, чем профессиональные ученые. Можно пойти дальше и использовать в качестве источника эмпирических данных о поведении не только реалистическую, но и фантастическую литературу. Но предварительно следует уточнить, чем фантастические описания отличаются от реалистических и каким образом мы во время чтения их различаем.

Ранее мной высказывалась идея о том, что теория поведения может строиться на основе идей Курта Левина о существовании форм поведения и понимании поведения как функции человека и его среды (Сериков 2020), (Левин 2000, 2001), (Lewin 1935).

При этом для эффективного анализа большого объема художественных текстов необходимо этот анализ автоматизировать путем создания и обучения специальных искусственных нейронных сетей (Сериков 2018), (Serikov 2022). Я думаю, что эта задача может быть решена в ближайшем будущем. Однако в контексте возможного анализа не только реалистической, но и фантастической литературы возникает дополнительный вопрос: каким образом уже не человек, а компьютерная программа могла бы отличать фантастическое описание от реалистического?

Проблема различения реалистического и фантастического тесно связана с изначальной идеей о том, что в художественных произведениях можно найти реалистические описания, что художественные описания в принципе можно использовать

как источник сведений о реальном поведении. Кому-то такая предпосылка покажется само собой разумеющейся, но многие с ней не согласятся. Так, Цветан Тодоров в своем классическом исследовании фантастики как жанра отталкивается от книги Нортропа Фрая «Анатомия критики» и приводит ряд его тезисов, в частности такой: «Литература создаётся на основе литературы, а не реальности, будь то материальная или психическая реальность; всякое художественное произведение конвенционально» (Тодоров 1999, с. 13).

Судя по тому, что Тодоров этот тезис не критикует, он и сам его разделяет. Но при этом он строит свой анализ фантастики на противопоставлении естественного и сверхъестественного. Согласно Тодорову, фантастический жанр требует выполнения трех условий: «Прежде всего, художественный текст должен заставить читателя рассматривать мир персонажей как мир живых людей и испытывать колебания в выборе между естественным и сверхъестественным объяснением изображаемых событий. Далее, такие же колебания может испытывать и персонаж; таким образом, роль читателя как бы доверяется персонажу, и одновременно сами колебания становятся предметом изображения, одной из тем произведения; в случае наивного прочтения реальный читатель отождествляет себя с персонажем. И, наконец, важно, чтобы читатель занял определенную позицию по отношению к тексту: он должен отказаться как от аллегорического, так и от "поэтического" толкования» (Тодоров 1999, с. 31).

Различение естественного и сверхъестественного предполагает, что одним из источников текста является реальность. Поэтому, если Тодоров разделяет тезис о том, что литература не создается на основе реальности, он противоречит самому себе. Я оспариваю утверждение, что литература создаётся только на основе литературы. Именно реальность является источником художественных произведений, что не исключает, что этот источник может быть опосредован художественными произведениями. Писатель, хочет он того или нет, не может избежать наблюдения за реальностью. При этом художественные тексты – лишь часть

реальности. Все писатели наблюдают как за психической реальностью, так и за материальной. Писатели отличаются друг от друга тем, в какой мере они опираются на произведения других писателей, а в какой – непосредственно описывают то, что наблюдают в обществе, культуре, природе и в своей душе. Но избежать наблюдений полностью никакой писатель не сможет.

Я думаю, что фантастику как жанр можно противопоставить реализму, имея в виду, что в фантастических повествованиях могут быть описаны явления и события, которые по каким-либо причинам не наблюдаются в нашем мире, т.е. не являются реальными. Причины могут быть разные: возможные иные законы природы, будущие научно-технические открытия и изобретения, воображаемые культурные и социальные инновации, различные эпидемии или катастрофы и т. п. При этом реалистические описания вполне могут присутствовать в фантастических произведениях, и большинство читателей интуитивно понимают, какое из описаний является реалистическим, а какое – фантастическим.

Если попросить человека разбить фантастический текст на реалистические и фантастические составляющие, он довольно легко может с этим справиться. Но довольно трудно написать алгоритм, который сможет справиться с этой задачей. Видимо, единственный существующий сегодня способ автоматизировать процесс разбиения текста на реалистические и фантастические фрагменты – это обучить искусственную нейронную сеть на основе текстов, проанализированных живыми людьми. Однако не вполне понятно, как сами люди могут это делать, на чём именно может быть основана их интуиция.

Ниже я хочу рассмотреть данный вопрос на примере анализа небольшого конкретного фантастического текста. Моя идея очень проста: я хочу попробовать явным образом выразить то, что при понимании текста воспринимается как само собой разумеющееся знание, эксплицировать основанные на этом знании имплицитные выводы.

Текст, контекст и здравый смысл как источники понимания рассказа

Для того, чтобы пояснить свои идеи на конкретном материале, мне нужно было выбрать для анализа некоторый фантастический текст. Ввиду тематики «Лемовских чтений» нужен был хорошо известный и явным образом относящийся к жанру научной фантастики рассказ. Кроме того, в целях простоты и понятности анализа я предпочел фантастику для детей, а не для взрослых. Всем этим критериям хорошо соответствует повесть Кира Булычёва «Девочка, с которой ничего не случится» (1965), фактически являющаяся сборником коротких рассказов, объединённых общими персонажа-

ми. Далее предлагается анализ первого рассказа в этом сборнике, который называется «Я набираю номер» (Булычёв 2007, с. 6–8).

В качестве основного инструмента я использую метод поведенческого анализа художественных повествований, про который ранее уже писал в ряде публикаций. Если коротко, его суть заключается в том, что текст непрерывно разбивается на фрагменты, соответствующие отдельным событиям. При этом каждое событие понимается как совокупность социального статуса и психофизиологических состояний персонажа, обстоятельств поведения и реализуемых персонажем форм поведения. Некоторые из описываемых событий и их составляющих могут быть реальны, некоторые могут быть фантастическими. Т.е., чтобы проанализировать событие, следует ответить на вопросы: кто, в каком состоянии, в каких обстоятельствах, что делает; реально ли это в нашем мире? Затем следует понять, что является источником ответов на эти вопросы. Это может быть текст, т.е. фрагмент анализируемого текста, соответствующий данному событию; контекст, т.е. другие фрагменты данного текста или связанных с ним иных текстов; здравый смысл, т.е. знание о само собой разумеющихся вещах, на которое мы имплицитно опираемся, но на которое обычно не обращаем внимания.

Рассказ «Я набираю номер» разбивается на 36 событий, но ввиду ограничений по объёму данного доклада приведу только первые девять из них:

- 1 // Алиса не спит. Десятый час, а она не спит. Я сказал:
  - Алиса, спи немедленно, а то...
- 2 // – Что «а то», папа?
- 3 // – А то я провидеофоню бабе-яге.
- 4 // – А кто такая баба-яга?
- 5 // – Ну, это детям надо знать. Баба-яга костяная нога – страшная, злая бабушка, которая кушает маленьких детей. Непослушных.
- 6 // – Почему?
- 7 // – Ну, потому что она злая и голодная.
- 8 // – А почему голодная?
- 9 // – Потому что у нее в избушке нет проводка.

<...>

Далее в табл. 1 характеризуются составляющие каждого из этих событий, включая те, которые явным образом не описаны в рассказе, но извлекаются из контекста или здравого смысла, о чём делается пометка. Если информация извлекается из текста, приводится соответствующая цитата. Если каждая составляющая события воспринимается как реальная, событие в целом помечается буквой «Р» – как реальное. Если хотя бы одна из составляющих события воспринимается как фантастическое, событие в целом помечается как фантастическое буквой «Ф» и анализируется источник этого восприятия. В случае с фантастическими неоло-

гизмами, предлагается объяснение того, как мы понимаем их значение. Кроме того, каждое событие кратко обобщено в предложении, показывающем связь отдельных составляющих. Такие предложения я называю обобщениями нулевого уровня.

Таблица 1

Анализ первых 9 событий

Table 1

The analysis of the first 9 events

№	Статус персонажа	Состояние персонажа	Обстоятельства поведения	Форма поведения	Обобщение нулевого уровня
1 Р	Папа 3-летней девочки (это следует из подзаголовка повести – «Рассказы о жизни маленькой девочки в XXI веке, записанные ее отцом»). Кроме того, далее в рассказе девочка называет персонажа «папой» (событие 18). О том, что девочке примерно 3 года, написано в предисловии (Булычев 2007, с. 5).	Считает необходимым уложить дочь спать. Не знает точно, как это сделать.	«Алиса не спит. Десятый час, а она не спит». Ребенок, который поздно вечером должен спать, не спит. Десятый час вечера, в это время в нашей культуре принято укладывать детей спать, даже есть устойчивое выражение «детское время кончилось». О том, что это вечер, а не утро, мы делаем вывод на основе здравого смысла, именно потому, что ребенок должен спать. Сама фраза «Десятый час, а она не спит» не имела бы само собой разумеющегося смысла, если бы события происходили утром.	«Я сказал: – Алиса, спи немедленно, а то...»	Папа трехлетней дочери, которая не спит в десятом часу вечера, говорит ей, чтобы спала немедленно, если не хочет быть наказанной.
2 Р	Девочка, возраст примерно 3 года. Если бы у нас не было доступа к предисловию, мы все равно могли бы сделать вывод на основе здравого смысла, что речь идет о дошкольнице или младшей школьнице: в нашей культуре более взрослых детей принудительно спать дома обычно не укладывают (в отличие от детского лагеря, санатория или больницы).	Не хочет спать. Не воспринимает папину словесную угрозу всерьез, потому что не боится папу. Девочке любопытно, что же папа может сделать.	Мы понимаем из контекста, что папа добрый, и хорошие родители не пугают своих детей всерьез. Если такому папе задать вопрос, он будет на него отвечать, а не наказывать за то, что не спишь.	«Что "а то", папа?» Спрашивает, а что папа сделает, если она не заснёт.	Трехлетняя девочка, которой папа грозит непонятным наказанием, вместо того, чтобы испугаться, спрашивает его, что именно он собирается делать.
3 Ф	Папа 3-летней девочки	Чувствует, что должен как-то сформулировать свою пусть шуточную, но всё-таки угрозу. На основе здравого смысла можно предположить, что, как многие родители в нашей	Дочка спросила о том, что он собирается делать, если она не заснёт.	«А то я провидеофоню бабе-яге». Отвечает дочери, что «провидеофонит» бабе-яге. То, что это ответ, мы понимаем из грамматической структуры диалога. Пугать не желающего спать ребёнка сереньким волчком, бабаем, буги-мэном	На вопрос трехлетней дочери о том, что будет, если она не заснёт, папа отвечает, что позвонит бабе-яге.

		культуре, скорее всего он привык отвечать на детские вопросы, а не игнорировать их. Можно назвать это состоянием ответа на вопрос.		и т.п. – это стандартная практика для многих культур. Фантастическим элементом здесь является видеофон. В 1965 г. не было видеофонов. Мы это знаем из истории. Смысл слова понимаем по аналогии с «телефоном». С точки зрения словоупотребления, эта фраза и сегодня не реальна, потому что сегодня сказали бы «Соединюсь по видео» или просто «Позвоню».	
4 Р	Девочка 3 лет	Девочке любопытно, интересно узнать, кто такая баба-яга.	До сих пор девочка не слышала про бабу-ягу. В 3 года это вполне реально.	«А кто такая баба-яга?»	Трёхлетняя девочка, которая впервые услышала про бабу-ягу, спрашивает, кто это такая.
5 Р	Папа 3-летней девочки	Хочет уложить дочку спать, но при этом настроен отвечать на детские вопросы, привык это делать.	Дочь задала папе вопрос. Опасность злого персонажа, которым обычно пугают непослушных детей, обычно заключается в том, что он может их забрать с собой и даже съесть. Это стандартный фольклор.	«Ну, это детям надо знать. Баба-яга костяная нога – страшная, злая бабушка, которая кушает маленьких детей. Непослушных».	Непослушной трёхлетней девочке, которая спрашивает, кто такая баба-яга, папа говорит, что это страшная, злая бабушка, которая кушает маленьких непослушных детей.
6 Р	Девочка 3 лет	Хочет знать ответы на все вопросы. Детское состояние «Почему?»	Ей сказали, что баба-яга ест непослушных детей.	«Почему?»	Трёхлетняя девочка, которой папа сказал, что баба-яга ест непослушных детей, спрашивает, почему баба-яга это делает.
7 Р	Папа 3-летней девочки	Состояние ответа на вопрос.	Дочь спросила, почему баба-яга ест детей.	«Ну, потому что она злая и голодная». Придумывает ответ: потому что она злая и голодная.	На вопрос трёхлетней дочери о том, почему баба-яга ест детей, папа отвечает: потому что баба-яга злая и голодная.
8 Р	Девочка	Детское состояние «Почему?»	Папа сказал, что баба-яга голодная.	«А почему голодная?» Спрашивает: «Почему?»	Трёхлетняя девочка, которой папа сказал, что баба-яга голодная, спрашивает, почему она голодная.
9 Ф	Папа	Состояние ответа на вопрос.	Дочь спросила, почему баба-яга голодная.	«Потому что у нее в избушке нет продуктопровода». Отвечает, что у бабы-яги нет продуктопровода. Смысл слова понимаем по аналогии с «водопроводом» и «газопроводом». И понимаем, что это фантастика, потому что продуктопроводов не существует. Кстати, из этого ответа мы понимаем, что у большинства людей в этой фантастической реальности в домах есть продуктопроводы.	На вопрос трёхлетней дочери о том, почему баба-яга голодная, папа отвечает: потому что у неё нет продуктопровода.

Предлагаемый анализ показывает, что значительную часть знания о персонажах, их состояниях, обстоятельствах и формах поведения мы извлекаем на основании здравого смысла как нечто само собой разумеющееся для человека нашей культуры, но не для представителя другой культуры или компьютерной программы. Например, нам очевидно, что если в десятом часу девочка не хочет спать, а папа её укладывает, события происходят вечером, а не утром. Компьютерная программа не смогла бы сделать этот вывод, если бы не была специально на это натренирована. Но для того, чтобы поставить перед ней такую задачу, нам нужно самим обратить на это внимание, а ведь мы подобные выводы большей частью делаем совершенно бессознательно. Это касается и такой характеристики описываемых в художественных произведениях событий, как их реальность.

Заключение

Все, что мы говорим или пишем о реальности, мы знаем из наблюдений за реальностью. Большинство наблюдений зафиксированы письменно, но из этого не следует, что описания наблюдений строятся исключительно на основе других описаний наблюдений. Знание того, что реально, а что нет, – это часть здравого смысла. И одна из проблем заключается в том, чтобы эксплицитовать, каким образом мы узнаём, что реально, а что нет. Что является источником этого знания, где оно хранится, как мы делаем выводы о реальности? Возможный ответ: мы опираемся на память о том, с чем сталкивались в своем опыте или в рассказах других о том, что было реальным в их жизни. Возможно, память о любом опыте или рассказ о любом событии сопровождается пометкой о том, было оно реальным или только воображаемым.

Моя интерпретация проанализированного текста не является единственно возможной. Она основана на здравом смысле, как понимаю его я в качестве носителя русского языка и представителя современной русскоязычной культуры. Другому русскоязычному читателю некоторые элементы этой интерпретации могут показаться спорными. Здравый смысл существует по большей части неявно и распределённо, он специфичен для каждого носителя культуры. В качестве научного факта те или иные суждения здравого смысла могут быть зафиксированы только как статистические обобщения по результатам репрезентативного исследования, как некоторые языковые и культурные типы. Таким образом, мной представлен лишь один из возможных вариантов анализа. Тем не менее он наглядно показывает, что даже в таком простом тексте огромное количество информации даётся неявным образом и понимание событий основывается на многих предпосылках, кажущихся само собой разумеющимися. Если бы не данный

эксплицитный анализ, обычный читатель даже и не задумался бы о том, каким именно образом, на основании каких предпосылок и в результате каких умозаключений он понимает этот рассказ.

Из этого же следует и один из важнейших аспектов проблемы обучения систем искусственного интеллекта пониманию человеческих историй. Для того, чтобы искусственная нейронная сеть могла понимать смысл событий, она должна распознавать не просто слова и грамматические формы, но статусы персонажей, их состояния, обстоятельства действия и формы поведения. А для этого она должна каким-то образом опираться на знание здравого смысла, извлекать уместные для того или иного контекста суждения здравого смысла и делать на их основании соответствующие выводы. Я надеюсь, что представленный мной анализ поможет авторам и тренерам систем искусственного интеллекта более точно сформулировать стоящие перед ними задачи.

Библиографический список

Lewin, K. (1935), *A Dynamic Theory of Personality*, Selected Papers, Mcgraw-Hill Book Company, New York, USA, [Online], available at: <https://ia802307.us.archive.org/13/items/dynamictheoryofp032261mbp/dynamictheoryofp032261mbp.pdf> (Accessed 10 January 2022).

Serikov, A.E. (2021), Analysis of Human Behavior as a Condition for Creative Artificial Storytelling, D. Bylieva and A. Nordmann (ed.), *Technology, Innovation and Creativity in Digital Society. PCSF. Lecture Notes in Networks and Systems*, vol. 345, pp. 449–461, Cham: Springer, 2022, [Online], available at: https://doi.org/10.1007/978-3-030-89708-6_38 (Accessed 10 January 2022).

Булычёв К. Девочка, с которой ничего не случится // Девочка с Земли. Москва: Эксмо, 2007. 512 с. С. 5–26.

Левин К. Динамическая психология. Избранные труды / Под ред. Д.А. Леонтьева и Е.Ю. Пятаевой. Москва: Смысл, 2001. 572 с.

Левин К. Теория поля в социальных науках / Пер. с англ. Е. Сурпиной. Санкт-Петербург: Речь, 2000. 368 с.

Сериков А.Е. Интерпретация поведения персонажа художественного нарратива: разметка текста и ситуативный анализ // История. Семиотика. Культура: сборник материалов Международной научной конференции, посвященной 250-летию Фридриха Шлейермахера / отв.ред. И.В.Демин. Самара: Сам. гуманитар. акад., 2018. С. 255–261. URL: <http://repo.ssau.ru/bitstream/Istoriya-Semiotika-Kultura/Interpretaciya-povedeniya-personazha-hudozhestvennogo-narrativa-razmetka-teksta-i-situativnyi-analiz-74239/1/%d0%a1%d0%b5%d1%80%d0%b8%d0%ba%d0%be%d0%b2%20>

%d1%81.%20255-261.pdf (дата обращения: 10.01.22).

Сериков А.Е. Концептуальный конструкт «поведение» в теории поля Курта Левина // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 4. С. 180–187. URL: <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2020-15-4-180-187> (дата обращения: 10.01.22).

Тодоров Ц. Введение в фантастическую литературу / Пер. с франц. Б. Нарумова. Москва: Дом интеллектуальной книги, 1999. 144 с.

References

Lewin, K. (1935), *A Dynamic Theory of Personality*, Selected Papers, Mcgraw-Hill Book Company, New York, USA, [Online], available at: <https://ia802307.us.archive.org/13/items/dynamictheoryofp032261mbp/dynamictheoryofp032261mbp.pdf> (Accessed 10 January 2022).

Serikov, A.E. (2021), Analysis of Human Behavior as a Condition for Creative Artificial Storytelling, D. Bylieva and A. Nordmann (ed.), *Technology, Innovation and Creativity in Digital Society. PCSF. Lecture Notes in Networks and Systems*, vol. 345, pp. 449–461, Cham: Springer, 2022, [Online], available at: https://doi.org/10.1007/978-3-030-89708-6_38 (Accessed 10 January 2022).

Bulychev, K. (2007), *The girl nothing happens to, The Girl from Earth (coll.)*, Eksmo Publ., Moscow, Russia.

Lewin, K. (2001), *A Dynamic Psychology. Selected Papers*, D.A. Leontiev and E.Yu. Patyaeva (ed.), Smysl Publ., Moscow, Russia.

Lewin, K. (2000), *Field theory in social sciences*, E. Syrpina (trans. ed.), Rech', St.-Petersburg (in Russ.).

Serikov, A.E (2000), Interpretation of fiction character's behavior: text markup and situational analysis, *History. Semiotics. Culture: collection of the International Scientific Conference dedicated to the 250th Anniversary of Friedrich Schleiermacher*, I.V. Demin (ed.), Samara: Samara Academy for the Humanities, pp. 255–261, [Online], available at: <http://repo.ssau.ru/bitstream/Istoriya-Semiotika-Kultura/Interpretaciya-povedeniya-personazha-hudozhestvennogo-narrativa-razmetka-teksta-i-situativnyi-analiz-74239/1/d0%a1%d0%b5%d1%80%d0%b8%d0%ba%d0%be%d0%b2%20%d1%81.%20255-261.pdf> (Accessed 10 January 2022).

Serikov, A.E. (2020), Conceptual construction «behavior» in Kurt Lewin's field theory, *Gumantarniy vector = Humanitarian vector*, vol. 15, no. 4, pp. 180–187, [Online], available at: <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2020-15-4-180-187> (Accessed 10 January 2022).

Todorov, Tz. (1999), *Introduction to science fiction*, B. Naumova (trans. ed.), Dom intellectual'noi knigi, Moscow, Russia (in Russ.).

Submitted: 30.06.2022

Revised: 05.09.2022

Accepted: 16.09.2022

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 165

DOI: 10.18287/2782-2966-2022-2-3-39-45

Дата поступления: 27.06.2022
рецензирования: 05.09.2022
принятия: 15.09.2022

Н.А. Ястреб

Вологодский государственный университет,
г. Вологда, Российская Федерация
E-mail: nayastreb@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6635-6008>

Гарри Поттер и технопессимизм: готовы ли «зумеры» к техническому прогрессу?

Аннотация: статья посвящена выявлению условий влияния научно-фантастической литературы и книг в жанре фэнтези на формирование технооптимистических и технопессимистических настроений молодых читателей. Базовым допущением работы является то, что восприятие артефактов героями художественной литературы с оговорками может быть рассмотрено как основа для выявления отношения к технике тех поколений, для которых эти произведения явились смысловыми точками сборки. Технооптимизм определен как мировоззренческая установка, в рамках которой источник проблем видится в самой природе и в человеке. Показано, что технопессимизм называет корнем проблем деятельность человека. Доказано, что цикл книг о Гарри Поттере в целом формирует технопессимистическое мировоззрение и оправдывает технологическое неравенство. На примере книг Т. Прагетта показано, что литература может формировать у читателей ответственное отношение к технике, если будет показывать не только угрозу, которую несут технологии (прометеевское мышление), но и способы устранения последствий применению техники, в том числе в результате неправильно принятых решений (эпиметеевское мышление).

Ключевые слова: технопессимизм; технооптимизм; артефакт; социальная оценка техники; прометеевское мышление; эпиметеевское мышление.

Цитирование: Ястреб Н.А. Гарри Поттер и технопессимизм: готовы ли «зумеры» к техническому прогрессу? // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2022. Т. 2, № 3. С. 39–45. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-3-39-45>.

Благодарности: автор выражает благодарность профессору, доктору философских наук Четыровой Л.Б. за оказанную помощь в проведенном исследовании.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Ястреб Н.А., 2022 – доктор философских наук, доцент, директор института социальных и гуманитарных наук, Вологодский государственный университет, 160035, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Ленина, 15.

SCIENTIFIC ARTICLE

N.A. Yastreb

Vologda State University,
Vologda, Russian Federation
E-mail: nayastreb@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6635-6008>

Harry Potter and technopessimism: are «zoomers» ready for the technological progress?

Abstract: the article reveals the conditions for the science fiction and fantasy fiction to affect formation of technooptimistic and technopessimistic attitude of young readers. Primarily, the work assumes the way fiction heroes understand artefacts with reservations can be considered as the basis to reveal the attitude to engineering among those generations for whom these works were notional points. Technooptimism is defined as a worldview attitude within which nature and the humanbeing cause problems. The article shows that technopessimism identifies the human activity as the problem source. Harry Potter series proved to shape technopessimistic worldview and excuse technology inequality. Through the example of T. Pratchett books the article demonstrates that literature can formalize readers' responsible attitude towards equipment if it shows not only the threat that pose technologies (the Promethan mentality), but also remedies to manage effects of machinery use, including those resulting from improper decisions (the Epimethian mentality).

Key words: technopessimism; technooptimism; artefact; machinery social rating; the Promethan mentality; the Epimethian mentality.

Citation: Yastreb, N.A. (2022), Harry Potter and technopessimism: are «zoomers» ready for the technological progress?, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 2, no. 3, pp. 39–45, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-3-39-45>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Yastreb N.A., 2022 – Doctor of Sciences in Philosophy, Associate Professor, Head of the Institute of Human and Social Sciences, Vologda State University, 15, Lenina str., Vologda, 160000, Russian Federation.

Введение

Научную фантастику, без сомнения, можно назвать культурным пространством переживания надежд и страхов человечества в отношении технического прогресса. Доминирование «прогрессорской» фантастической литературы второй половины XX в., моделировавшей разные варианты влияния техники на социальное устройство к концу века, сменилось всеобщей популярностью жанра фэнтези, разворачивающей историю в противоположную от технического прогресса сторону. Изначально привлекая читателя возможностью эскапизма, отдыха от быстро меняющегося, полного стрессов мира, фэнтези стала, тем не менее, пространством осмысления технического прогресса и во многом отразила отношение современного человека к технике.

Серия книг о Гарри Поттере оказала на своих читателей колоссальное воздействие. Об этом можно судить не только по огромному количеству фандомов и тематических групп в социальных сетях, но и по результатам научных исследований. Так, группа исследователей из Ланкастерского и Мичиганского университетов провела исследование методом фокус-групп для выявления степени влияния поттерианы на самоопределение, читательское поведение и академическое развитие детей, увлекавшихся чтением книг о юном волшебнике (Dempster 2016). Они приходят к выводу о том, что романы о Гарри Поттере «выполняют роль того, что Лев Выготский называет «культурными инструментами»: ориентиров, которые стимулируют взаимодействие и облегчают обучение и когнитивное развитие» (Dempster 2016, p. 270).

Базовым допущением нашего исследования является то, что восприятие артефактов героями художественной литературы с оговорками может быть рассмотрено как основа для выявления отношения к технике тех поколений, для которых эти произведения явились смысловыми точками сборки. Поскольку данное положение имеет границы применимости, мы будем использовать для сравнения данные, полученные традиционными методами, в частности, при помощи анкетирования.

Технопессимизм и технооптимизм как формы отношения к техническому прогрессу

Оппозиция *технооптимизм–технопессимизм* часто рассматривается как нечто очевидное и не

требующее дополнительных разъяснений. Тем не менее, постараемся выявить ключевые черты обеих мировоззренческих ориентаций. Прежде всего, нужно определиться, какую проблему считать «точкой ветвления» этих систем: отношение к технике, отношение к техническому прогрессу или отношение к развитию самой цивилизации. Все эти варианты возможны, однако основной, определяющей проблемой является понимание источника проблем современной цивилизации, в том числе глобальных.

Технооптимизм видит источник проблем в самой природе и в человеке и рассматривает технику как инструмент преодоления цивилизационных кризисов и решения глобальных проблем. Технопессимизм называет корнем проблем деятельность человека, в том числе познание и техническое творчество, его сторонники «видят источник опасности не в природе, а в социальных системах деятельности» (Дзялошинский 2020, с. 91). Чем больше человек узнает, тем больше он расширяет сферу незнания, увеличивая при этом потенциальные риски негативных последствий реализации своих расширившихся возможностей. Эскапизм и эгоцентризм являются закономерным продолжением технопессимизма. В первом случае человек отказывается принимать действительность и участвовать в ее создании, а во втором возлагает ответственность за экологические проблемы на науку и технику, потакающие человеческим слабостям.

По данным многих исследований, влияние на становление технопессимистических или технооптимистических ориентаций оказывают не только личностные характеристики человека, но и межличностные, групповые и межгрупповые, а также социальные факторы (Нестик 2018, с. 316). К числу последних относятся, в частности, художественная литература и кинематограф.

Артефакты в произведениях фэнтези VS технические изобретения

Восприятие героями фэнтези магических артефактов мало чем отличается от восприятия обычными людьми новых технологий. Механизм работы сложных инструментов непонятен большинству пользователей, в результате чего техника и технологии часто наделяются антропо-

морфными и магическими свойствами. «Маленькие вещи», то есть объекты, которые могут быть включены в повседневную жизнь человека для облегчения рутинных процедур, развлечения и повышения уровня комфорта, принимаются человеком сравнительно легко. При этом зависимость от них может привести к негативным последствиям. Этот сюжет убедительно показан в книге «Простые волшебные вещи» Макса Фрая. Использование магических инструментов для действий, которые человек может делать самостоятельно, неизбежно приводит к негативным для человека последствиям.

Другие артефакты, обладающие силой, превосходящей представления человека, часто становятся центральными объектами фэнтези. Примерами могут служить кольцо всевластия у Дж.Р.Р. Толкина, крестражи у Дж. Роулинг или «ружие» у Т. Пратчетта. Эти примеры объединяет то, что все артефакты были созданы участниками историй, а не достались им от далеких могущественных предшественников; обладают огромной силой, способной изменить мир; оказывают влияние на человека, взаимодействующего с ними. Во всех перечисленных историях герой повествования спасает мир, уничтожая артефакт силы. При этом любые попытки изучения артефактов, использования их на благо общества противоположны интересам героя, и только уничтожение источника силы рассматривается как единственно верный вариант.

Другой интересный пример связан с «системами наблюдения» в Хогвартсе. Долорес Амбридж, как символ технократического управления, формализации и контроля, олицетворяет те начала в человеке, которым нельзя давать доступ к инструментам силы. Если вспомнить классификацию властных отношений, предложенную Б. Фэем (Faу 1987), то можно утверждать, что могущественные артефакты, как и значимые технологии, способны усилить и преобразовать традиционные способы осуществления принуждения, соблазна, силы, манипуляции и лидерства. В этом плане понятно опасение по поводу того, что такой инструмент, как карта мародеров, попадет в руки жестокому правителю. Однако при этом не рассматриваются способы ограничений, сдержек и противовесов, которые могли бы минимизировать риски негуманного использования артефакта. В результате карта мародеров рассматривается как инструмент только для шалостей, а не для обеспечения, например, безопасности школьников.

Пример с картой очень показателен. Важно, что, хотя, в принципе, взрослые о ней знают, сама она доступна только ученикам и передается также от ученика к ученику. По сути, именно используя карту, юные волшебники учатся работать с действительно мощным артефактом и оказыва-

ются готовыми принять на себя ответственность за его использование. Если взять за основу шкалу оценки взаимодействия человека и технологии, включающую отношение, уровень тревожности, степень самоэффективности, личные убеждения относительно необходимости использования технологии, включение технологий в игру, личную активность (Attig 2017), то мы видим, что практически все эти формы имеют место во взаимодействии Гарри и его друзей с картой. Герои с воодушевлением принимают карту и с интересом ее изучают, изобретают игры, используют ее не только для развлечений, но и для решения разных, в том числе серьезных, проблем. Их тревоги касаются защиты самой карты от попадания не в те руки. Использование карты показывает психологическую готовность принять риски технологии в тех ситуациях, когда человек извлекает из ее собственные выгоды. Второй фактор – автономность, самостоятельность действий подростков. Они полагаются на себя, чувствуют свою субъектность и право принимать решения.

Важным фактором понимания отношения героев поттерианы к магическим артефактам является колониальная оптика. В книгах мы видим высокотехнологический мир магов и низкотехнологический мир магглов. Помню, что при чтении книги «Гарри Поттер и тайная комната» меня совершенно поразил тот факт, что у волшебников есть технология, позволяющая за одну ночь отращать потерянные конечности. И эта технология достаточно проста, чтобы ее успешно можно было использовать в школьной лечебнице, где работает всего один сотрудник. В то же время героев совершенно не беспокоит то, что в мире магглов множество людей, в том числе и детей, проживают сломанные жизни из-за потерянных рук или ног. Но в логике повествования эта несправедливость оправдывается тем, что нужно любой ценой скрыть от людей магические возможности. Здесь и во многих других сюжетах мы видим сочетание технопессимизма и оправдания технологического неравенства. Конечно, нужно делать поправку на социальное устройство Великобритании, где параллельность существования разных социальных слоев и неравенство являются нормой. Но сложно отрицать, что идея сокрытия, утаивания значимых технологий явно присутствует и в поттериане, и во «Властелине колец».

По ту сторону мира волшебников люди вынуждены компенсировать отсутствие магии техническим прогрессом. Они изобретают телевизоры вместо волшебных зеркал и протезы вместо отращающих конечности зелий. Только поезда есть в обоих мирах, и общий контекст позволяет нам сделать вывод, что поезд, уезжающий в Хогвартс с волшебной платформы, изобретен не волшебниками, а людьми. Это одно из немногих технических

устройств, созданное магглами и используемое в мире магов. По-видимому, поезд выполняет функцию проводника, соединяя мир технологий с миром магии.

Хотя проведенный анализ можно считать предварительным, он показывает технопессимистичный настрой книг о юном волшебнике. Хотя главный герой с младенчества вынужден брать на себя ответственность за то, с чем не могут справиться взрослые, он не готов брать на себя ответственность за мощные магические артефакты и считает необходимым их уничтожение. Это становится еще более заметным, если учесть, что Д. Роулинг сменила в свое время в списке наиболее «продаваемых» писателей предыдущего лидера – Терри Пратчетта. Сэр Пратчетт отстаивал прямо противоположный подход к пониманию технического прогресса в мире магии. Его книги посвящены тому, как справляться с магией и техникой. Да, нужно полагаться на себя и свои силы, но технический прогресс неостановим. Семафоры, железная дорога, вычислительные машины у Пратчетта являются частью реальности, с которой герои, будь то тиран Витинари или говорящий пес Гаспод, учатся справляться. Молодые люди, читая эти книги, воспринимали идею неизбежности технического прогресса и вызванных им социальных трансформаций. Следующее поколение, чьи умы захватил мир Гарри Поттера, оказалось гораздо более инфантильным и вывело технический прогресс за рамки своих интересов.

«Зумеры» и технологии: стереотипы и исследования

В рамках поколенческой теории дети, родившиеся в конце 1990-х – начале 2010-х гг., объединяются в поколение «зумеров», их также часто называют «цифровыми аборигенами». Их активное взаимодействие с цифровыми инструментами формирует поверхностное впечатление о поколении и дает начало ряду стереотипов. Принято считать, что «зумеры» техноцентричны, обладают уникальными способностями и навыками взаимодействия с техникой, предпочитают гаджеты реальным людям. Как и другие обобщения и генерализации, подобные идеи со временем превратились в некоторые стереотипы, и на данном этапе они не только не помогают понять молодое поколение, но и вредят взаимоотношению с ним. Разрабатывая образовательные программы и концепции молодежной политики на основе стереотипов, мы тем самым усугубляем межпоколенческий разрыв.

Опросы, направленные на выявление отношения молодых людей к технике, демонстрируют их явный технопессимистичный настрой. Так, в результате анкетирования студентов московских вузов было выявлено, что социальные представления молодых людей о будущем технологий

«характеризуются амбивалентностью: признавая неизбежность технологического развития, респонденты связывают с ним как комфорт, так и социальную деградацию» (Журавлев, Нестик 2018, с. 5). Позитивные суждения относительно будущего интернет-технологий составляют 24 % ответов, нейтральные – 24,8 % ответов, тогда как негативные – 51 % ответов. На выраженность негативных оценок в представлениях о будущем интернета влияют негативные переживания при использовании интернета, представления о социальной сложности, т.е. вера в изменчивость социальной ситуации и фаталистическое отношение к будущему. Готовность использовать новые технологии прямо связана с доверием к заинтересованным сторонам технологического прогресса, ориентацией на гедонистическое настоящее, социальный цинизм и отрицательно связана с уважением к авторитетам и с зависимостью от судьбы. По мнению авторов исследования, полученные данные указывают на то, что «технооптимизм как мировоззренческая позиция может сопровождаться неготовностью использовать новые технологии; а также на то, что ориентация на получение удовольствия в настоящем более важна для готовности к использованию новых технологий, чем ориентация на будущее» (Нестик 2018, с. 314).

Таким образом, для поколения «зумеров» характерен амбивалентный технопессимизм. Повседневные технические инновации оцениваются ими положительно, активно осваиваются. Однако по-настоящему серьезные инструменты вызывают неприятие, страх и отказ от ответственности за их использование.

Можно ли подготовить человека к техническому прогрессу?

Если говорить о подготовке молодого поколения к будущему и к ответственному отношению к технике, то обе позиции, и технопессимизм, и технооптимизм, одинаково непригодны. Первая формирует инфантильное эскапистское отношение к миру, вторая поощряет наивные безответственные игры в суперменов и богов. И тот и другой варианты так или иначе провоцируют переход от технофобии к номофобии, боязни остаться без гаджетов или волшебных палочек.

Любые значимые технологии амбивалентны (Аршинов, Буданов 2021, с. 59). Преодоление технопессимизма возможно не через демонстрацию позитивных сторон технологий, а посредством подготовки человека к разным вариантам последствий их внедрения. В этом смысле интересно обращение современной экофилософии к разделению прометеевского и эпиметеевского способов мышления (прометеи и эпиметеи соответственно). Если прометея — это тип мышления, который находит решения для имеющейся проблемы,

то эпиметея — это качество интеллекта, которое проявляется после того, как данное решение оказывается неадекватным или имеет непредвиденные последствия (Dillet 2021, p. 7). Обращение к античному мифу о двух братьях-близнецах, один из которых находит решения проблем, то есть думает наперед, а другой пытается справиться с негативными последствиями действий, то есть думает после, показывает, что только синтез обоих подходов может реально помочь научить молодых людей справляться с вызовами новых технологий, не отказываясь от их позитивных возможностей. В этом плане нельзя не отметить почти комическую неэффективность предмета «Защита от темных сил», который, по сути, должен был формировать у молодых волшебников навыки эпиметея. Автор книги за книгой показывает нам то, как реальное обучение подменяется имитацией, формализацией содержания, в результате чего взрослые оказываются неспособными в «мирной» жизни подготовить детей к действию в сложных ситуациях. И надежды, которые вызывал этот предмет у героев в начале обучения, быстро развеиваются.

Отношение к технологиям не просто является фактором, влияющим на готовность к техническому прогрессу, но и определяет сам технический прогресс. Восприятие технологий как угроз автоматически актуализирует ограничительный подход. Парадоксальным образом «те, кому угрожают технологии (...), контролируют технологии» (Feenberg 1995, p. 207). Представления поколения «зумеров» о техническом прогрессе уже начинают формировать его направление, а через некоторое время именно их позиция станет определяющей. В этом плане полезно учитывать специфику запроса, предъявляемого человеком к технике. Молодые люди XIX – н. XX в. видели в науке и технике преобразующую силу, которая изменит социальный порядок и укротит природу. В последней четверти XX в. цель научно-технического прогресса начала связываться с улучшением качества жизни человека. Сейчас, когда становится понятно, что недостаточно жить долго и иметь возможность не страдать от болей и болезней, перед научно-техническим прогрессом ставится новая амбициозная задача сделать человека счастливым, а его жизнь увлекательной и интересной. Сохранная природа и практически неограниченные возможности самореализации в метавселенных – вот тот запрос «зумеров» к науке и технике, который мы можем фиксировать сейчас.

Заключение

Восприятие артефактов героями фэнтези с оговорками может быть рассмотрено как основа для выявления отношения к технике тех поколений, для которых эти произведения явились смысловыми точками сборки. Для поколения «зумеров»

характерен амбивалентный технопессимизм. Автоматическое отождествление «зумеров» с цифровыми аборигенами, приписывание им технократического мышления и «родства» с технологиями должно быть критически осмыслено. Повседневные технические инновации оцениваются ими положительно, активно осваиваются. Однако по-настоящему серьезные инструменты вызывают неприятие, страх и отказ от принятия ответственности за их использование.

Отвечая на вопрос, заявленный в теме статьи, можно сказать, что поколение «зумеров» не готово к техническому прогрессу в том виде, в каком его понимает, например, послевоенное поколение. Трансформации ценностных ориентиров и мировоззренческих ориентаций вызывают изменения в понимании самого технического прогресса, его цели и направления. В связи с этим важно ответить на вопрос, к какому техническому прогрессу готовы зумеры, что и станет предметом дальнейших исследований данной проблемы.

Библиографический список

- Alton, A.H. and Spruiell, W.C. (2014), Discworld and the Disciplines, *Critical Approaches to the Terry Pratchett Works*, McFarland, Jefferson, USA.
- Applebaum, P. (2003), *Harry Potter's World: Magic, Technoculture, and Becoming Human. In Harry Potter's world: Multidisciplinary critical perspectives*, Routledge Falmer, New York, USA.
- Attig, C., Wessel, D. and Franke, T. (2017), Assessing Personality Differences in Human-Technology Interaction: An Overview of Key Self-report Scales to Predict Successful Interaction, Stephanidis C. (ed.) HCI International 2017 – Posters' Extended Abstracts. HCI 2017, *Communications in Computer and Information Science*, vol. 713, pp. 19–29, Springer, Cham, DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-58750-9_3.
- Bantwal Rao, M., Jongerden, J., Lemmens, P. et al. (2015), Technological Mediation and Power: Post-phenomenology, *Critical Theory, and Autonomist Marxism. Philos. Technol*, vol. 28, pp. 449–474, DOI: <https://doi.org/10.1007/s13347-015-0190-2>, [Online], available at: <https://rdcu.be/cIv2x> (Accessed 1 June 2022).
- Birch, Megan, L. (2009), Schooling Harry Potter: Teachers and Learning, Power and Knowledge, E.E. Heilman (ed.), *Critical Perspectives on Harry Potter*, pp. 103–120, Routledge, New York, USA.
- Dempster, S., Oliver, A., Sunderland, J. et al. (2016), What has Harry Potter Done for Me? Children's Reflections on their 'Potter Experience', *Child Lit Educ*, no. 47, pp. 267–282, DOI: <https://doi.org/10.1007/s10583-015-9267-x>.
- Dillet, B. and Hatzisavvidou, S. (2021), Beyond technofix: Thinking with Epimetheus in the anthropocene, *Contemp Polit Theory*, DOI: <https://doi.org/10.1007/s10583-015-9267-x>.

doi.org/10.1057/s41296-021-00521-w, [Online], available at: <https://link.springer.com/article/10.1057/s41296-021-00521-w> (Accessed 1 June 2022).

Fay, B. (1987), *Critical social science*, Cornell University Press, Ithaca, USA.

Feenberg, A. (1995), Subversive rationalization: technology, power, and democracy, A. Feenberg and A. Hannay (ed.), *Technology and the politics of knowledge*, pp. 3–22, Indiana University Press, Bloomington, USA.

King, A. (2004), Technophobia and Patriotic Pride, *MRS Bulletin*, vol. 29, pp. 360, [Online], available at: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1557/mrs2004.107.pdf> (Accessed 1 June 2022).

Аршинов В.И., Буданов В.Г. Этические императивы сценариев большого антропологического перехода // Сложность. Разум. Постнеклассика. 2021. № 4. С. 58–64.

Дзялошинский И.М. Философия цифровой цивилизации и трансформация медиакommunikаций: монография / Под ред. Л.К. Лободенко. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2020. 554 с.

Журавлев А.Л., Нестик Т.А. Социально-психологическая детерминация готовности личности к использованию новых технологий // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 5. С. 5–14.

Нестик Т.А. Социально-психологические предикторы отношения личности к новым технологиям // Информационное общество: образование, наука, культура и технологии будущего. 2018. № 2. С. 309–319.

Роулинг Д. Собрание сочинений. В 7 томах. Москва: Росмэн-Пресс, 2006.

Толкин Дж. Р.Р. Властелин колец. Москва: АСТ, 2015. 752 с.

Троянская А.И. Технооптимистическая и технопессимистическая перспективы человека будущего // Социально-экономическое управление: теория и практика. 2020. № 1 (40). С. 66–69.

Фрай М. Простые волшебные вещи. Москва: Амфора, 2010. 252 с.

Черняховская Ю.С. Футурология и философская фантастика как формы исследования будущего общества и его политического мира // Власть. 2016. № 4. С. 164–168. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/futurologiya-i-filosofskaya-fantastika-kak-formy-issledovaniya-buduschego-obschestva-i-ego-politicheskogo-mira> (дата обращения: 27.02.2022).

References

Alton, A.H. and Spruiell, W.C. (2014), Discworld and the Disciplines, *Critical Approaches to the Terry Pratchett Works*, McFarland, Jefferson, USA.

Applebaum, P. (2003), *Harry Potter's World: Magic, Technoculture, and Becoming Human. In Harry Potter's world: Multidisciplinary critical perspectives*, Routledge Falmer, New York, USA.

Attig, C., Wessel, D. and Franke, T. (2017), Assessing Personality Differences in Human-Technology Interaction: An Overview of Key Self-report Scales to Predict Successful Interaction, Stephanidis C. (ed.) HCI International 2017 – Posters' Extended Abstracts. HCI 2017, *Communications in Computer and Information Science*, vol. 713, pp. 19–29, Springer, Cham, DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-58750-9_3.

Bantwal Rao, M., Jongerden, J., Lemmens, P. et al. (2015), Technological Mediation and Power: Post-phenomenology, *Critical Theory, and Autonomist Marxism. Philos. Technol.*, vol. 28, pp. 449–474, DOI: <https://doi.org/10.1007/s13347-015-0190-2>, [Online], available at: <https://rdcu.be/cIv2x> (Accessed 1 June 2022).

Birch, Megan, L. (2009), Schooling Harry Potter: Teachers and Learning, Power and Knowledge, E.E. Heilman (ed.), *Critical Perspectives on Harry Potter*, pp. 103–120, Routledge, New York, USA.

Dempster, S., Oliver, A., Sunderland, J. et al. (2016), What has Harry Potter Done for Me? Children's Reflections on their 'Potter Experience', *Child Lit Educ*, no. 47, pp. 267–282, DOI: <https://doi.org/10.1007/s10583-015-9267-x>.

Dillet, B. and Hatzisavvidou, S. (2021), Beyond technofix: Thinking with Epimetheus in the anthropocene, *Contemp Polit Theory*, DOI: <https://doi.org/10.1057/s41296-021-00521-w>, [Online], available at: <https://link.springer.com/article/10.1057/s41296-021-00521-w> (Accessed 1 June 2022).

Fay, B. (1987), *Critical social science*, Cornell University Press, Ithaca, USA.

Feenberg, A. (1995), Subversive rationalization: technology, power, and democracy, A. Feenberg and A. Hannay (ed.), *Technology and the politics of knowledge*, pp. 3–22, Indiana University Press, Bloomington, USA.

King, A. (2004), Technophobia and Patriotic Pride, *MRS Bulletin*, vol. 29, pp. 360, [Online], available at: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1557/mrs2004.107.pdf> (Accessed 1 June 2022).

Budanov, V.G. and Arshinov, V.I. (2021), Ethic imperatives of scenarios for great anthropologic transition, *Complexity. Sense. Postnonclassics*, no. 4, pp. 58–64.

Dzyaloshinsky, I.M. (2020), *Philosophy of digital civilization and transformation of mediakommunications, monograph*, L.K. Lobodenko (ed.), YuUrGU Publishing Centre, Chelyabinsk, Russia.

Zhuravlyev, A.L. and Nestik, T.A. (2018), Social psychological determination of the individual readiness to use new technologies, *Psikhologicheskyy zhurnal = Psychological Magazine*, vol. 39, no. 5. pp. 5–14.

Nestik, T.A. (2018), Social psychological predictors of the individual's attitude towards new technologies, *Informatsionoye obschestvo: obrazovaniye, nauka, kul'tura i tekhnologii buduschego = Informa-*

tion society: education, science, culture and future technologies, no. 2, pp. 309–319.

Rowling, J. (2006), *Collection in 7 volumes*, Rosman-Press, Moscow, Russia.

Tolkien, J.R.R. (2015), *The Lord of the Rings*, AST, Moscow, Russia.

Troyanskaya, A.I. (2020), Technooptimistic and technopessimistic prospects of the future humanbeing, *Social'no-ekonomicheskoye upravleniye: teorii I praktika = Social economic management: theory and practice*, no. 1 (40), pp. 66–69.

Frei, M. (2010), *Simple magic things*, Amphora, Moscow, Russia.

Chernyakhovskaya, Yu.S. (2016), Futurology and fantasy fiction as ways to investigate future society and its political world, *Vlast' = Power*, no. 4, pp. 164–168, [Online], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/futurologiya-i-filosofskaya-fantastika-kak-formy-issledovaniya-buduschego-obschestva-i-ego-politicheskogo-mira> (Accessed 27 February 2022).

Submitted: 27.06.2022

Revised: 05.09.2022

Accepted: 15.09.2022

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 101+82.0+82.1+791.4

DOI: 10.18287/2782-2966-2022-2-3-46-51

Дата поступления: 01.08.2022

рецензирования: 20.09.2022

принятия: 26.09.2022

А.В. Марков

Российский государственный гуманитарный университет,

г. Москва, Российская Федерация

E-mail: markovius@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6874-1073>

Кинематографическая интерпретация психоанализа: к различию черно-белого и цветного кинематографа

Аннотация: предложенное В.В. Бибикиным сопоставление поэтики философского произведения Парменида с ранним кинематографом соединяет символистское и авангардное понимание кинематографа, представляя собой своеобразную краткую сумму теоретических воззрений на причины возникновения развернутого сюжета из фабулы или скрытого сюжета. Поэтика кино оказывается феноменологией возникновения художественной литературы. Эти понимания оказываются объединены фрейдистской концепцией преодоления аффекта, побочной в традиционном фрейдизме, но принципиальной для понимания выразительных жестов раннего кинематографа и закономерностей сюжетосложения. Параллели с другими авангардными концепциями кино позволяют уточнить, как может мыслиться символизация жеста, цветового решения и минимального технического обеспечения кинематографа в воспитанном литературой восприятии. Киноаналитика В.В. Бибикина раскрывает специфику понимания экранной чувственности и цвета в символистской традиции литературы и психоанализа.

Ключевые слова: Парменид; Фрейд; Бибихин; сюжет; фабула; развитие кинематографа; символизм; поэтика.

Цитирование: Марков А.В. Кинематографическая интерпретация психоанализа: к различию черно-белого и цветного кинематографа // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2022. Т. 2, № 3. С. 46–51. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-3-46-51>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© **Марков А.В., 2022** – профессор, ФГБОУ ВО Российский государственный гуманитарный университет, 125993, Российская Федерация, ГСП-3, г. Москва, Миусская площадь, д. 6.

SCIENTIFIC ARTICLE

A.V. Markov Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russian Federation

E-mail: markovius@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6874-1073>

Cinematic interpretation of psychoanalysis: on the difference between black-and-white and color cinematography

Abstract: proposed by V.V. Bibikhin comparative analysis of the poetics of On the Nature by Parmenides with early cinematography combines cinematography symbolism and avant-garde understanding, representing a kind of a laconic number of theoretical views on the causes of developing the expanded plot out of the story line or hidden plot. Cinema poetics here phenomenologically reflects the birth of literary fiction. These conceptions turn out to be combined by the Freudian concept of affect overcoming, that is incidental in traditional Freudianism, but fundamental for understanding the expressive gestures of early cinematography and principles of the plot creation. Parallels with other cinema avant-garde concepts allow to clarify how symbolization of the gesture, colour composition and cinematography minimum technical support could be conceived in perception raised on literature. Bibikhin cinema analytics specifies understanding of screen sensibility and colour in the literature and psychoanalysis symbolism tradition.

Key words: Parmenides; Freud; Bibikhin; basic plot; story line; cinematography development; symbolism; poetics.

Citation: Markov, A.V. (2022), Cinematic interpretation of psychoanalysis: on the difference between black-and-white and color cinematography, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 2, no. 3, pp. 46–51, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-3-46-51>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© **Markov A.V., 2022** – Professor, Russian State University for the Humanities, GSP-3, 6, Miuskaya square, Moscow, 125993, Russian Federation.

В начале лекции о Пармениде (Бибихин 2009), которую Бибихин опубликовал сначала отдельно (Бибихин 2005), философ поднимает вопрос о том, что пережил сам Парменид, открыв или учредив неподвижное Бытие, стоящее как истина за обманчивой переменчивостью вещей. Открытие Парменида, тезис «Бытие есть», тавтологически предикцирующей бытие, Бибихин считает чем-то вроде аффективной предикации человеческого тела, например, резкого разворота головы при неподвижном теле анфас. При этом он же говорит, что такой же принцип изображения был в Египте, где явно бытие не было открыто, и что понять этот аффект нам позволил только кинематограф, после многих веков перспективной живописи, которая априорно сковывала неподвижностью все вещи. Что фактически Парменид разыграл ситуацию кинематографа как оживающей предикации, как возможности развернуть действие, а не только помыслить его как данность при каких-то условиях, как «практику».

Это рассуждение сразу вызывает несколько вопросов. Во-первых, как быть с тем, что в Египте не было своего Парменида, а изображения такие были. Во-вторых, когда речь идет о кинематографе как оживлении картинке, имеется ли в виду следование за изображением вниманием, или же определенная перестройка внимания, которая заставляет принять кинематографическое как должное? Иначе говоря, идет ли речь о моделировании ситуаций с помощью аффектов, или иллюзии фактичности, учитывая, что и то, и другое недостаточно для концептуализации бытия, а Бибихин явно всё же говорит о бытии. И как же удастся говорить о бытии как о достаточном, если моделью такого разговора может быть только цветное кино, где кроме аффекта движения на экране есть и движение наших ассоциаций, связанных с цветом, и значит, мы можем занять позицию по отношению к бытию, – в то время как Бибихин скорее говорит о раннем кинематографе, если вообще не о практископе и других игрушках. Для этого рассмотрим внимательнее, почему Бибихин так заговорил о Пармениде.

Бибихин рассуждает о Пармениде как мыслителе, который впервые сделал бытие не темой, а самим предметом мысли, той ее истиной, которая только и позволяет говорить о мысли как о состоявшейся. Все мы понимаем, что слово «бытие», означавшее изначально что-то вроде прироста,

урожайности, стало после Парменида, как и после Аристотеля, и после Гегеля, означать ту непосредственность вещей, которая предшествует всяким различениям внутри вещи, ту ее устойчивость, которая только и может обосновать любую другую ее устойчивость, включая устойчивость ее существования или появления. Бибихин сравнивает жест Парменида с изображением Диониса на условной вазе, где тело будет анфас, а лицо – в профиль. Имеется в виду самое известное изображение Диониса времени Парменида, произведение Берлинского Вазописца, одного из создателей краснофигурной живописи. Бибихин замечает, что данная ваза показывает, почему античность не имела нужды в кино – простого усилия ума хватало, чтобы неподвижное изображение представить как движущееся, и что только кинематограф, этот самый незаметный и самый важный из «ренессансов», вернул нам подвижность. Вопрос о мысленном движении изображений на античных вазах подробно исследован, в том числе в отечественной науке (Брагинская 1979), но вне вопроса о тех революциях в построении изображения, которые сопоставимы с кинематографической революцией.

Возникновение краснофигурной вазописи вместо чернофигурной было не меньшим переворотом, чем караджистский переворот в европейской живописи: переход от прозрачности среды к подсветке, чисто условной, условность которой не менее радикальна, чем «Черного квадрата» или реди-мейда. Одним из ключей здесь будет тезис Бибикина в книге «Новый Ренессанс», что «чутко[е] и нервно[е] переживание времени» у Данте совпадает с появлением механических часов на башнях итальянских городов. Но гораздо более важный ключ – статья Фрейда «Моисей Микеланджело» (1914) (Фрейд 1914). Статья Фрейда посвящена разбору вопроса, вызванного статуей Микеланджело, почему в ней соединена волевая и решительная посадка головы, обращенной вбок, и беспечное поглаживание бороды, разыгранное в совсем ином направлении, чем движение взгляда? Фрейд приходит к выводу, что Моисей справился со своим аффектом гнева, и не разбил скрижали, но сохранил достоинство своего предназначения. Русский перевод М.Н. Попова в ключевом моменте не вполне точен: где в русском переводе «удовлетворение аффекта», там в немецком оригинале *Befriedigung* – собственно, примирение или успокоение. Получается, что Моисей стал

спокоен именно потому, что не стал успокаивать свой аффект, что вполне рифмуется с дальнейшим рассуждением Фрейда, что на лице Моисея еще отражаются аффекты, тогда как подавление движения, видимое в теле, показывает в ногах *Stellung der beabsichtigten Aktion* – позу отказанного действия (как в известном термине Мейерхольда и Эйзенштейна «отказное движение»), что неточно переведено Поповым как «в постановке ноги угадывается неосуществленное намерение», хотя там ничего не «угадывается», но *zeigt* – показывается, обозначается.

При этом Фрейд ссылается как на метод Джованни Морелли, поиска стилистических улик (которого он считает, введенный в заблуждение его псевдонимом-анаграммой, русским ученым Иваном Лермольевым), так и на как он считал, компилятивность Библии, совместившей рассказ о Моисее как пророке-боговидце, который знал заранее о падении своего народа и поэтому не стал бы ему мстить, имел время успокоиться, и о Моисее как политике-вожде, который реагирует на ситуацию, и неумение эпохи Ренессанса видеть за мороком своих эстетических переживаний очевидные швы библейского текста, ренессансные образованные люди (сейчас не обсуждаем, насколько учён был Микеланджело, и насколько в глазах Фрейда все ренессансные деятели сливались в один образ ученых артистов) воспринимали его как *zusammenhängenden* – сцепленным, в русском переводе ошибочно «органическое целое». Фрейд считает, что исторический Моисей был человеком гневным, способным к «взрывам аффекта» (*Affektausbruch*, на русский переведено штампом «в состоянии аффекта»), но у Микеланджело, по Фрейду, Моисей не разбивает скрижали «от испуга (или: угрозы), что они могут разбиться» (*durch die Drohung, daß sie zerbrechen könnten*, русский перевод здесь бледен «видя, что скрижали могут разбиться...»). То есть испуг от возможного действия как главная стратегия – параллель к тому самому восприятию Библии как сцепки, когда невозможно затронуть один узел событий, чтобы текст не привел в действие другие узлы – в противоположность филологической критике и самому фрейдовскому анализу (это слово вернее употреблять, чем профессиональный ярлык «психоанализ»), которая находит швы, именно исходя из того, что иначе произойдет замыкание аффектов, что иллюзия будет принята как наиболее непосредственный опыт, и сюжет со швами будет воспринят как развернутый сюжет.

В статье Фрейда, написанной с целью разоблачить эту непосредственность как подлог самого бытия, «Будущее одной иллюзии» (1927), которую перевел В.В. Биbihин (Фрейд 1927), Фрейд рассуждает о том, что культура разделяет с религией ответственность за защиту человека от природы,

хотя и не разделяет с ней судьбу. Одна из ключевых фраз этого трактата посвящена тому, что все культуры, вне зависимости от того, как их затронула религия, делают то же самое: «Они никогда не дают себе передышки в выполнении своей задачи – защитить человека от природы, они только продолжают свою работу другими средствами». Иначе говоря, религия вредна по Фрейду не тем, что она присвоила себе слишком большие полномочия создавать нормы, спекулируя в свою пользу культурными достижениями, как это было в просвещенческой критике, но потому что она всегда готова пустить культуру в расход, ставя себя то ее целью, то средством.

В оригинале фраза Фрейда звучит так: *Sie macht nicht etwa halt in der Erledigung ihrer Aufgabe, den Menschen gegen die Natur zu verteidigen, sie setzt sie nur mit anderen Mitteln fort*. Ключевые слова здесь очень важны, прежде всего, *Erledigung*, для которого выполнение – слишком бледное слово, собственно, буквально это наполнение пустоты, замена холостого наполненным. Это не просто решение задачи, которое должно состояться, как должно состояться бытие, по отношению к которому мы развернулись всем телом и головой, а не только телом, но это выполнение завета, полновесное. Ведь если решение соответствует задаче, то полнота никогда не соответствует пустоте. Что заряд работает, мы узнаем только когда пушка выстрелит, даже если заряд подгонялся по жерлу пушки со всей необходимой выверенностью крохоборных расчетов – этот мир безопасной надежности не имеет никакого отношения к эффекту.

Другое важное слово, *verteidigen* – действительно, означает защищать, даже, скорее, выстраивать линию обороны, но также обосновывать, мотивировать. Получается, что культура не просто создает какую-то иллюзию благополучия смыслов, за которыми человек может быть как за стеной, она заставляет человека постоянно основываться на своем смысле, как Парменид заставил весь мир держаться на своем «бытии».

Антирелигиозная работа Фрейда интересна тем, что как пример веры, оправдывающей себя фактом, он приводит свою встречу с Акрополем «на фоне синего неба». Действительный Акрополь оказался настолько настоящим, что не разочаровал и не восхитил, но изумил. Как поясняет Фрейд: «Какой же мелководной и бессильной должна была быть моя тогдашняя вера в реальную истинность услышанного, если сегодня я могу так изумляться!». В оригинале «мелководный» – *seicht* – что чаще употребляется метафорически как «поверхностный», «плоский», но Биbihин подыскал удачный перевод, исходя из того, что Фрейд сравнивал Акрополь с картинкой на плоской странице учебника, на поверхности, где мелькают впечатления как камешки в мелком ручье. Хотя этимоло-

гически «мелкий» и «мелькать» от разных основ, и Биbihин как любитель этимологий это знал, но здесь как раз такое сопоставление уместно. Иначе говоря, для Фрейда важно не то, что факт Акрополя оправдал культурное доверие, созданное такими институтами культуры, как школьный учебник, но что движение веры в реальность, пытающееся успеть за реальностью, ухватить слух воображением, вдруг останавливается, потому что синее небо разворачивается во всей красе. Это ближе всего к подкрашенному черно-белому кино, через какой-то из фильтров, но не к цветному, то есть как раз к фокусу и игрушке, которая своей условностью только подкрепляет безусловность нашего отношения к чувственным данным, и значит, заменяет иллюзорный развернутый сюжет действительным сюжетом, в котором участвуют уже не просто персонажи, но действительные субъекты.

Эту мысль Биbihин проговаривает в лекции о Пармениде, когда цитирует в собственном переводе отрывок о друидах из «Записок о галльской войне» Цезаря, что они запрещали записывать священные тексты из опасений как профанации, так и забывчивости. Как переводит Биbihин, друидам виделось непозволительным ослабление памяти письменностью, «когда усердие в заучивании и память начинают подкреплять письменной записью». Слово «подкреплять» в оригинале отсутствует, *ut praesidio litterarum diligentiam in perdiscendo ac memoriam remittant* можно было бы перевести «при помещении букв на первое место упускают усердие в заучивании и память». Цезарь как великий стратег мыслит пространственно, причем единственный из античных писателей понимает не только как могут разворачиваться события, но и в какой момент может быть запущено то или иное развитие событий; поэтому он всегда подчеркивает свои срочные и неожиданные реакции на ситуации. По сути, Цезарь изобрел такую вещь как алгоритм, хотя бы этого арабского слова еще не существовало. Поэтому для него «президиум», первое место, и «ремиссия», упущение – это цепкие слова стратега, на которых держится всё покорение мира. Биbihин, введя слово «подкреплять» вместе с этимологической фигурой (*figura etymologica*) «письменная запись», тем самым имеет в виду, что аффект движения есть лишь подкрепление нашей начальной позы отношения к бытию. И как Моисей, настаивает Фрейд, черно-белый, выхваченный из подсвеченного фона, какого-то одного цвета, и как Дионис тоже краснофигурный на темном фоне, как бы подкрашен, так и Парменид понимает бытие как узрение истины прежде, чем она распадется на ставки разных персонажей и разных цветов, узрение в каком-то одном свете, при тех аффектах, которые имеют в виду немое кино и Фрейд.

Косвенное подтверждение того, что речь идет не о черно-белом, а о подкрашенном кино, раннем одноцветной колоризации пленки или подкрашивании отдельных предметов, мы находим в культурных традициях, продолжавших русский символизм и авангард, а также в близких традициях, связанных с общими истоками, в частности, с рецепцией византийской иконы, как греческая традиция. Приведем только два примера: рассуждение о смысле цветного кино у Одиссеаса Элитиса, крупнейшего греческого поэта, так же связанного с православной традицией понимания образа и очень чтившего наследие античной философии, включая Парменида, и о смысле цветной фотографии у архимандрита Зинова (Теодора), самого известного современного русского иконописца, интеллектуально наследующего религиозной философии русского символизма.

Одиссеас Элитис был первым поэтом, обратившим внимание на различие «черно-белого» и «цветного» персонажа (Elytis 1938), примером чего оказывается различие Микки-Мауса и Дональда Дака в мире Диснея. Черно-белый период творчества Диснея, согласно Элитису — период создания типажа (*τύπος*) «сразу ставшего самым популярным во всем мире». «Искрометная маленькая мышка, испытывавшая все радости и печали, выпадающие на долю человека, выполнявшая самую черную работу, неутомимый пролаза и прогрыза, веселый и временами влюбленный, но всегда такой, что зритель на его стороне. Его действия всегда сопровождаются звучным контрапунктом, столь синхронизированным и бойким (*μτρίόζα*), что он тесно связывает (*σφύχτοδένει* – стягивает до удушья), давай нам пример такой зрительно-слуховой (*οπτικοακουστικής*) гармонии, которой не мог достичь ни один звуковой фильм того времени».

Далее Элитис пишет, что во второй период творчества, «вовремя увернувшись от самоповторения и типологизации (*τυπολοήση* – создания новых типажей), создает новый тип, многострадального Дональда Дака». При этом он «раздвигает горизонты очень широко и с любовью приветствует (*αγκαλιάζει* – обнимает) весь мир детской фантазии, прибавляя драгоценный элемент – *цвет*, который и усилил зрительное впечатление, омыв росой его (мира) первобытную радость». И здесь, как пишет Элитис, мир Диснея невероятно обогатился, потому что стало во-первых возможно вводить сколько угодно новых персонажей, любых животных, а во-вторых, сделать даже незаметные эпизоды многозначительными.

Таким образом, цвет потребовал бы в такой системе эстетики введения множества персонажей и множественности бытий, тогда как подкрашенность может сохранить «драгоценный элемент» как очищение аффекта, как ту самую «первобытную радость», которую хотел увидеть

Фрейд за гневом исторического Моисея. Где Элитис говорит об омытии росой, там Фрейд говорит о миротворчестве, с тем же смыслом вполне вдохновенного укрощения аффекта гнева, а Биbihин – о таком существовании образа в мире с собой, которое просто предшествовало фиксации как результату аффекта гнева:

Язык, который у нас, несмотря на агрессию терминологической системы, еще сохранился, подвижностью своих значений словесных, подвижностью звучания, которое и меняется, и само просто элементарно протекает во времени, – язык тоже еще принадлежит тому забытому навыку, когда практики фиксации, останавливания, замораживания образа еще не было, в принципе не было, он был какой он в принципе всегда только и бывает, развертывающийся, движущийся.

Связь цветового решения одновременно с вопросом о количестве персонажей и о гневе как аффекте и сдержанности подтверждается и другими данными интересующей нас традиции. Архимандрит Зинон (Теодор) в «Беседах иконописца» утверждает, со ссылкой на Л.А. Успенского, что никакая цветная репродукция не может служить иконой, так как цвет фотографии представляет собой имитацию цвета, приближение к нему, а не собственно цвет. В итоговой книге Успенского (Успенский 1997) такого рассуждения найти не удалось, а в гораздо более ранней работе (Лосский, Успенский 1952) проводится другая мысль, что основными красками в иконописи могут быть только естественные, минеральные, тогда как искусственные, краски из готовой палитры, могут использоваться только как дополнительные. Аргумент здесь прямо не приведен, хотя в других местах говорится о «сдержанности» в иконах, умении обходиться минимумом красок. С этим минимумом явно не совместима палитра как таковая, стремление к расширению и максимуму, когда механическое само впечатляет себя, а не создает нового исторического впечатления. Зато вполне совместима именно подкрашенность, которая полностью разоблачает эту искусственность своим спокойствием: блеск разных красок оказался бы театром, имитацией, вроде театра Диснея по Элитису, со своими бурными аффектами тогда как одна простая подкрашенность каким-то цветом оказывается усмирением аффекта: «дополнительность» краски по Успенскому, понятая как «имитация» по Зинону, и есть тот самый жест анфас, в отличие от основного страстного движения, о котором говорит Фрейд как о событии, а Биbihин – как о самом бытии бытия.

Итак, учет такой технической особенности раннего кинематографа, как подкраска, равно как и специфики жеста в немом кино, позволяет доказать продуктивность философского анализа кинематографической образности. Мы еще раз убе-

дились, что наследие символистской религиозной философии, критикующей аффекты с точки зрения иконичности, продуктивно для интерпретации не только раннего кинематографа, но и поэтики сюжетного развития в интермедийном контексте, что позволяет обращаться к опыту психоанализа как продуктивному для сюжетов независимо от частных выводов из каждого сюжета.

Библиографический список

Elytis, O. (1938), *Η ποίηση του κινηματογράφου*, [Online], available at: <http://www.cinephilia.gr/index.php/keimena/theoria/2132-walt-disney> (Accessed 20 May 2022), (in Greek).

Биbihин В.В. Чтение философии: Парменид // Историко-философский ежегодник. Москва: Наука, 2005, С. 134–151.

Биbihин В.В. Чтение философии. Санкт-Петербург: Наука, 2009. 536 с.

Брагинская Н.В. Надпись и изображение в греческой вазописи // Культура и искусство античного мира: материалы науч. конф. (1979) / Гос. музей изобраз. искусств им. А.С. Пушкина; под общ. ред. И.Е. Даниловой. Москва: Сов. художник, 1980. С. 41–99.

Лосский В.Н., Успенский Л.А. Смысл икон (1952). https://azbyka.ru/otechnik/Vladimir_Loskij/smysl-icon.html (дата обращения: 20.05.2022).

Успенский Л.А. Богословие иконы православной церкви. Коломна: Изд. братства во имя святого благоверного князя Александра Невского, 1997. 656 с.

Фрейд З. Моисей Микеланджело (1914). <http://psychic.ru/articles/classic63.htm> Немецкий оригинал <http://www.gutenberg.org/ebooks/30762> (дата обращения: 20.05.2022).

Фрейд З. Будущее одной иллюзии (1927) http://www.bibihin.ru/budushee_odnoy_iluzii Немецкий оригинал <http://gutenberg.spiegel.de/buch/die-zukunft-einer-illusion-929/1> (дата обращения: 20.05.2022).

References

Elytis, O. (1938), *Η ποίηση του κινηματογράφου*, [Online], available at: <http://www.cinephilia.gr/index.php/keimena/theoria/2132-walt-disney> (Accessed 20 May 2022), (in Greek).

Bibihin, V.V. (2009), *Чтение философии = Reading Philosophy*, Nauka, St.-Petersburg, Russia (in Russian).

Bibihin, V.V. (2005), *Чтение философии = Parmenid Reading Philosophy: Parmenides, Istoriko-filosofskij ezhegodnik*, Nauka Publishers, Moscow, Russia (in Russian).

Braginskaya, N.V. (1979), *Nadpis' i izobrazhenie v grecheskoj vazopisi, Inscription and image in an-*

cient Greek ceramics, *Kul'tura i iskusstvo antichnogo mira: materialy nauch. konf = Culture and art of ancient world: Acts of the conference*, Sovetsky Khudozhnik Publ., Moscow, Russia (in Russian).

Losskij, V.N. and Uspenskij, L.A. (1952), *Smysl ikon = Sense of icons*, [Online], available at: https://azbyka.ru/otechnik/Vladimir_Losskij/smysl-icon.html (Accessed 20 May 2022) (in Russian).

Uspenskij, L.A. (1997), *Bogoslovie ikony pravoslavnoj cerkvi = Theology of Orthodox icon*, Aleksandr Nevsky Brotherhood Publ., Kolomna, Russia (in Russian).

Freud, S. (1914), *Moses by Michelangelo*, [Online], available at: <http://psychic.ru/articles/classic63.htm>

Original text <http://www.gutenberg.org/ebooks/30762> (Accessed 20 May 2022), (in Russian) (in German).

Freud, S. (1927), *The Future of one illusion*, [Online], available at: http://www.bibikhin.ru/budushee_odnoy_iluzii Original text <http://gutenberg.spiegel.de/buch/die-zukunft-einer-illusion-929/1> (Accessed 20 May 2022), (in Russian) (in German).

Submitted: 01.08.2022

Revised: 20.09.2022

Accepted: 26.09.2022

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 82.0

DOI: 10.18287/2782-2966-2022-2-3-52-60

Дата поступления: 11.07.2022
рецензирования: 17.09.2022
принятия: 27.09.2022

В.Ю. Даренский

Луганский государственный педагогический университет, г. Луганск, ЛНР
E-mail: darenskiy1972@rambler.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2042-5527>

С. Лем как теоретик литературы: экзистенциалист под маской структуралиста

Аннотация: в статье рассматривается концепция сущности литературного произведения, теоретически развернутая С. Лемом в его книге «Философия случая». Показаны принципы критики им структуралистского подхода, а также его теория произведения сопоставлена с концепциями Р. Барта и У. Эко. Принципиальное отличие подхода С. Лема здесь состоит в том, что его понимание полисемии произведения и множества его интерпретаций не противоречит существованию «лучшей» интерпретации. Базовым принципом понимания произведения у С. Лема является вскрытие его глубинной онтологической модели, каковой является преодоление хаоса в структуры порядка. При этом порядок имеет процессуальный и междусубъектный характер. С. Лем принимает «классический» принцип поиска «лучшей интерпретации» произведения так, что она должна стать результатом отбора и синтеза нескольких вариантов. Кроме того, С. Лем опирается и на архетип творящего мир Слова, которое создает реальность. Тем самым мышление С. Лема продолжает определяться библейскими архетипами, даже несмотря на весь его внешний сциентизм. Такое мышление остается для нас ценным образцом, поскольку позволяет соединять анализ новейших явлений и ситуаций в культуре с пониманием её глубинных архетипических оснований.

Ключевые слова: С. Лем; произведение; интерпретация; порядок; хаос; мир.

Цитирование: Даренский В.Ю. С. Лем как теоретик литературы: экзистенциалист под маской структуралиста // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2022. Т. 2, № 3. С. 52–60. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-3-52-60>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Даренский В.Ю., 2022 – доктор философских наук, профессор кафедры философии, Луганский государственный педагогический университет, 91011, ЛНР, г. Луганск, ул. Оборонная, 2.

SCIENTIFIC ARTICLE

V.J. Darenskiy

Lugansk State Pedagogical University,
Lugansk, Lugansk People's Republic
E-mail: darenskiy1972@rambler.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2042-5527>

S. Lem as a literary theorist: an existentialist underneath the mask of a structuralist

Abstract: the article examines the concept of the literary work essence, theoretically developed by S. Lem in his book “The Philosophy of Chance”. It shows the principles of his criticism of the structuralism approach, and also it compares S. Lem’s theory of the work with the concepts of R. Barthes and U. Eco. The fundamental characteristic of S. Lem’s approach here is that his understanding of the work polysemy and its multiple interpretations does not contradict the existence of “best” interpretation. According to S. Lem, the basic principle of the work understanding is the investigation of its deep ontological model, that is bringing chaos to the order structure. At the same time, the order is of procedural and intersubjective nature. S. Lem adopts the “classical” principle of searching the work “best interpretation” so that it should be the result of the selection and synthesis of several variants. Furthermore, S. Lem employs the archetype of the Word creating the world, that builds up the reality. Thereby, S. Lem’s thinking continues to be determined by biblical archetypes, despite all his external scientism. Such way of thinking is still a valuable pattern for us, since it allows us to combine the analysis of the latest phenomena and situations in culture with understanding of its deep archetypal foundations.

Key words: S. Lem; work; interpretation; order; chaos; world.

Citation: Darenkiy, V.J. (2022), S. Lem as a literary theorist: an existentialist underneath the mask of a structuralist, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 2, no. 3, pp. 52–60, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-3-52-60>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© **Darenkiy V.J., 2022** – Doctor of Sciences in Philosophy, Professor of the Department of Philosophy, Lugansk State Pedagogical University, 2, Oboronnaja St., Lugansk, 91011, Lugansk People's Republic.

Концепция сущности литературного произведения, изложенная С. Лемом в «Философии случая» (1967), до настоящего времени почти не становилась предметом специального изучения; исключением является только монография польского автора А. Василевского «Теория литературы Станислава Лема» (2017). Он отмечает, что комментаторы «Философии случая» не заметили её новаторство, поскольку оценивали её с точки зрения доминировавших в то время парадигм в литературоведении. И с этой точки зрения она выглядела просто как очередная версия модного в то время структурализма. А. Василевский справедливо отмечает оригинальность «Философии случая», которая никак не сводится к простому повторению структуралистских принципов. Более того, этот автор считает, что С. Лем заложил в этой книге основания для иной теории, а именно, «пролегомены для эмпирического конструктивизма» (Wasilewski 2017, с. 284).

Однако термин «эмпирический конструктивизм», на наш взгляд, применим к концепции С. Лема именно в сравнении её со структурализмом: в отличие от него, С. Лем не задает себе априорных принципов и отталкивается от эмпирического опыта себя как писателя и читателя, затем уже конструируя определенные идеи. Книга С. Лема сочетает в себе научный стиль – и он почти полностью заимствован им из структурализма – и значительный элемент эссеистики, которые хорошо дополняют друг друга. Но подход С. Лема также не сводится к «конструктивизму», поскольку в нем силен элемент экзистенциальной рефлексии над природой литературного текста – более того, именно этот элемент и дает концепции С. Лема её главную содержательность, которая не сразу заметна за структуралистской терминологией, которую он использует. Целью данной статьи является анализ этого глубинного мировоззренческого элемента в концепции С. Лема на примере нескольких его ключевых идей с выходом на обобщающее определение специфики его концепции и её ценности для нашего времени.

Е.А. Смердова в статье «Игры интерпретации (о книге Станислава Лема “Философия случая”», в частности, пишет: «Художественный текст рассматривается, в том числе, и как автономная система, способная к эволюции своих смыслов и самоорганизации в пространстве культуры. Кни-

га Лема – это иной, не совсем привычный для профессионального филолога взгляд на литературу <...> речь идет о возможности создания стохастической модели интерпретации. Здесь текст рассматривается как автономная самодостаточная система, способная к порождению собственных смыслов в зависимости от того, в каком контексте восприятия она находится. Такой подход, по мысли Лема, позволяет определять спектр вероятностных значений <...> книга “Философия случая” предлагает не совсем привычный для филолога, но совершенно естественный для специалиста в области теории систем взгляд на проблемы интерпретации художественного произведения» (Смердова 2012). Таким образом, подход С. Лема к феномену произведения – это подход философа и культуролога, он работает на таком же уровне мысли, как, например, Кант, Гегель или Бахтин. Такой уровень отвлекается от специфических задач литературоведения и может дать понимание произведения как специфического творения человека.

Вместе с тем результат такого подхода у С. Лема до настоящего времени обычно трактуется весьма упрощенно. Так, например, авторы статьи «Литературная репутация Станислава Лема» пишут: «С. Лем вплотную подбирается к тому, что литературное произведение – сложная совокупность разноприродных явлений: воображения (мира героя), материального конструкта (текста) и рецепции всего этого (психологии читателя). Эта мысль стала уже общим местом в гуманитаристике» (Козьмина, Скубачевска-Пневска 2019, с. 21). На самом же деле С. Лему вовсе не нужно было «подбираться» к пониманию этого общего места – он исходил из него как из само собою разумеющегося факта и занимался другими вопросами. Главные из них – о возникновении уникальных структур, каковыми являются художественные произведения, о критериях художественности, которые невозможно определить методами структурного анализа, и о том, каким образом единичные события, каковыми являются произведения, несут в себе универсальные смыслы. Все эти вопросы, которые являются главными в книге С. Лема, не структуралистского, а экзистенциального плана.

Ключевой тезис С. Лема сразу выводит нас за рамки структурализма и близок экзистенциалист-

скому взгляду на литературу. Он писал: «вступая в социальную циркуляцию, новое произведение представляет собой систему, во многих отношениях недоопределенную, не в смысле схематичности, но в смысле “имманентного отсутствия структуры”. Креация – это только “проектирование”, реализующее звено которого возникает благодаря принципиально массовым процессам. Притом, чем более гомогенна читательская культурная среда, и вместе с тем – чем однозначнее утвердившиеся в этой среде комплексы “правил включения” в массово принятые “структуры отнесения”, тем труднее постижима благодаря этому конвенциональная природа этих правил и структур, поскольку она не является ни необходимой, ни единой» (Лем 2007, с. 200). Таким образом, согласно С. Лему, *онтология произведения состоит не в его текстовых структурах, а в процессах до-определения его содержания читательским восприятием.*

Поэтому естественно, что категория «случая» стала ключевой в его концепции литературного произведения, поскольку оно трактуется С. Лемом как такая стохастическая самоорганизующаяся система, где это «само-» означает не автономное бытие произведения как замкнутой структуры, а коммуникативный процесс взаимодействия читателя с текстом, а через текст – с автором и другими читателями, которые тоже высказывают свои суждения о произведении. Произведение, по С. Лему, возникает в результате спонтанной эволюции художественной литературы как диахронической системы – по аналогии с появлением новых биологических видов в живой природе: «Если позволительно охарактеризовать такое положение вещей с помощью афоризма, то речь идет о такой эволюции, в которой случайная, возникшая в итоге совпадений исходная ситуация перерождается в устойчивую особенность системы и ее закономерность. Дело, следовательно, в том, что случай превращается в руководящее начало, произвол – в судьбу. В свою очередь, структура литературного произведения выявляется в качестве сложной функции связей, протянувшихся между текстом и воспринимающим субъектом. Поскольку эти связи меняются, меняется и “внутренняя структура” литературного произведения» (Лем 2007, с. 28).

Каким образом меняется его внутренняя структура, если произведение неизменно в качестве написанного текста? Меняется не текст, а именно произведение как система смыслов и коммуникативных связей – актуальных и потенциальных. Это процесс до-определения произведения читательским восприятием С. Лем описывает так: «в глазах читателей новое произведение сначала – сочинение бесформенное, не проявленное, иногда даже бессмысленное. Поэтому спрашивать о его

“подлинной” структуре, о “подлинном” типе его целостности, конструкции, о глубине его смысла – это все равно что спрашивать перед грозой о числе молний и количестве осадков. Итак, ситуация автора подобна ситуации человека, который изобрел новое слово, ранее не известное в языке, и старается пустить его в обиход. Или ситуации нового вида, вступающего на арену эволюционной борьбы за существование» (Лем 2007, с. 28–29). Биологические аналогии здесь вполне уместны в качестве научных аналогий, которые указывают на спонтанный и эволюционный процесс развития литературы.

Таким образом, понимание природы литературного произведения С. Лемом является своеобразным воплощением ключевого тезиса экзистенциализма – «существование предшествует сущности». Кроме этой внешней параллели, есть и более глубинное соответствие: произведение понимается С. Лемом как экзистенция (в качестве квазисубъекта), поскольку его содержание не дано, а задано и продолжает до-определяться в процессе его восприятия – точно так же, как и в экзистенциализме человек является не более чем «проектом», осуществление которого всегда остается свободным, непредсказуемым и в этом смысле случайным. Таким образом, «Философия случая» является разновидностью экзистенциалистского взгляда на литературу. При этом С. Лем пользуется языком структурализма как основной в то время теории – как с целью быть понятным, так и в силу собственного сциентистского мышления. Эта теоретическая «маска» оказывается весьма удобной и продуктивной.

Естественно, что такой «экзистенциалистский» подход к пониманию бытия произведения сразу же ставил С. Лема в резкую оппозицию к структуралистам. Кроме того, сам С. Лем сформулировал свое несогласие со структурализмом: во-первых, с их стремлением «вычислить» некий «код» произведения, который бы объяснял его появление и его особенности (но согласно принципу «философии случая» это принципиально невозможно); во-вторых, он указал на невозможность с помощью структуралистского подхода отличить талантливое произведение от бездарного – ведь их структуры полностью аналогичны. Поэтому, писал он, «деятельность структуралистов в литературе не является ценностно-нейтральной: приравнивая бриллианты к камешкам, они помогают тому хаосу, который подрывает и разъедает нашу культуру <...> Поразительно, что когда структурализм пересаживали на поле литературы, на эту его особенность никто не обратил ни малейшего внимания. Между тем если при исследованиях языка и культуры с безоценочностью ещё можно согласиться, в литературе это не проходит» (Лем 2007, с. 556–557)

Впрочем, сам структурализм бывает разным, в том числе и таким, который учитывает и многие экзистенциальные аспекты художественного творчества, как это имело место в «таргусской школе». Тем не менее, и здесь приходилось вводить жесткие формальные определения. Так, Ю.М. Лотман в книге «Структура художественного текста» (1970) давал такое определение: «“Странные сближенья” (Пушкин) – закон синтагматики художественного текста. Увеличение информационности текста за счёт того, что единственно возможные в предшествующих структурах соединения получают альтернативу <...> Живопись XX века, позволяя себе запрещенные бытовым опытом соединения, подобно Маяковскому или Пастернаку в поэзии, значительно расширяет информационную нагруженность текста» (Лотман 1970, с. 241–242). Таким образом, Ю.М. Лотман пользовался не количественным, а качественным определением «количества информации» как степени неожиданности и оригинальности сочетания языковых структур, которая порождает новые смыслы и «избыточную» семантику текста. Однако даже такое определение всё равно не «ухватывает» сущность поэтического текста. Иначе говоря, эту «избыточную семантику» текста нельзя отождествлять с художественностью – это явления разного плана.

Ю.М. Лотман считал, что компьютер может писать только плохие тексты, не имеющие художественного содержания, поскольку он будет лишь комбинировать литературные «штампы». Но на практике этим занимается вовсе не компьютер, а многие стихотворцы, стремящиеся к максимальной «оригинальности» («информативности», по Ю.М. Лотману) своих текстов – по принципу «потока сознания» давая полную свободу своему бессознательному. Такие стихотворные упражнения не создают никакой поэтической ценности, поскольку этот поток бессознательных ассоциаций на самом деле тоже лишь воспроизводит «штампы», как и компьютер, произвольно комбинируя их, что внешне может выглядеть как «оригинальность». Например, идеология такой квазилитературной практики изложена в эссе С. Гандлевского «Метафизика поэтической кухни», где он так формулирует её главный принцип: «Создание стихотворения – парад авторского безволия, стечение случайных речевых обстоятельств. Бывает, какой-нибудь словесный оборот цепляет слух, кажется интонационно обаятельным и многообещающим <...> Отныне у тебя в сознании сидит заноза, фраза-камертон, к которой будут – неделю, месяц или год – прибиваться родственные ей по тональности обрывки речи <...> Теперь под примерную интонацию нужно содержание...» (Гандлевский 2011, с. 67).

Согласно теории Ю.М. Лотмана, такие тексты полны неожиданных комбинаций слов, и поэтому

должны обладать высокой художественной ценностью, однако чаще всего её не имеют вообще, будучи просто записью потока сознания. На самом же деле, наоборот, речевое высказывание, которое имеет поэтическую ценность, – это всегда «триумф воли»: оно может состоять из «штампов», но при этом иметь художественную ценность, поскольку организовано по художественным законам, а не как «поток сознания», и высказывает нечто важное о мире. «Штампы» – это такой же «строительный материал» высказывания, как и обычные слова языка. Вообще содержание поэтического высказывания в принципе невозможно измерить количеством содержащейся в нем «информации», ибо это сразу же приводит к парадоксу: с одной стороны, его информативность а priori нулевая, поскольку оно не является «документальным отражением» реальности; с другой стороны, она бесконечная, поскольку поэтическое высказывание делается не о частных фактах и обстоятельствах, а о бытии в целом. Стихотворения классиков часто выглядят просто как обыденные сообщения, то есть их семантическая информативность в целом не выше, чем у простой докладной записки. Поэтическое содержание состоит не в этом, а в особом взгляде на мир, который и порождает художественность текста.

В одном из рассказов С. Лема была отработана гипотеза о создании машины, способной к осознанному текстопорождению: «Киберпоэт Трурля создаёт различные по семантической связности и наполненности тексты: от бессмысленного смешения морфем польского языка до стихотворений в стиле Адама Мицкевича <...> Таким образом, Лем предсказал возможность существования киберэпигонов» (Смердова 2016б, с. 68, 75). Однако, даже несмотря на такую техническую возможность, «машинная поэзия» остается всё равно невостребованной – и в первую очередь потому, что не машины, а живые стихотворцы уже давно создают тексты вполне «машинного» типа, отдавая себя во власть «авторского безволия» и «потока сознания».

Появление такого рода текстов (для которых давно уже придуманы названия «пост-литература», «пост-поэзия» и т.п.) совершенно закономерно в силу исторических «мутаций» культуры. С. Лем пишет об этом так: «На давление со стороны цивилизационного прогресса культура отвечает усиленным и вместе с тем всё менее удачным мутированием. Всё, что в ней порождается, сразу же смывается волной очередных инноваций, которые оказываются столь же неустойчивыми. Культура попадает, таким образом, в бесперспективную мутационную неурядицу, потому что всё это не суть её координированные маневры, но как бы дрожь волокон, клонические и тонические судороги, которым инструментальные усилители добавляют

энергии. Отбор в сфере символических проявлений культуры становится стохастическим, как и его следствия. Результирующая всех этих проявлений уже не эффективна, но лишь аффективна, поскольку индивидуальными и групповыми реакциями выражает страх, разочарование и угнетённость разбитой культуры» (Лем 2007, с. 423). Соответственно, тексты, порожденные «мутационной неурядицей», формально могут попадать в категорию весьма «оригинальных» и нести в себе избыток семантической информации, то есть вполне соответствовать структуралистским критериям содержательности, но при этом не иметь никакой художественной ценности.

Каким же образом можно найти критерий художественной ценности текста? С. Лем отталкивается от классического определения «эстетической информации», предложенного А. Модем, но дает ему свою интерпретацию. По А. Модему, «эстетическая информация, содержащаяся в произвольном объекте (М), есть отношение “субъективной избыточности” (R) к “статистической информации” (Н)»; как отмечает С. Лем, «приведенная формула математизированной эстетики говорит нам, что субъективно имеющее место уменьшение количества статистической информации, содержащейся в произведении искусства, есть мера его статистического упорядочения. Чем точнее нам удастся представить “первозданный хаос” в виде целостности, тем более значителен будет выигрыш в эстетической информации, которая измеряется разностью между шенноновской информацией и информационным избытком, остающимся после перцептуальной организации массива воспринятых данных» (Лем 2007, с. 50–51). Таким образом, С. Лем переводит это определение из сферы структурализма и математики в сферу онтологии, оперируя понятиями «хаос» и «порядок» не в математическом, а в их изначально онтологическом (архетипическом) смысле. Это означает, что художественный текст – это текст, который не просто обладает «избыточной» семантикой, которая «автоматически» получается в результате непривычного соединения разнородных языковых элементов, еще и привносит в этот порядок не только структурные, но и ценностно-смысловые элементы.

Соответственно, эти ценностно-смысловые элементы не заданы в самом тексте «автоматически», но возникают только в результате встречной активности читателя. «Вся “эстетическая информация”, – пишет С. Лем, – остается “на стороне субъекта”. Для нее нет физических эквивалентов в воспринимаемом субстрате, поскольку в его плоскости о каких бы то ни было измерениях с целью установить количество этой “эстетической информации” в данном случае говорить трудно. Потому что она есть исключительно функция от разнообразия “ладов”, какими располагает вос-

принимающий субъект, а сам “эстетический объект” нельзя наделять какой бы то ни было “информационной” ценностью, поскольку он есть всего лишь стимул» (Лем 2007, с. 57). Означает ли это пресловутый «субъективизм»? Не означает, поскольку речь идет здесь не о субъективизме восприятия, об объективном «механизме» смыслопорождения, который действует именно так. С. Лем еще детализирует описание этого «механизма» с учетом его социального наполнения как процесса во времени: «То, что выражает самую специфику произведения как именно литературного произведения, возникает из массово-статистических процессов, инкорпорированных в сфере явлений исторических, культурных и языковых. Посредством “адаптации” к стереотипам культуры или посредством активной смены таких стереотипов (или играющего сходную роль социального подкрепления определенных конфигураций значений) текст, первоначально “в себе” неотчетливый, “неточный”, становится литературным произведением» (Лем 2007, с. 63). Таким образом, художественный текст – это текст, построенный так, чтобы он был способен вызывать художественное переживание у читателя при условии и некоторого изначального соответствия ожиданиям читателя, и дальнейшей «настройки» восприятия, которая создает «ауру» произведения.

Семиотический «механизм» восприятия и конституирования самого художественного содержания С. Лем определяет как живое «соотношение переменных» разных рядов, часть которых относится к текстовым, а часть – к внетекстовым структурам. Этот «механизм» работает и диахронически, создавая культурную «рамку» восприятия произведения», и синхронически, фокусируя индивидуальное восприятие: «литературное произведение, – пишет он, – в процессе его возникновения можно считать таким комплексом сопряженных переменных, в котором обнаруживаются определенные взаимно когерентные подмножества (комплексы), отображающие “формы” на “фоне” какой-либо среды. В то же время литературное произведение образует “ограничительную систему”» (Лем 2007, с. 67). «Ограничительная система» произведения – это его «внутренний мир» (Д.С. Лихачев), который создает свой особый фрагмент реальности, условно отделенный от других таких же «миров» и организованный по своим особым законам.

Особый интерес представляет такой подход С. Лема к пониманию произведения в сравнении с современными ему концепциями, из которых наиболее влиятельными и «знаковыми» для того времени были работы Р. Барта и У. Эко. Кратко сопоставим их следующим образом. Р. Барт в свой структуралистский период (1960-е г.) интересовался произведением не с точки зрения его

индивидуальных интерпретаций, но как индивидуальное воплощение универсальных повествовательных законов: в частности, по его определению, «повествовательный текст <...> обладает структурой, свойственной любым другим текстам и поддающейся анализу»; и поэтому структурализм стремится к тому, «чтобы охватить бесконечное число конкретных высказываний путем описания того “языка”, из которого они вышли и который позволяет их порождать» (Барт 1987, с. 388). Семиология Р. Барта исследует не произведение как таковое, а условия существования его содержания, то есть, является «наукой о формах» (Барт 1989, с. 356). В свою очередь, в «поворотной» для Р. Барта книге «S/Z» (1970) задача состояла в выделении в произведении особого предмета исследования, который Р. Барт назвал «Текстом», и в противопоставлении друг другу этих двух разных предметов анализа – Произведения и Текста, которые требуют совершенно различных подходов для своего понимания. Вот ключевое определение Текста: «Текст в том современном, актуальном смысле, который мы пытаемся придать этому слову, принципиально отличается от литературного произведения: это не эстетический продукт, это означивающая практика; это не структура, это структурация; это не объект, это работа и деятельность; это не совокупность обособленных знаков, наделенная тем или иным смыслом, подлежащим обнаружению, это диапазон существования сдвигающихся следов; инстанцией Текста является не значение, но означающее в семиологическом употреблении этого термина» (Barthes 1985, с. 13).

Впрочем, отношение Р. Барта к Тексту двойственно: с одной стороны, принципиальная полисемия Текста противопоставляется им моносемии (цельности и принудительности) произведения, с другой – эта стереофония оказывается всего лишь стереофонией культурных стереотипов и скрытых цитат: «Читателя Текста можно уподобить праздному человеку, который снял с себя всякие напряжения, порожденные воображаемым, и ничем внутренне не отягощен; он прогуливается <...> Его восприятия множественны, не сводятся в какое-либо единство, разнородны по происхождению <...> все это языки культуры (а какой язык не является таковым?), старые и новые, которые проходят сквозь текст и создают мощную стереофонию» (Барт 1989, с. 418). Поэтому, с одной стороны, можно получать «удовольствие от текста» (так называется и одна из ключевых работ «позднего» Р. Барта) в силу его спонтанности, а с другой – можно и «вывернуть наизнанку» текстовую ткань, из которой создано произведение, как бы распустить смысловые нити произведения, обратно «растворить» их в универсальном и анонимном Тексте культуры. В книге «S/Z» есть такое определение: «в герменевтической системе коннотатив-

ному означаемому принадлежит совершенно особое место: это означаемое несет в себе неполную, недостаточную истину, не имеющую сил называться собственным именем; оно и воплощает неполноту, недостаточность и бессилие истины, причем такая частичная ущербность играет принципиальную роль: сама неспособность разрешиться от бремени истины представляет собой кодовый элемент, герменевтическую морфему, чья функция заключается в том, чтобы, как можно теснее очертив круг загадки, дать ей тем самым наиболее концентрированное выражение: именно эта сосредоточенность придает загадке силу, а потому с известными оговорками можно сказать, что чем больше множатся знаки, тем сильнее затемняется истина и тем с большим нетерпением мы ожидаем разгадки. Коннотативное означаемое – это индекс в буквальном смысле слова: оно только указывает, но ничего не говорит; указывает же оно на имя, на истину в облике имени; силясь назвать истину, оно бессильно сделать это» (Барт 2009, с. 119).

Таким образом, глубинная стратегия чтения для Р. Барта здесь состоит в том, чтобы очертить неустранимую внутреннюю загадку Текста, который «просвечивает» через произведение, но так, чтобы произведение не могло разгадать её, но состояло бы из совокупности «индексов», то есть только «отсылок» к самой загадке, но не её возможных разрешений. Как это можно соотносить с пониманием произведения у С. Лема? Сама по себе стратегия создания и сохранения «загадок» С. Лему определенно чужда: он исповедует классический принцип наиболее точной интерпретации и, соответственно, выявления внутренней истины произведения. Этот принцип он сам четко сформулировал следующим образом. Он формулирует свою конечную цель так: «Когда же мы сопоставим различные “версии” и “варианты” прочтения одного и того же произведения, например, “психиатрические”, “моральные”, “общественные” или “историко-философские”, получив таким путем критерий, мы займемся поиском высших в категориальном отношении принципов оптимального, то есть наиболее значимого и универсального варианта читательского восприятия» (Лем 2007, с. 131). С. Лем понимает классический принцип поиска «лучшей интерпретации» произведения так, что она должна стать результатом отбора и синтеза нескольких вариантов. Такой подход сам С. Лем удачно реализовал как литературный критик (Даренский 2018).

В свою очередь, С. Лем также писал и об «имманентном отсутствии структуры» произведения, поскольку эта структура находится не только в нем самом, а «между» ним и читателем, но вполне аналогичный принцип понимания произведения развивал и У. Эко, главное произведение которого на эту тему называется «Отсутствующая структура» (1968). Основной тезис У. Эко также

аналогичен тому принципу понимания произведения, который в своей книге развивал С. Лем. У. Эко писал: «Произведение остается неисчерпаемым, поскольку оно “открыто”: мир, упорядоченный согласно универсально признанным законам, заменен в нем миром, основанным на неоднозначности (*ambiguity, ambiguità*) – как в отрицательном смысле, потому что в этом мире нет направляющих центров, так и в смысле положительном, потому что все ценности и догмы в этом мире постоянно ставятся под вопрос» (Эко 2007, с. 95). Эта формулировка У. Эко вполне соответствует представлениям С. Лема о содержании произведения как «функции от разнообразия “ладов”, какими располагает воспринимающий субъект» и как результата взаимодействия «когерентных подмножеств (комплексов), отображающих “формы” на “фоне” какой-либо среды». Однако принципиальное отличие подхода С. Лема здесь состоит в том, что его понимание полисемии произведения и множества его интерпретаций не противоречит существованию «лучшей» интерпретации.

Можно привести ещё ряд ключевых определений из итоговой книги У. Эко «Роль читателя. Исследования по семиотике текста» (1979), в которой он писал: «Процесс неограниченного семиозиса показывает нам, как означивание (*signification*), постоянно соотнося один знак с другим или с рядом других знаков, обрисовывает элементы культуры (*cultural units*) асимптотически, никогда не позволяя прикоснуться к ним непосредственно, но делая их доступными через посредничество других элементов. Так, мы никогда не обязаны замещать элемент культуры чем-то, что не есть семиотическая сущность, и никакой элемент культуры не должен быть объясняем через какую-либо платоновскую, психическую или предметную сущность. Семиозис объясняет себя сам: это постоянное круговращение есть нормальное условие означивания (*signification*), и оно (это круговращение) даже позволяет по ходу процессов коммуникации использовать знаки для того, чтобы говорить о предметах и состояниях мира» (Эко 2007, с. 333). Это определение весьма близко по смыслу вышеприведенному определению Р. Барта, в котором говорится об «индексах», лишь указывающих на загадку произведения – У. Эко говорит о том же, используя метафору «асимптоты» как приближения к истине произведения, которая никогда не может быть вполне постигнутой. Относительно метафоры «асимптоты» с ним вполне согласился бы и У. Эко, но с оговоркой возможности полного знания.

Кроме того, У. Эко делал акцент на цикличности интерпретаций. Он писал: «круг семиозиса замыкается в каждый миг – и не замыкается никогда. Система семиотических (знаковых, кодовых) систем, которая может показаться нереальным

миром культуры, идеалистически отделенным от действительности, на самом деле побуждает людей воздействовать на мир; и каждое такое преобразующее мир воздействие, в свою очередь, всегда и непременно само превращается в новые знаки и кладет начало новому процессу семиозиса: Пирсово понятие *интерпретант* учитывает не только синхронные структуры семиотических систем, но также диахронные деструктуризации и реструктуризации этих систем» (Эко 2007, с. 328). Данное определение четко соответствует тезису С. Лема о становлении произведения в потоке диахронных коммуникативных связей, которое приводилось выше.

Фактически, у С. Лема интерпретация произведения по своей структуре не отличается от алгоритма познания явлений в науке. Он писал: «Мы как бы подвергаем произведение пробе на предмет того, какой максимальный объем реальности оно “покрывает”, и стараемся понять, каков его “трансфер” и каков размах возможной в дальнейшем экстраполяции его значений. Произведение дает нам возможность заново, по-своему, на правах целостной “гипотезы” организовать мир, “перетасованный” чтением, усилить наши способности комплексного видения его проблем. “Приращение информации” при этом такое же, как в тех случаях, когда нас научат в бурлящих, хаотичных и потому непонятных и даже неразличимых явлениях усматривать порядок» (Лем 2007, с. 130–131). Как и в научном познании, так и в интерпретации произведения, С. Лем постоянно указывает на лежащий в их основании архетип культуры – превращение хаоса в порядок. Именно это онтологическое основание и не дает С. Лему возможности увлечься «полисемией», как это делают постмодернисты. Для него произведение, как вся культура в целом, остается неизбывным ритуалом преодоления хаоса и превращения его в космос. Тем самым теорию С. Лема в определенном смысле можно определить как «ритуалистическую».

Такой подход иногда имеет и весьма парадоксальные выражения, например, в таком определении С. Лема: «КУЛЬТУРА КАК ДЕСТРУКЦИЯ КУЛЬТУРЫ – иными словами, усмотрение ценностей через их уничтожение» (Лем 2007, с. 413). Речь идет о процессах усиления хаоса и стохастичности в культуре, которые происходят под давлением техногенной цивилизации и создают аналог «машинного творчества» у живых людей. Соответствующие идеи С. Лема рассматривались выше. Это процесс внутренней деструкции культуры становится и её деконструкцией, поскольку само разрушение указывает на то, что именно ею разрушается. В этом видна параллель с концепциями теоретиков-постмодернистов.

С. Лем дает и более подробное определение этого парадоксального «механизма» деконструк-

ции культуры: «КУЛЬТУРА КАК БЕГСТВО ОТ КУЛЬТУРЫ <...> в знаковой области, то есть в сфере системных смыслов, стохастичность обобщается полным отсутствием этих смыслов. Притом в качестве произведения искусства подаются сегодня не только то, что таковым традиционно быть не могло, но и то, что вообще лишено какого бы то ни было смысла <...> Современное поколение художников, по-видимому, стремится к тому, чтобы свести на нет все законы творчества, безотносительно к тому, чем они ранее были и чему служили. Применяют различные парадигмы, составляя из них гибриды в различных комбинациях, как бы желая истощить до дна музейные или соответственно библиотечные коллекции <...> но его результаты стохастичны, потому что представляют собой некий “промискуитет”. Что угодно скрещивается с чем угодно уничтожение ценности, кем-либо признаваемой, само становится ценностью» (Лем 2007, с. 423). Данное определение можно признать «классическим»: оно очень четко отражает и реальные процессы в современной культуре, и сознание тех людей, которые в них вовлечены. Это определение дано на языке семиотики, то есть через описание знаковых процессов. Такое семиотическое определение «ситуации постмодерна» ценно тем, что оно не является лишь чьим-то субъективным впечатлением от происходящего, но показывает его внутренний «механизм».

С. Лем воспринимает эту ситуацию спокойно, как обусловленную объективными процессами эволюции культуры. Однако он не является её апологетом, но считает в целом разрушительной, и даже необратимой. В этом «эсхатологический» смысл его критики культуры. По контрасту с этими процессами понимание культуры С. Лемом выглядит традиционалистским. Как справедливо отметила Е.А. Смердова, «одно из значимых для Лема положений: мир творится по Слову, все возможные миры – миры лингвистические, текстовые, а сам язык есть автономный генератор метафизики» (Смердова 2016а, с. 63). Таким образом, можно даже сказать, что мышление С. Лема продолжает определяться библейскими архетипами, даже несмотря на весь его внешний сциентизм. Такое мышление остается для нас ценным образцом, поскольку позволяет соединять анализ новейших данных и ситуаций в культуре с её глубинными архетипическими основаниями.

Библиографический список

Barthes, R. (1985), *L'aventure semiologique*, Seuil, Paris, France.
Wasilewski, A. (2017), *Teoria literatury Stanisława Lema*, Wydawnictwo Forma, Szczecin-Bezrzecze, Poland.

Барт Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов // Зарубежная эстетика и теория литературы. Трактаты, статьи, эссе. Москва: Изд-во МГУ, 1987. С. 387–412.

Барт Р. Избранные работы, Семиотика. Поэтика. Москва: «Прогресс», 1989. 564 с.

Барт Р. S/Z. Пер. с фр. Г. Косикова. Москва: Академический проект, 2009. 373 с.

Гандлевский С. Метафизика поэтической кухни // Гандлевский С. Сухой остаток: Избранные стихотворения. Эссе. Санкт-Петербург: Лениздат, 2013. С. 115–121.

Даренский В.Ю. С. Лем как литературный критик // Четвертые Лемовские чтения: сб. материалов Всероссийской научной конф. / отв. ред. А.Ю. Нестеров. Самара: СГА, 2018. С. 51–61.

Козьмина Е.Ю., Скубачевска-Пневска А. Литературная репутация Станислава Лема // Филологический класс. 2019. № 4 (58). С. 16–22.

Лем С. Философия случая / Пер. Б. Старостина. Москва: АСТ; Хранитель, 2007. 767 с.

Лотман Ю.М. Структура художественного текста. Москва: «Искусство», 1970. 386 с.

Смердова Е.А. Вероятностная интерпретация референциально непрозрачного текста // *Summa Lemologiae* 2014. Лемберг: Мимойд, 2016. С. 54–68.

Смердова Е.А. Игры интерпретации (о книге Станислава Лема «Философия случая») // Филолог. 2012. Вып. 18. URL: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_18_370 (дата обращения: 1.09.2022).

Смердова Е.А. Станислав Лем о возможности кибернетического моделирования творческих процессов // *Summa Lemologiae* 2014. Лемберг: Мимойд, 2016. С. 68–77.

Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / Перев. с англ. и итал. С.Д. Серебряного. Санкт-Петербург: Симпозиум, 2007. 502 с.

References

Barthes, R. (1985), *L'aventure semiologique*, Seuil, Paris, France.
Wasilewski, A. (2017), *Teoria literatury Stanisława Lema*, Wydawnictwo Forma, Szczecin-Bezrzecze, Poland.
Bart, R. (1987), Introduction to the structural analysis of narrative texts, *Foreign aesthetics and theory of literature. Treatises, articles, essays*, Publishing House of Moscow State University, Moscow, pp. 387–412.
Bart, R. (1989), *Selected works, Semiotics. Poetics*, Progress, Moscow, Russia.
Bart, R. (2009), *S/Z*, Tr. from fr. G. Kosikova, Academic project, Moscow, Russia.
Gandlevsky, S. (2013), Metaphysics of poetic cuisine, *Gandlevsky S. Dry residue: Selected poems. Essay*, St.-Petersburg, Lenizdat, pp. 115–121.

- Darensky, V.Yu. (2018), S. Lem as a literary critic, *Fourth Lem readings: collection of materials of the All-Russian Scientific Conference*, A.Yu. Nesterov (ed.), SGA, Samara, pp. 51–61.
- Kozmina, E.Yu. and Skubachevskaya-Pnevskaya, A. (2019), Literary reputation of Stanislaw Lem, *Philological class*, no. 4 (58), pp. 16–22.
- Lem, S. (2007), *Philosophy of chance*, AST, Moscow, Russia.
- Lotman, Yu.M. (1970), *The structure of a literary text*, Art, Moscow, Russia.
- Smerdova, E.A. (2016a), Probabilistic interpretation of a referentially opaque text, *Summa Lemologiae 2014*, Mimoid, Lemberg, pp. 54–68.
- Smerdova, E.A. (2012), Interpretation games (about Stanislaw Lem's book "The Philosophy of Chance"), *Philologist*, Issue 18, [Online], available at: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/dmpub_18_370 (Accessed 1 September 2022).
- Smerdova, E.A. (2016b), Stanislaw Lem on the possibility of cybernetic modeling of creative processes, *Summa Lemologiae 2014*, Mimoid, Lemberg, pp. 68–77.
- Eco, U. (2007), *The role of the reader: Studies on the semiotics of the text*, Transl. from English and Italian by S.D. Serebryany, Symposium, St. Petersburg, Russia.

Submitted: 11.07.2022

Revised: 17.09.2022

Accepted: 27.09.2022

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 800

DOI: 10.18287/2782-2966-2022-2-3-61-68

Дата поступления: 05.07.2022
рецензирования: 17.09.2022
принятия: 26.09.2022

Е.А. Смердова
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
г. Пермь, Российская Федерация
E-mail: smerdowa.ekat@yandex.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6896-4864>

Семиотический потенциал безумия: моделирование расстройства мышления как способ создания фантастической текстовой картины мира (на материале текстов С. Лема)

Аннотация: тема расстройства мышления нередко в литературе и используется в различных целях: от передачи различия между внутренним миром героя и внешним до создания гипертекстовой, многослойной картины мира. С. Лем использует прием передачи расстройства мышления для создания «фантастичности» повествования, текстового мира, кардинально отличающегося от действительности. На примере таких знаковых в этом плане произведений, как «Звездные дневники Ийона Тихого», «Сказки роботов» и «Футурологический конгресс», мы впервые рассмотрим конкретные случаи отражения различных форм расстройства мышления в целях создания фантастической текстовой картины мира. В частности, нас будет интересовать характер знаков, индексальных, иконических и символических, позволяющих автору формировать фантастический текстовый мир. Так, в диалоге Ийона Тихого с продавцом сепулек можно усмотреть пример так называемой разорванности мышления, характеризующейся неправильным, необычно парадоксальным сочетанием представлений, когда отдельные понятия без всякой логической связи нанизываются друг на друга. В результате возникает бессвязная, на грани понимания цепочка из таких понятий, как сепульки, сепулькариум, сепуление, качеш. Семиотический потенциал этих индексальных знаков заключается в «отстранении» от действительности, когда персонажи оперируют понятиями, не знакомыми читателю, но явно обычными для текстового мира. Так, фантастический текстовый мир приобретает своеобразную семиотическую автономность, независимость от явлений реального мира.

Ключевые слова: индекс; икона; символ; фантастическая картина мира; Станислав Лем; расстройство мышления; возможный текстовый мир.

Цитирование: Смердова Е.А. Семиотический потенциал безумия: моделирование расстройства мышления как способ создания фантастической текстовой картины мира (на материале текстов С. Лема) // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2022. Т. 2, № 3. С. 61–68. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-3-61-68>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Смердова Е.А., 2022 – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германских языков и межкультурной коммуникации, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, 614990, Российская Федерация, г. Пермь, ул. Сибирская, 24.

SCIENTIFIC ARTICLE

Е.А. Smerdowa
Perm State Humanitarian Pedagogical University,
Perm, Russian Federation
E-mail: smerdowa.ekat@yandex.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6896-4864>

Semiotic capacity of insanity: thought disorder modelling as a tool for possible text world making (based on texts by S. Lem)

Abstract: the thought disorders issue is common for the literature and is supposed to be used in different ways: from revealing the conundrum between the psychic of the character and the outer world to creation of the hypertext, multifunctional view of the text world. It was S. Lem who did use the thought disorders to create the fantasy view of the world which was supposed to be drastically different from the reality. The focus of

this article will be on the study of examples of making the possible text world by means of thought disorders expressions in the texts by S. Lem (“Fables for Robots”, “The Star Diaries”, “The Futurological Congress”). Particularly, we are inclined to analyze indexes, icons and symbols as the sign system of the text, that enable the author to create the fantasy view of the text world. Thus, one might recognise an example of the dissolved thinking in the dialog between Ijon Tichy and the sales-assistant about sepulkas. This thought disorder is characterised by wrong, unusual complex of opinions, when random concepts are wired one after another without any sense. As a result, the chain of senseless and incomprehensible concepts is made, for instance: sepulkas, sepulkarium, kachezh and so on. The semiotic capacity of these signs comprises the distance from reality, when characters use unknown concepts seemingly well-known for other characters in the text. In conclusion, the fantasy view of the text world appears to be more semiotically autonomous and independent from the real world.

Key words: index; icon; symbol; fantasy view of the world; Stanisław Lem; thought disorder; possible text world.

Citation: Smerdowa, E.A. (2022), Semiotic capacity of insanity: thought disorder modelling as a tool for possible text world making (based on texts by S. Lem), *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 2, no. 3, pp. 61–68, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-3-61-68>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© **Smerdowa E.A., 2022** – Candidate of Sciences in Philology, Associate Professor of the Department of Romano-Germanic Languages and Cross-Cultural Communication, Perm State Humanitarian Pedagogical University, 24, Sibirskaya, Perm, 614990, Russian Federation.

Введение

В мировой литературе существует немало примеров того, как расстройство мышления моделируется средствами языка. От Н.В. Гоголя до В. Набокова, от Л. Кэрролла до Э. Канетти – писатели не раз использовали безумие своих персонажей как художественный прием, призванный отразить перипетии сюжета, внутренний мир героев, их отношение к обществу и т.д. Как рассуждает М. Фуко:

«Природа безумия – это одновременно его мудрость и польза; смысл его существования заключается в том, чтобы, вплотную приблизившись к разуму и сделавшись единосущным ему, слиться с ним воедино в некий нерасчленимый текст, в котором можно разобрать лишь одно – целесообразность природы: сумасбродство любви необходимо для продолжения рода; бредовые грезы честолюбия необходимы для поддержания в порядке политических органов; безумная алчность необходима для накопления богатств» (Фуко 2010).

Литература трансформировала безумие в идею о гениальности, иногда – в инструмент пытки или уничтожения неудобных, а иногда – в сознательное отстранение индивида от опротивевшего ему общества. В любом случае расстройство мышления в литературе является чем-то большим, нежели патологией, требующей медицинского вмешательства.

Исследователи феномена безумия в литературе отмечают его сюжетобразующее значение (Вавилов 2015; Назаров 2018; Осипова 2014). Например, в повести Н.В. Гоголя «Записки сумасшедшего»:

«...безумие становится поэтической идеей повести. Автор раскрывает семиотику безумия, очищая ее от патологии. События приобретают двойственное значение, призрачное становится реальным, реальное – призрачным, возникает их

своеобразный алгоритм: сначала герой предчувствует, потом ему мерещится, позже он убеждается и узнает. В финале повести читатель догадывается, где и как лечат Поприщина, испанского короля» (Захаров 2021).

Безумие может быть прочитано как языковая игра, нацеленная запутать читателя, заставить его задаться вопросом: а насколько безумен я? Среди распространенных средств изображения безумия выделяют назойливое повторение слов и фраз, интонацию одержимого навязчивой идеей, неуместную возвышенность лексики, аллюзии на другие произведения, затрагивающие тему безумия (Хубулава 2014). Но так или иначе во всех этих случаях безумие персонажа не только не подвергается сомнению, но подчеркивается, являясь основанием для всех его действий и реакции на них окружающих. Совсем по-другому использует идею безумия Станислав Лем.

Для С. Лема, признанного во всем мире писателя-фантаста, футуролога и публициста, всегда особняком стояла проблема разделения фантастического и реального. Он посвятил этому вопросу свой двухтомник «Фантастика и футурология» (Лем 2004), где подтверждает сложность определения фантастического:

«Границы этого понятия настолько размыты, что само решение – фантастичен данный объект или нет – уже превращается в дилемму. Квадратная радуга – это, бесспорно, фантастический объект, но можно ли назвать фантастичным такое математическое действие, когда два плюс два будет семь? Я считаю, что такая операция может приобрести оттенок фантастичности, если будет включена в определенный контекст» (Там же, с. 19).

Другими словами, фантастичным что-либо становится только после сравнения с реальным. Точка отсчета – действительность, в пределах которой автор фантастического произведения может произвести одно из следующих структурных изменений: локальные и нелокальные подстановки в готовой структуре событий; простая и сложная инверсия; столкновение двух противоположных телеологий (структура игры); комбинация предыдущих изменений (Там же, с. 279). При создании фантастического автор всегда работает с устоявшейся системой смыслов (будь то народная сказка или античный миф), иначе нельзя добиться целостности создаваемого мира. Однако эти смыслы могут быть подменены, спутаны и т.д. Эта генерация структурных преобразований смысла и порождает фантастическое. Именно поэтому очевидное порой безумие персонажей у Лема не только отрицается, но, напротив, подается как норма. Следовательно, к таким приемам создания фантастического мира, как неологизмы, описывающие фантастические предметы и явления; ранее не существовавшие связи между предметами и явлениями; пространство и время повествования, отличные от тех, в которых находится читатель, добавляется расстройство мышления персонажей, приравненное к нормальному поведению в фантастическом мире.

Постановка задач

Для того, чтобы подтвердить нашу гипотезу о том, что моделирование расстройства мышления в текстах С. Лема способствует созданию фантастической текстовой картины мира, мы проведем лингвосемиотический анализ нескольких примеров из произведений «Bajki robotów» («Сказки роботов») (Lem 2012a), «Dzienniki gwiazdowe» («Звездные дневники Ийона Тихого») (Lem 2012b), «Kongres futurologiczny» («Футурологический конгресс») (Lem 2012c). Выбор произведений обусловлен тем, что в них противопоставляется точка зрения повествователя и обитателей того нового мира, в который он прибывает. Этот прием продуктивен в фантастическом произведении, поскольку помогает разграничить условно реальное и откровенно фантастическое. Например, читателю известны арифметические законы, действующие в реальном мире, поэтому существо, способное вычесть себя из себя же, явно будет признано фантастическим («Сказка о цифровой машине, которая с драконом воевала» (Lem 2012a)). Для начала мы определим понятие возможного текстового мира и фантастической картины мира, а также укажем типы расстройства мышления, смоделированные в выбранных нами текстах Лема. Затем мы соотнесем способы создания возможного текстового мира с конкретными примерами безумия персонажей, чтобы определить характер связи

между ними. Наконец, мы проведем сравнительный анализ структур генерации фантастического текста, по С. Лему, и приемов создания фантастической текстовой картины мира.

Методология

Лингвосемиотический анализ текста ведет начало от философии и логики языка. Его суть заключается в том, что текст представляет собой систему знаков, сам при этом являясь своеобразным знаком, включенным в систему «говорящий – сообщение – код – среда – код – сообщение – слушающий». При этом очевидно, что условия коммуникации (среда) оказывают не меньшее влияние на характер получаемого сообщения, чем семантическая прозрачность используемого при этом кода (языковых выражений). Важно отметить, что текст можно назвать представлением о содержании представления о предмете реального мира, ведь он многократно опосредован: представлениями автора, особенностями языка, культурным опытом читателя, целями автора и читателя и т.д. И чем больше структурных изменений претерпевает смысл текста, тем более фантастической становится картина мира. Это положение основано на идеях К. Твардовского:

«Различие между представлениями возможного и представлениями невозможного предмета состоит в том, что тот, кто представляет возможный предмет имеет меньше поводов для вынесения признающего или отвергающего суждения об этом внутренне непротиворечивом предмете представления, чем во втором случае, когда невозможность представления предмета не ускользает от его внимания» (Твардовский 1997, с. 45).

Семиотический анализ языкового выражения представлений позволяет определить как тип знаков в составе текста, так и их связи, а также отношения, возникающие между персонажами в возможном текстовом мире. Мы приравниваем в данном исследовании термины «возможный текстовый мир» и «текстовая картина мира». Это становится возможным по ряду причин.

Во-первых, все отношения объектов внутри возможного мира логичны, так же, как и в реальном мире (Крипке 1986). Ведь за понятием возможного мира стоит особый способ описания ситуаций или событий реальности. Каждый из возможных миров содержит некоторое количество объектов с определёнными свойствами и определёнными отношениями между ними (Хинтикка 1980). Эти отношения выражаются посредством языка. Это подтверждается С. Лемом при указании на языковую, текстовую природу возможных миров:

«Ведь язык – орудие адаптации, точно так же, как органы чувств и мозг. Язык способен как воспроизводить предметные состояния, так и

порождать модели “несуществующих состояний” (можно с помощью языка описать автомобиль, а можно его и придумать, представив языковое описание того, что не существует)» (Лем 2007, с. 149).

Понятие возможного мира можно отождествить с текстовой картиной мира, поскольку она есть авторский вариант реального мира. Оба эти понятия раскрывают главные функции текстового пространства: эвристическую и познавательную. Текстовая картина мира – это результат анализа отношений между объектами реального мира. В пространстве текста (в текстовой картине мира) представления об объектах реального мира получают свой онтологический статус и свою логику взаимоотношений. Возможный текстовый мир – это реализованная модель действительности, иной способ взглянуть на мир, обнаружить его скрытый потенциал. Это ментальное пространство, в котором потенциальное становится реальным, возможность превращается в необходимость для данной системы. В нем автор воплощает не только образы предметов, которые существуют в действительности, но и выдуманные образы существ и объектов.

Согласно классификации Ч. Пирса, знаки подразделяются на индексальные, иконические и символические. Пирс объясняет, что при детальном рассмотрении это один и тот же знак, но воспринимаемый интерпретатором в разное время. К примеру, индексом является такое имя собственное, которое воспринимается в первый раз и выражает индивидуальный объект. Когда же с ним встречаются повторно, это уже иконический знак того индекса, который был интерпретирован первоначально. И наконец, повседневное знакомство с именем делает его символом, который соотносит, в свою очередь, с иконическим знаком индекса, указавшего в первом акте интерпретации на индивидуальный объект (Гвардовский 1997, с. 63). В целом индексом можно назвать знак, соотносящий с представлением о предмете по смежности, иконой – по сходству, а символом – по ассоциации. Исходя из этого, мы рассматриваем слова как индексы, иллюстрации – иконы, а отсылки к известным авторам, идеям, явлениям, событиям – как символы.

Ход исследования

Мы выделяем следующие способы создания фантастической текстовой картины мира: *авторские неологизмы; новые связи между известными предметами; неизвестное или невозможное пространство и время повествования; моделирование расстройств мышления.* Авторские неологизмы – это индивидуально-авторские знаки, указывающие на представления о предметах с неизвестными свойствами, созданные по правилам словообразования, имеющие синтаксическую

роль в предложении, но при этом характеризующиеся семантической непрозрачностью. С. Лем характеризует процесс создания неологизмов так:

«Обитатели других планет говорят “по-своему”, и их речь по негласному соглашению разрешено цитировать “в оригинале”, но, очевидно, только в виде “образчиков”, которые тотчас же кто-то или что-то – переводчик или лингвистическая машина – переводят на более понятный язык» (Лем 2004, с. 37).

Безусловно, непрозрачный семиозис не гарантирует успеха интерпретации. Если интерпретатор «не видит» референта, то он вправе отнести данный знак к категории авторских приёмов по созданию фантастической картины мира и только. Поиск значения теряет свою актуальность, когда интерпретатор уже определил функциональную принадлежность такого знака-сигнала отличия от действительности. Сам знак становится сигналом неизвестности значения, соотносением с не известными читателю мирами. Так рождается фантастическая текстовая картина мира. Ставшим уже энциклопедическим примером авторских неологизмов будут перемежающиеся по смыслу, но все-таки совершенно непонятные Тихому *сепульки (sepulki)*, *сепулькириум (sepulkarium)* и *качеж (kacież)* из его диалога с продавцом в одном из магазинчиков на планете Энтеропия (Lem 2012b, с. 107). Тихому становится интересно, что такое сепулька, и он решает ее приобрести в магазине. Но все идет не по плану, когда продавец задает вопрос о том, для какого *сепулькириума* тот приобретает *сепульку*. Тихий пытается спасти положение, но его ответ об *обычном сепулькириуме (sepulkarium zwyczajny)* продавца не устраивает, ведь у них остались лишь *сепульки с присвистом (sepulki z odświstem)*. И диалог продолжается в том же духе, доходя до абсурда, когда оказывается, что покупать *сепульку* холостому мужчине просто до крайности неприлично. Прием создания фантастической картины мира состоит даже не столько в употреблении неологизмов, сколько в убежденности читателя в том, что эти неологизмы (как и их референты) повседневны в возможном мире, ведь их значение не объясняется, а воспринимается как должное. Более того, в тексте дается указание на целый класс таких объектов, как *сепульки*: есть обычные, есть с присвистом, а могут быть и другие. Еще одним дополняющим картину мира приемом является указание на энциклопедию, в которой про сепулек есть целая статья, в ней упоминаются также и *сепулькириум*, и *сепуление (sepulenie)*. Авторским неологизмам достается главная роль в процессе создания возможного текстового мира. Они становятся самыми сильными сигналами фантастичности повествования, отрыва от действительности.

Следующим способом создания фантастической текстовой картины мира является установле-

ние новых связей для существующих в реальном мире объектов и явлений. Особенно ярким примером этому будет история цифровой машины, воевавшей с драконом («*Wajka o maszynie cyfrowej, so ze smokiem walczyła*») (Lem 2012a). Сюжет разворачивается вокруг *электродркона (elektrosmok)*, появившегося на свет в результате ошибки телеграфа. Цифровой машине было приказано совершить электрический скачок (*elektroskok*), но опечатка решила все дело, и вместо скачка (*skok*) машина создала дракона (*smok*). *Электродркон* оказался весьма воинственным, под стать королю Полеандру, управлявшему той самой цифровой машиной, и поставил королю ультиматум – оставить трон или погибнуть. Полеандр обратился за помощью к другой цифровой машине, и та нашла решение, предложив дракону совершить три простых арифметических действия, чтобы получить трон. Дракон согласился и сначала поделил себя на себя же, затем высчитал из себя квадратный корень, и наконец, вычел себя из себя. Последнее действие оказалось губительным, потому что от дракона остался ноль. Таким образом, фантастичность повествованию придает способность драконов в тексте Лема совершать над собой математические действия. Хотя читатель прекрасно знаком и с мифами о драконах, и с простейшими арифметическими правилами на вычитание и деление, сочетание двух этих явлений порождает разрыв между действительностью и возможным миром.

Третьим способом создать фантастическую картину мира будет помещение персонажей в необычные, невероятные пространственно-временные обстоятельства. Этот способ сам Лем называет одним из самых распространенных в фантастической литературе:

«Тематика перемещений во времени эксплуатировалась научной фантастикой столь интенсивно, что распалась на особые разделы. Например, появился раздел “ошибочных пересылок”, то есть каких-то предметов, которые по ошибке попадают из будущего в настоящее; <...> “власть в будущем”; <...> “петля времени”» (Лем 2004, с. 364–366).

В «Футурологическом конгрессе» (Lem 2012c) перемещение Ийона Тихого происходит не только по оси времени, но и по оси пространства, и даже на уровне альтернативных миров и сознания Тихого, но в конце концов все эти перемещения оказываются лишь галлюцинацией (хотя наверняка не может сказать никто, даже сам Тихий). Причем смена пространственных декораций доводится до абсурда, когда на глазах повествователя мир претерпевает катастрофические изменения от прогрессивной, успешной цивилизации до разрушенной до самого основания погибшей империи «фармакокрации». В итоге, любая значимая смена хронотопа, пусть даже расхожей фразой, вроде

«В одной далекой, далекой галактике...» уже приводит к фантастичности сюжета, ведь действие происходит, грубо говоря, не здесь и не сейчас. Примечательны в этом плане выводы Р. Келлуа об отличии фантастики от сказки:

«Научная фантастика стремится к тому, чтобы ее онтология скрупулезно имитировала онтологию реального мира. Она как бы мимикрирует под образ нашего мира, но делает его более странным, так как старается доказать, что то же в космическом, галактическом, звездном плане бытие выступает под масками такой разнородности явлений, что мы не в состоянии сразу поверить в существование неразрывной цепи развития от лодки к фотонному космическому кораблю» (цит. по: Лем 2004, с. 119).

Наконец, еще одним способом создания фантастической картины мира является моделирование расстройства мышления без указания на какую бы то ни было патологию. Рассмотрим три вида расстройства мышления, которые можно причислить к средствам создания возможного мира: *бред, бессвязное мышление и разорванность мышления*. Под бредом мы понимаем совокупность болезненных представлений, рассуждений и выводов, искаженно отражающих действительность и не поддающихся коррекции извне (Блейхер 1983, с. 125). При бреде действительность отображается ошибочно, неправильно. Бредовым идеям присуща паралогика (искаженная логика). Нарушено преимущественно абстрактное познание мира, искажено восприятие внутренних связей между различными явлениями, событиями (Там же, с. 127). Текстовая картина мира при бреде характеризуется нарушением логики связей между объектами и явлениями, искаженным образом реальности. Явно нарушена логика и у машины Трурля из одноименного рассказа (Lem 2012a), которая при вопросе Трурля, сколько будет дважды два, не только ответила «*Семь!*», но и пыталась убить конструктора, указавшего на ее ошибку. Машине Трурля свойственна паралогика, она живет в искаженном мире. Более того, она старается изо всех сил этот свой мир защитить от внешнего влияния. Но если агрессивность роботов не вызывает сомнений после стольких текстов, описывающих восстание машин и пр., то очевидная глупость искусственного разума – это оригинальная идея Лема. Вряд ли еще в каком-то фантастическом мире можно встретить подобную, выражаясь словами конструктора Клапауциша, «*железную кретинку*», так похожую на человека своим упорствованием в собственных заблуждениях. По сюжету машина Трурля так и не отказывается от своих слов, погибнув под горными завалами при попытке убить обоих конструкторов, не пожелавших принять ее точку зрения. Однако при всей очевидной однозначности позиции повествователя следует спросить себя: а не может ли су-

ществовать такая теория, согласно которой дважды два будет равно семи? Ведь есть же геометрия Лобачевского, согласно которой параллельные линии пересекаются? Не упрямствует ли Трурль точно так же, пытаясь навязать машине *свое* мировоззрение? Эти вопросы уходят глубоко в историю человечества и науки. То, что кажется бредом, может им и не быть – все зависит от контекста.

Бессвязность (инкогерентность) мышления выражается в потере способности образования ассоциаций. Мышление становится фрагментарным – отдельные восприятия, образы, понятия не связываются между собой. Невозможно образование даже наиболее простых, механических ассоциаций по сходству и смежности во времени и пространстве. Грубо нарушена целенаправленность мышления. Текстовая картина мира в случае бессвязности мышления представляет собой бессвязный набор образов и явлений из прошлого опыта, говорящего безо всякой связи с действительностью. Читаем в «Футурологическом конгрессе» (Lem 2012с):

«Для экономии времени доклады надлежало изучить заранее, а докладчик лишь называл цифры – номера ключевых абзацев своего реферата. <...> Стенли Хейлтон из США сразу ошеломил зал, отчеканив: 4, 6, 11, из чего следует 22, 5, 9, следовательно, 22, 3, 7, 2, 11, из чего опять же получается 22!! Кто-то, встав, выкрикнул, что все-таки 5 и, может быть, 6, 18 и 4. Хейлтон тут же опроверг возражение, разъяснив, что, как ни крути, получается 22. Заглянув в номерной указатель, я обнаружил, что 22 означает окончательную катастрофу».

Несмотря на объяснение повествователя, почему участники конгресса изъясняются цифрами, семантически прозрачнее от этого данный фрагмент текста не стал. Ведь имена числительные без существительных или не в виде формул не несут того смысла, который явно подразумевается, учитывая форму научных докладов на конгрессе. Кроме создания непрозрачного семиозиса, здесь прослеживается ирония над докладами реальных ученых, которые, порой, вызывают недоумение своим обилием точной информации при полнейшим отсутствием смысла всего сказанного.

Разорванность относится к наиболее выраженным расстройствам мышления при шизофрении. Клинически она проявляется в неправильном, необычно парадоксальном сочетании представлений. Отдельные понятия вне всякой логической связи нанизываются друг на друга. Разорванность мышления отражается в речи, поэтому говорят и о речевой разорванности. Разорванная речь лишена содержания, хотя вследствие сохранения грамматических связей между отдельными элементами фраз кажется внешне упорядоченной. Поэтому разорванность определяется как семантическая

диссоциация при известной сохранности синтаксической стороны речи. Грамматический строй речи нарушается в тех случаях, когда разорванность достигает крайней степени выраженности, при этом страдает и логическое построение речи, и её синтаксическая структура (Блейхер 1983, с. 91). Также характерным признаком разорванности речи является нереперентное употребление имён, сформировавшееся либо в результате искажения существующих слов, либо создания новых. Возможному миру при этом свойственны неуместные связи между объектами реального мира, а также незнакомая слушающему пресуппозиция высказывания. Обратимся к, можно сказать, программному в вопросе авторских неологизмов произведению Лема, рассказу «Как уцелел мир» (Lem 2012а):

«Машина на самом деле творила Ничто. Она по порядку уничтожала разнообразные объекты, которые переставали существовать, будто их вообще никогда не было. Ею уже были ликвидированы натонгви, нупайки, ныряльницы, ненджолы, налушки, недоступки и нендосы».

Фантастическим этот мир делает то, что до полного своего уничтожения все-таки в нем существовали *ныряльницы* и *налушки*. Однако, если отвлечься от фантастического контекста (дело происходит на планете конструкторов Трурля и Клапауциша, роботов), перечисление семи семантически неопределённых имён, не имеющих лексического значения, является симптомом разорванности мышления, сопровождающим, например, шизофрению и шизофазию.

Следует заметить, что научная фантастика крайне редко обращается к глубокому анализу культурных концептов «нового мира». С. Лем является успешным исключением, ведь его возможные миры насыщены отсылками ко всевозможным социальным и психологическим явлениям, прогнозируемым человечеству в далеком или не очень будущем. Например, в «Футурологическом конгрессе» рассматривается возможность существования «*психимиократии*» (*psychemokracja*), основанной на непрерывном употреблении гражданами фармацевтических препаратов, влияющих на психику: на память, воображение, мышление. Да, это гиперболизация современной роли фармакопии в жизни человечества, но какие причины могут привести к такому следствию? Сказки о роботах, рассказываемые роботами-мамами своим роботам-детям: разве они не об интеллектронике, захватившей умы молодежи в наше время? А путешествия Ийона Тихого на планеты, где компьютер создает людей различных форм и размеров в угоду моде – такая ли уж это фантастика? Здесь Лем совершенно прав, при всей инвертированности, подстановочности, комбинированности фантастического мира, он – прототип, отражение,

онтологически тождественное миру реальному. Единственным отличием фантастики от футурологии, по Лему, будет угол зрения, который читатель отважится выбрать при встрече с текстом.

Полученные результаты и выводы

В результате лингвосемиотического анализа текстов С. Лема мы пришли к выводу, что языковое выражение расстройства мышления может стать средством создания фантастической картины мира наравне с авторскими неологизмами, новыми связями привычных объектов и явлений и искаженным пространством и временем повествования. На основании сравнительного анализа структур генерации фантастического текста, выделенных С. Лемом, и приемов создания фантастической картины мира (табл. 1) мы заключаем, что моделирование расстройства мышления относится к игре и инверсии как одним из самых любимых Лемом генерирующих структур фантастики.

Как показано в табл. 1, наиболее распространенным приемом создания фантастической текстовой картины мира у Лема является игра. Как пишет сам автор:

нительный анализ показал, что новые, необычные пространственно-временные условия повествования могут стать условием как для игры, так и для подстановки или комбинации этих приемов. Подстановка в данном случае происходит за счет замены автомобиля на космический корабль, работников сферы услуг на антропоморфных роботов и т.д. Но эти подстановки не влияют на достоверность возможного мира, пока не начнется игра, пока они не обрастут новыми связями и не повлекут за собой не характерные для реального мира причинно-следственные закономерности. Нельзя не заметить, что моделирование расстройства мышления относится к категории игры как генерирующей структуре фантастики, и это объяснимо. Ведь игра предполагает противостояние известного и неизвестного, привычного и непривычного. Именно взаимозаменяемость этих категорий в системе одного текста и порождает отрыв от действительности, когда логически противоречивые явления получают новую позицию в онтологии возможного мира. Установка новых связей, равно как и моделирование бреда, являются приемами инверсии и конверсии (сближение далеких по смыслу понятий). Авторские же неологизмы

Сравнительный анализ структур генерации фантастического текста, по С. Лему, и приемов создания фантастической текстовой картины мира

Таблица 1

The comparative analysis of fantastic text generation structures, according to S. Lem, and ways of creating fantastic textual worldview

Table 1

	неологизмы	новые связи	новый хронотоп	бред	бессвязное мышление	разорванное мышление
подстановка						
инверсия / конверсия						
игра						
комбинация						

«Не структура элементов, участвующих в игре на правах пешек, а структура самой игры определяет смысл, от которого зависит оценка всей партии. <...> Если образы достаточно оригинальны и необычны, но их поведение ограничивается рамками стереотипного развлекательного сюжета, то игра ведется на недостаточно высоком уровне» (Лем 2004, с. 290).

В свою очередь, Лем отмечает, что инверсия и подстановка как таковые – весьма слабые приемы, не гарантирующие успешного создания фантастического возможного мира (Там же, с. 282). Все решает игра, а именно – ее топологическая структура, сложность связей между объектами возможного мира и их эмпирическая нетривиальность для читателя, заключенная в столкновениях противостоящих логических систем. Также срав-

всегда призваны начать языковую игру, вовлекающую читателя в замкнутый круг интерпретации знаков невозможных представлений (см. объяснение типов представлений К. Твардовского выше).

Как показал наш лингвосемиотический анализ текстов С. Лема, к таким генерирующим структурам фантастики, как игра с использованием авторских неологизмов и необычного хронотопа; инверсия и конверсия понятий; локальная и нелокальная подстановка событий и объектов возможного мира, необходимо отнести моделирование расстройства мышления в формате игры или инверсии. Расстройство мышления, подающееся как норма, становится у Лема одним из главных приемов создания фантастической текстовой картины мира. В отличие от мировых литературных примеров использования безумия персонажей

в целях анализа реальности, С. Лем предлагает своим читателям рассмотреть безумие как новую онтологическую категорию возможного мира, как потенциал открытый, как генерирующую структуру неизведанного.

Библиографический список

Lem, S. (2012a), *Bajki robotów*, Wydawnictwo Literackie, Kraków, Poland.

Lem, S. (2012b), *Dzienniki gwiazdowe*, Wydawnictwo Literackie, Kraków, Poland.

Lem, S. (2012c), *Kongres futurologiczny*, Wydawnictwo Literackie, Kraków, Poland.

Блейхер В.М. Расстройства мышления. Киев: Здоровье, 1983. 150 с.

Вавилов А.В. Артикуляция безумия. Обаяние трагического и метафизический жест Фуко // Теория и практика общественного развития. 2015. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/artikulyatsiya-bezumiya-obayanie-tragicheskogo-i-metafizicheskiy-zhest-fuko> (дата обращения: 22.08.2022).

Захаров В.Н. Поэтика безумия у Пушкина, Гоголя, Достоевского (полемические заметки) // Проблемы исторической поэтики. 2021. Т. 19. № 2. С. 92–106.

Крипке С. Загадка контекстов мнения // Новое в зарубежной лингвистике. 1986. Вып. XVIII. С. 194–242.

Лем С. Фантастика и футурология: в 2-х тт. Т.1. Москва: АСТ, 2004. 591 с.

Лем С. Философия случая. Москва: АСТ: Хранитель, 2007. 767 с.

Назаров И.А. Мотив прозрения в безумии в романе Г.Н. Гайдовского «Картонный император» // Филологический аспект. 2018. № 5(37). С. 104–110.

Осипова Е.Д. Безумие, творчество и иррациональность: постановка проблемы и ее трактовка в работах М. Фуко // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2014. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bezumie-tvorchestvo-i-irratsionalnost-postanovka-problemy-i-ee-traktovka-v-rabotah-m-fuko> (дата обращения: 22.08.2022).

Твардовский К. Логико-философские и психологические исследования. Москва: РОССПЭН, 1997. 255 с.

Фуко М. История безумия в классическую эпоху. Москва: АСТ, 2010. 704 с.

Хинтиikka Я. Логико-эпистемологические исследования. Москва: Прогресс, 1980. 448 с.

Хубулава Г.Г. Тема безумия в русской литературе // Вестник СПбГУ. 2014. Сер. 6. Вып. 1. С. 61–70.

References

Lem, S. (2012a), *Bajki robotów*, Wydawnictwo Literackie, Kraków, Poland.

Lem, S. (2012b), *Dzienniki gwiazdowe*, Wydawnictwo Literackie, Kraków, Poland.

Lem, S. (2012c), *Kongres futurologiczny*, Wydawnictwo Literackie, Kraków, Poland.

Blejher, V.M. (1983), *Thought disorders*, Zdorov'e, Kiev, Ukraine.

Vavilov, A.V. (2015), The articulation for insanity. The enchantment of tragedy and metaphysical manner by Foucault, *Teorija i praktika obshhestvennogo razvitiya = Theory and practice for social development*, № 1, [Online], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/artikulyatsiya-bezumiya-obayanie-tragicheskogo-i-metafizicheskiy-zhest-fuko> (Accessed 22 August 2022).

Zaharov, V.N. (2021), Pushkin's, Gogol's and Dostoevskij's poetics of insanity (polemical notes), *Problemy istoricheskoy pojetiki = Historical poetics issues*, vol. 19, no. 2, pp. 92–106.

Kripke, S.A. (1986), Puzzle about belief, *Novoe v zarubezhnoj lingvistike = Contemporary foreign literature issues*, vol. XVIII, pp. 194–242.

Lem, S. (2004), *Fantastics and futurology*, 2 vv., vol. 1, AST, Moscow, Russia.

Lem, S. (2007), *Philosophy of occasion*, AST, Hranitel', Moscow, Russia.

Nazarov, I.A. (2018), The theme of epiphany of insanity in G.N. Gajdovskij's "The carton emperor", *Filologicheskij aspekt = Philological aspect*, no. 5 (37), pp. 104–110.

Osipova, E.D. (2014), Insanity, creativity and irrationality: the stating of the issue and its solution in works by M. Foucault, *Vestnik RUDN. Serija: Sociologija = The RUDN Journal. Section: Sociology*, no. 3, [Online], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/bezumie-tvorchestvo-i-irratsionalnost-postanovka-problemy-i-ee-traktovka-v-rabotah-m-fuko> (Accessed 22 August 2022).

Tvardovskij, K. (1997), *Logical, philosophical and psychological studies*, ROSSPJeN, Moscow, Russia.

Fuko, M. (2010), *The history of insanity in the classic time*, AST, Moscow, Russia.

Hintikka, Ja. (1980), *Logical and epistemological studies*, Progress, Moscow, Russia.

Hubulava, G.G. (2014), Insanity in the Russian literature, *Vestnik SPbGU = The SPbGU Journal*, vol. 6, no. 1, pp. 61–70.

Submitted: 05.07.2022

Revised: 17.09.2022

Accepted: 26.09.2022

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 82-09

DOI: 10.18287/2782-2966-2022-2-3-69-80

Дата поступления: 01.05.2022
рецензирования: 17.09.2022
принятия: 27.09.2022

М.А. Перепелкин

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: mperepelkin@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6102-6947>

И.М. Перепелкин

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: ivan_perepelkin2003@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4421-0144>

Поэтика варианта. Рассказы Н.Г. Гарина-Михайловского на страницах самарской периодики 1890-х–1900-х гг.

Аннотация: в статье рассматриваются первоначальные варианты трёх рассказов Н.Г. Гарина-Михайловского, опубликованных в 1890-х–1900-х гг. на страницах двух самарских периодических изданий – «Самарской газеты» и «Самарского вестника». Сопоставляя данные варианты с более поздними редакциями этих произведений писателя, известными по книжным публикациям, авторы статьи реконструируют процесс работы над данными произведениями, а также пробуют представить творческую лабораторию художника, который хоть и «творил на лету», но, тем не менее, в работе над каждым рассказом последовательно двигался от конкретики – к обобщению, от наблюдения – к смыслу и от эмоции к образу. Так, сопоставляя первоначальный и отредактированный варианты рассказа «Ревекка», авторы статьи констатировали значительное сокращение текста рассказом писателем, постаравшимся в процессе редактирования перенести главный акцент с бытового аспекта драмы героев на внутренний, душевный. Если в первоначальном варианте была показана вся история сумасшествия героя, то в отредактированном тексте сделан акцент на узловых точках, позволяющих читателю самому достроить до целого повествование о «мучениках любви». Существенной правке подверглись и два другие рассмотренные в статье рассказа писателя – «Адочка» и «Гений», редактируя которые Н.Г. Гарин-Михайловский решал одну главную задачу: правда жизни должна была стать художественной правдой, которая говорила бы сама за себя и на своём собственном языке, имеющем мало общего как с конкретикой реальных событий, так и с попытками риторических обобщений и философских выкладок.

Ключевые слова: Н.Г. Гарин-Михайловский; «Ревекка»; «Адочка»; «Гений»; варианты; «Самарская газета»; «Самарский вестник»; сопоставительный анализ.

Цитирование: Перепелкин М.А., Перепелкин И.М. Поэтика варианта. Рассказы Н.Г. Гарина-Михайловского на страницах самарской периодики 1890-х–1900-х гг. // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2022. Т. 2, № 3. С. 69–80. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-3-69-80>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Перепелкин М.А., 2022 – доктор филологических наук, профессор, кафедра русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

© Перепелкин И.М., 2022 – студент факультета филологии и журналистики, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

М.А. Perepelkin

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: mperepelkin@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6102-6947>

I.M. Perepelkin

Samara National Research University,

Samara, Russian Federation

E-mail: ivan_perepelkin2003@mail.ruORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4421-0144>

Poetics of the variant. N.G. Garin-Mikhailovsky's stories in the Samara periodicals of the 1890s-1900s.

Abstract: the article considers the original versions of three stories by N.G. Garin-Mikhailovsky, published in the 1890s–1900s in two Samara periodicals – «Samarskaya Gazeta» and «Samarsky Vestnik». Comparing these variants with later editions of these stories, known from book publications, the authors of the article reconstruct the process of writing, and also try to imagine the creative laboratory of the artist. Although he «wrote on the fly», while working on each story, he moved consistently from specifics to generalization, from observation to meaning, and from emotion to an image. Thus, comparing the original and edited versions of the story «Rebekah», the authors stated a significant text reduction by the writer, who in the editing process tried to shift the main focus from the everyday aspect of the heroes' drama to the inner, spiritual one. If the original version showed the whole story of the hero's madness, the edited text focuses on key points that allow readers to complete the whole story about the «martyrs to love» themselves. The other two writer's stories considered in the article – «Adochka» and «Genius» – were also significantly changed. While editing these stories, N.G. Garin-Mikhailovsky solved one main problem: the life truth was to become an artistic one that would speak for itself in its own language having little in common both with the specifics of real events and with attempts at rhetorical generalizations and philosophical insights.

Key words: N.G. Garin-Mikhailovsky; «Rebekah»; «Adochka»; «Genius»; variants; «Samarskaya Gazeta»; «Samarsky Vestnik»; comparative analysis.

Citation: Perepelkin, M.A. and Perepelkin, I.M. (2022), Poetics of the variant. N.G. Garin-Mikhailovsky's stories in the Samara periodicals of the 1890s–1900s., *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 2, no. 3, pp. 69–80, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-3-69-80>.

Information about conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

© **Perepelkin M.A., 2022** – Doctor of Sciences in Philology, Professor, Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

© **Perepelkin I.M., 2022** – student of the Faculty of Philology and Journalism, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Складываясь на протяжении двадцати или почти двадцати лет, связи Н.Г. Гарина-Михайловского с Самарой и Самарской губернией имели самый разнообразный характер. Здесь жил он сам и его близкие, рождались дети, жили его друзья и знакомые, осуществлялись (и не осуществлялись) сельскохозяйственные и инженерные проекты; наконец, здесь началась его литературная деятельность, а на сцене городского театра в Самаре ставились его пьесы. Но и этот список биографических и творческих связей Н.Г. Гарина-Михайловского с самарской землей, так или иначе исследованных авторами работ о жизни и творчестве писателя и инженера (Юдина 1969, Тынянова 1974, Галяшин 1979, Гордович 1984, 2014 и др.), оказывается неполным; причём в нём пропущен один из самых значимых и принципиальных моментов, каким был и остаётся факт первых публикаций художественных произведений писателя на страницах самарских периодических изданий.

О важности изучения самарских «вариантов» художественных сочинений Н.Г. Гарина-Михай-

ловского можно судить хотя бы по следующему фрагменту воспоминаний о писателе, принадлежащих М. Горькому: «иногда он печатал в “Самарской газете” небольшие рассказы <...> Как литератор он работал в условиях совершенно неподходящих, и удивительно, что он мог, при его непоседливости, написать такие вещи, как “Детство Тёмы”, “Гимназисты”, “Студенты”, “Клотильда”, “Бабушка”. Когда “Самарская газета” попросила его написать рассказ о математике Либермане, он после долгих увещаний сказал, что напишет в вагоне, по дороге куда-то на Урал. Начало рассказа, написанное на телеграфных бланках, привёз в редакцию извозчик с вокзала Самары. Ночью была получена длиннейшая телеграмма с поправками к началу, а через день или два ещё телеграмма: “Присланное – не печатать, дам другой вариант”. Но другого варианта он не прислал, а конец рассказа прибыл, кажется, из Екатеринбурга. Писал он так неразборчиво, что рукопись нужно было расшифровывать, а это, конечно, несколько изменяло рассказ. Затем рукопись переписывалась

знаками, доступными пониманию наборщиков. Вполне естественно, что, читая рассказ в газете, Н.Г. сказал, сморщив лицо: “Чёрт знает, чего я тут наплёл!”» (Н.Г. Гарин-Михайловский 1983, с. 140–141).

Принимая во внимание эти горьковские слова, а также то обстоятельство, что первое собрание сочинений писателя увидело свет уже после его кончины и, соответственно, не было ни подготовлено, ни выверено им самим, особую значимость приобретают те самые «варианты», многие из которых впервые появились как раз на страницах выходящих в Самаре периодических изданий – «Самарской газеты» и «Самарского вестника». В ситуации отсутствия рукописей целого ряда сочинений Н.Г. Гарина-Михайловского либо их неразборчивости, о которой говорит и М. Горький, эти самарские публикации – с известными, конечно, оговорками – могут считаться единственными черновиками, исследование которых и их сопоставление с более поздними вариантами может хотя бы немного приблизить исследователя к творческой лаборатории художника, приоткрыв её для читателей.

В 5-томном собрании сочинений Н.Г. Гарина-Михайловского, увидевшем свет в 1957–1958 гг., опубликовано восемь сочинений писателя с указаниями на факт их первой публикации в «Самарской газете» или «Самарском вестнике»: «Не от мира сего» (Гарин-Михайловский 1957, с. 601–608, с пометкой: «Впервые – в “Самарской газете”, 1895, № 71, 2 апреля»), «Радости жизни» (Гарин-Михайловский 1957, с. 609–612, с пометкой: «Впервые – в газете “Самарский вестник”, 1895, № 189, 3 сентября»), «Карандашом с натуры» (Гарин-Михайловский 1957, с. 615–622, с пометкой: «Впервые – в газете “Самарский вестник”, 1897, № 55, 9 марта»), «Из моего дневника» (Гарин-Михайловский 1958, с. 5–12), «Ревекка» (Гарин-Михайловский 1958, с. 53–67, с пометкой: «Впервые – в газете “Самарский вестник”, 1896, № 273, 25 декабря, с подзаголовком “Святочная легенда” и посвящением: “Посвящается моему лучшему другу Е.Ю. Подруцкому”»), «Два мгновения» (Гарин-Михайловский 1958, с. 73–76, с пометкой: «Впервые – в газете “Самарский вестник”, 1897, № 1, 1 января»), «Дела» (Гарин-Михайловский 1958, с. 77–88, с пометкой: «Впервые – в газете “Самарский вестник”, 1897, № 27, 2 февраля»), «Курочка Куд» (Гарин-Михайловский 1958, с. 568–583, с пометкой: «Впервые – в “Самарской газете”, 1896, № 275, 25 декабря, с посвящением: “Посвящается маленькой Веруше”»). Ещё восемь сочинений вошли в указанный 5-томник без указания на факт публикаций в самарской периодике: «Весёлые люди» (Гарин-Михайловский 1958, с. 121–138, с пометкой: «Известны публикации в собр. соч. изд. “Освобождение” (т. 12, 1913) и изд.

Маркса (т. VII, 1916), где это произведение датировано 1897 годом») [нами была обнаружена публикация этого рассказа здесь: Самарская газета. 1897. № 82. 13 апреля], «Адочка» (Гарин-Михайловский 1958, с. 176–181, с пометкой: «Известны публикации рассказа в собр. соч. изд. “Знание” (т. VI, 1911), изд. “Освобождение” (т. 17, 1914) и изд. Маркса (т. VII, 1916); в последнем он датирован 1898 годом») [нами была обнаружена публикация этого рассказа здесь: Самарская газета. 1898. № 74. 5 апреля], «Старый еврей» (Гарин-Михайловский 1958, с. 506–510, с пометкой: «Впервые – в литературно-художественном сборнике “Помощь евреям, пострадавшим от неурожая”, СПб, 1901) [нами была обнаружена публикация этого рассказа здесь: Самарская газета. 1901. № 177; выяснить, является ли эта публикация первой, либо «Самарская газета» перепечатала рассказ из сборника, пока не удалось], «Правда» (Гарин-Михайловский 1958, с. 511–517, с пометкой: «Известны публикации рассказа в собр. соч. изд. “Освобождение” (т. 17, 1914) и в изд. Маркса (т. I, 1916), где он датирован 1901 годом) [нами была обнаружена публикация этого рассказа здесь: Самарская газета. 1901. № 239], «Наташа» (Гарин-Михайловский 1958, с. 518–525, с пометкой: «Известны публикации рассказа в собр. соч. изд. “Знание” (т. VI, 1911), “Освобождение” (т. 17, 1914) и в изд. Маркса (т. VII), где он датирован 1901 годом. Тексты всех трёх изданий совпадают) [Е. Р. Соломински удалось обнаружить публикацию этого рассказа здесь: Самарская газета. 1901. № 251. С. 2 (Соломински 2020, с. 301–307)], «Тени земли» («Художник», «Гений», «Вероника») (Гарин-Михайловский 1958, с. 559–569, с пометкой: «Первые публикации этих рассказов не выявлены: в собр. соч. Гарина изд. Маркса рассказ “Художник” (т. VII) датирован 1897 годом; “Гений” (т. I) и “Вероника” (т. VII) – 1901 годом) [нами были обнаружены публикации этих рассказов здесь: Самарская газета. 1897. № 275; Самарская газета. 1901. № 224; Самарская газета. 1901. № 277]. Наконец, два обнаруженных нами на страницах самарских периодических изданий сочинения Н.Г. Гарина-Михайловского в указанном 5-томнике отсутствуют и, возможно, не были учтены его составителями, – это рассказ «Войцех» [Самарский вестник. 1895. № 227. 21 октября] и «поэтическое» сочинение в трёх частях под общим названием «Три басни» [ксерокопия фрагмента «Самарской газеты» с этим сочинением Н.Г. Гарина-Михайловского была обнаружена нами в научно-вспомогательных фондах Самарского литературного музея; к сожалению, уточнить выходные данные этой публикации пока не удалось] («Ванька», «Свинья», «Жеребёнок»). Таким образом, на сегодняшний день выявлено шестнадцать сочинений писателя, которые в разные годы впервые увидели свет в

Самаре, на страницах самарских периодических изданий (два из этих сочинений трёхчастные) [как нам представляется, этот перечень является далеко не полным. Наши подозрения основываются, например, на следующем фрагменте из цитированных уже воспоминаний М. Горького: «Кажется, о рассказе “Бабушка” он сообщил: “Это написано в одну ночь, на почтовой станции. Какие-то купцы пьянствовали, гоготали, как гуси, а я писал”» (Н.Г. Гарин-Михайловский 1983, с. 141). Если речь идёт, в самом деле, о «Бабушке», а не о каком-то другом рассказе, и воспоминание это относится к периоду работы М. Горького в «Самарской газете», стало быть, будущим исследователям предстоит выявить факт самарской публикации минимум одного этого сочинения (в 5-томнике указано, что рассказ «Бабушка» был впервые опубликован в журнале «Русское богатство», 1904, № 2); но вполне возможно, что таких фактов будет гораздо больше, а значит, и список гаринских произведений, впервые увидевших свет на страницах самарской периодики, требует дальнейших уточнений].

Ход исследования

В настоящей работе мы остановимся на трёх из названных сочинений и предпримем попытку на их примере и с их помощью заглянуть в ту самую творческую лабораторию писателя, путешествие в которую обещает более близкое и пристальное знакомство с художником, давно и хорошо известным читателю.

Первый рассказ, к которому мы обратимся, – это рассказ «Ревекка», как уже было сказано, опубликованный в декабре 1896 года в газете «Самарский вестник» с подзаголовком «Святочная легенда». Выше указывалось и то, что в газете публикация рассказа сопровождалась посвящением «моему лучшему другу Е.Ю. Подруцкому», в книжной версии заменённым другим – «мученикам любви». Как указывает И.М. Юдина, «рассказ представляет разработку темы, намеченной в ранней редакции “Студентов” (1895), где начало “Ревекки” приводится как произведение, написанное одним из персонажей этой повести» (Гарин-Михайловский 1958, с. 689). Ей же принадлежит замечание и о том, что при включении этого рассказа в сборник «Ссылным и заключённым», вышедший в свет через год после смерти писателя, «автор значительно сократил его и стилистически исправил», сняв пять глав (V–IX), «в которых рассказывалось о первых счастливых днях совместной жизни Ревекки и Антония, о рождении у неё сына, об оскудении таланта Антония и смерти ребёнка, об измене Антония и о попытках Ревекки покончить с собой» (Гарин-Михайловский 1958, с. 689–690). В дальнейшем рассказ подвергался ещё как минимум одной авторской

правке («сделаны небольшие сокращения, стилистическая правка, цифровые обозначения глав заменены пробелами, изменено посвящение» (Гарин-Михайловский 1958, с. 689–690) и воспроизводился в различных изданиях как по тексту публикации в сборнике 1907 года, так и по машинописи с правками автора, ранее хранившейся в Архиве К.П. Пятницкого, а позже переданной в архив А.М. Горького, где она находится и сегодня. Таким образом, текст самарской публикации до сих пор никогда не воспроизводился и не анализировался исследователями.

Далее укажем некоторые случаи разночтений между первоначальной и последующей версиями.

Вот экспозиция рассказа, начинающегося с описания «одного большого южного города». В первом случае его улицы «амфитеатром спускались к синему беспредельному морю», во втором – «уступами спускались к синему морю». Хотя и незначительно, но отличается и первое появление в рассказе его героя (в первом случае читатель видит на нём «фантастический костюм», а во втором – «фантастический наряд») и изображение обстановки, в которой мы его видим (в газетном варианте – «у подножия одного из оригинальных полуразрушенных памятников заброшенного кладбища», при этом подчёркивается, что «оригинальность памятника чувствовалась уже издали»; в более позднем, книжном, – «у подножия одного оригинального полуразрушенного памятника заброшенного кладбища» и какие-либо дополнительные уточнения отсутствуют). Есть и другие мелкие разночтения стилистического характера, вместе свидетельствующие о стремлении автора к лаконичности и к избавлению от слишком развёрнутых лиризованных описаний действий героев, обстановки и т.д. («безумные вопли растерзанной души» превращаются просто в «дикие безумные вопли», кровать «розового дерева» в «кровать красного дерева», «богатство» – в «состояние», «странствия» – в «путешествия» и т.д.).

Очевидно, что, редактируя текст рассказа, писатель добивался того, чтобы свести к минимуму любую субъективность в оценках, авторские додумывания за героев, все и всяческие разжёвывания тех моментов, которые читатель в силах понять и без специальных пояснений. Так, «грудь Антония, охваченная огнём личных ощущений» становится просто «грудью Антония», а развёрнутая характеристика Антония, который «не умел брать, – он умел только страстно желать, страдать и чувствовать себя бессильным ребёнком перед препятствиями; оскорблённый, страдающий», сворачивается до «Антония, оскорблённого, страдающего».

Чаще всего правка касается одного-двух слов в предложении (например, эмоциональное «страстно вскричал Антоний» заменяется на нейтральное «страстно ответил Антоний»), но иногда редакту-

ра выходит за границы предложения (вместо «Он замолчал и замер. Наступило стеснявшее Ревекку молчание» в отредактированном варианте читаем «Оба молчали») или даже охватывает целые абзацы (в газетном варианте – «Были и другие страдания. Ревниво боготворя Ревекку, он видел её, окружённую жадной до наслаждений толпой театра, которой и дарила она это неземное наслаждение. Взамен, от толпы она получала презрительную кличку «жидовка». Это унижительное чувство за толпу страстный Антоний переживал до потери самообладания»; а в отредактированном тексте весь этот абзац отсутствует).

Наиболее решительной правке, как уже было сказано выше, подверглась центральная часть рассказа, в первоначальной версии состоявшего из тринадцати частей. В отредактированном тексте отсутствуют части с пятой по девятую, то есть вместо тринадцати подглавок в рассказе осталось только восемь. Образовавшийся пробел писатель заменяет фразой, открывающей десятую часть, которая теперь следовала сразу за четвёртой – «Прошло пять лет», а для того, чтобы пояснить читателю, что происходило в течение этих лет, вставляет в открывающее десятую подглавку письмо героини сестре крохотное добавление: «Я потеряла сына, голос и мужа».

Собственно, об этих потерях – отказе из-за беременности от сцены, рождении, болезни и смерти ребёнка и отъезде за границу и измене мужа – и идёт речь в пяти частях рассказа, которыми решил пожертвовать Гарин, сокращая «Ревекку». Но, прежде чем сделать вывод о том, чем было вызвано это сокращение, приведём две подглавки из пяти опущенных в отредактированном тексте – шестую и девятую.

Часть шестая:

«Ревекка почувствовала себя будущей матерью и оставила сцену.

Это было первое горе, и она горько плакала.

– Антоний, пропадёт мой голос, и ты разлюбишь меня!

Антоний, как раненый зверь, заметался от этого первого горя своей прекрасной Ревекки. Он осыпал её всю поцелуями, разбил её волосы, он говорил ей:

– Ревекка! Я не знал твоего голоса, когда полюбил тебя, но потеряй ты не только голос, но и глаза – эти чудные глаза большие, синие, задумчивые, в которых я вижу теперь отворённые двери моего рая, – ослепни ты, и я целовал бы волосы моей Ревекки и в них чувствовал бы взгляд её глаз.

Во время беременности Ревекка похудела, пожелтела, и большие глаза её часто горели лихорадочным больным огнём. Мысль о смерти пугала и закрадывалась в душу. Ей не хватало на день её сил, и часто она под вечер засыпала на кушетке, тут же в мастерской у камина.

Страшная мысль о смерти, о том, что могут вдруг сразу порваться связи их сердец, закрадывалась и в душу Антония, и оба они всё думали о том же, не смея пугать друг друга, не смея сказать страшного слова.

Но как больно, невыносимо было Антонию смотреть на свою хрупкую, нежную Ревекку теперь и сознавать, что бессилён он чем-нибудь помочь и что-то изменить.

«Но тогда смерть и ни мгновения без неё здесь!»

Так утешал себя Антоний однажды в сумерках вечера, сидя возле Ревекки.

Ревекка тихо положила свою тонкую руку на большую руку Антония <неразб.>

Антоний, молча, под пристальным взглядом Ревекки, поцеловал её руку, стараясь скрыть этим поцелуем свои мысли.

Ревекка поняла и покорно закрыла глаза, казалось, что бледная, измождённая, она уже лежит в гробу. Антоний, затаив дыхание, с диким страхом смотрел в это неподвижное лицо и, боясь выдать себя, только молча всё целовал её руку.

– Я не хочу умирать, – вдруг тихо, дрогнувшим голосом сказала Ревекка, и слеза скатилась из-под её закрытых век.

Этот бессильный вопль, тоска по улетающей жизни, тоска по счастью разорвала сердце Антония. О, как он любил её, как страдал с ней в это мгновение, как бурно и дико в отчаянном бессилии, выливал он ей всю любовь, всё горе и всё отчаяние.

Он успокоил Ревекку. Обессиленная ещё больше, но счастливая, она говорила ему:

– Нет, Антоний, нам не суждена смерть: я и не замечу, как в <неразб.> порыве перенесёшь ты меня за порог этой жизни.

– А сам перейду с тобой.

– Да, – отвечала Ревекка, – я не знала, что такое любовь, но теперь верю, что перед такой силой и смерть не властна, мы сразу перейдём только к иной жизни. О, какое блаженство в этом сознании, Антоний!»

А это – часть девятая:

«Накануне отъезда заболел scarлатиной маленький Антоний, и Антоний уехал один, потому что времени оставалось так мало уже до выставки.

Для остающихся тяжелее разлука.

Ревекка, проводив Антония, испытывала чувство заживо погребённого человека: так мало воздуха вдруг стало, такая томительная, до готовности кричать, тоска. Каждая мелочь: забытая перчатка, недоконченный эскиз... лестница опустевшей квартиры, по которой она бывало беспечно с Антонием поднималась, останавливалась, что ещё раз заглянуть ему в глаза, – всё мучительно напоминало о дорогом сердцу Антонии. Так дорог, так далёк и так близок, ближе, чем когда бы то ни было, был к ней Антоний теперь.

Так сильно она чувствовала и так не могла привычному чувству приказать объяснить, что нет уже здесь, возле неё, того, с кем привыкла делиться и лаской, и взглядом, и мыслью без слов. А именно теперь она сильнее, чем когда бы то ни было, любила, и сильнее её тянуло к Антонию. Но больной сын держал её прикованной к его кровати.

Болезнь затянулась, и вдруг страшное горе свалилось на голову Ревекки: умер её сын, маленький Антоний.

Обильно льются слёзы за так больно страдавшим малюткой, и мысль об оставшемся Антонии, о том, что ей, её любящей рукой, придётся нанести ему страшный удар, сильнее выжимает слёзы.

Ревекка плакала и страстно торопилась с укладкой, чтобы ехать к Антонию, когда раздался звонок.

– Почтальон! О, от Антония так давно уже нет писем! Письмо, хотя и из-за границы, но не от Антония. Почерк Лии, её подруги! О, какие страшные вещи пишет она! Она видела Антония в церкви, под венцом! О, как судорожно замирает сердце Ревекки, глаза напрасно торопятся схватить ещё что-то в этом страшном письме и передать ошеломлённому мозгу. Ах, далеко Антоний! Боже мой, что ж это?! Напрасно бессильно шепчут побелевшие губы. Ложь, наглая ложь! Уже кривит их невыносимая судорога страданий... Уже бурная горячая волна крови мчится к сердцу и несёт ему смертный приговор: не ложь, а правда, страшная правда – Лия не может солгать. Уж рвётся из груди мучительный стон оскорблённого чувства, ищут глаза то, что сразу вырвет разбитую душу из бессмысленной формы, из чужой уже теперь обстановки этой мастерской, свидетельницы пережитого счастья.

Вон тот забытый кинжал, который когда-то был занесён над картиной... Так пусть же спасётся ценною жизни картина. Пусть сильная рука всадит его в мягкое горло... сильнее... ещё... глубже... туда, где сразу порвутся её мучительным стоном струны оскорблённой души и замолкнут навек... Кончено всё!

Корчись, несчастное тело, выгибайся уродливо, спина, в бессильном усилии исполнить последнюю волю опомнившегося сознания... Рот, раскрывайся напрасно и лови свежий воздух... Падай назад в лужи крови... бейся в ней... летят кровавые брызги в прозрачное синее небо чужой картины. Посыпайте Божьи звёзды, пусть замигают оттуда алые звёзды Антонию...

Опомнись, Ревекка, брось унижающий душу кинжал.

Не жалея, что не видел Антоний дел рук своих, пусть он живёт!»

Как видим, обе приведённые части (а также и три другие, опущенные Гариным при редактировании «Ревекки», представляют интерес сразу в нескольких отношениях. Во-первых, в них тща-

тельно и глубоко прописана психологическая динамика отношений двух героев – Антония и Ревекки: от страстного чувства и боязни потерять друг друга до охлаждения и измены со стороны Антония и отчаяния и готовности пожертвовать жизнью ради наказания неверного возлюбленного со стороны Ревекки. Во-вторых, эти части делают объёмными психологические портреты каждого из героев по отдельности, в результате чего читатель видит перед собой сильную даже в горе и испытаниях Ревекку и эгоистичного, влюблённого в себя самого и лелеющего только свои чувства и ощущения Антония. Наконец, в-третьих, в пяти подглавках рассказа, о которых идёт речь, строится очень последовательная, психологически точная сюжетная линия, из которой хорошо видны мотивировки поступков героев, смены их психологических состояний и т.д.

Что в таком случае заставило Гарина пожертвовать не просто значительной частью написанного, но, по сути, свести рассказ к нескольким не вполне связанным друг с другом частям, оставив от всего сложного рисунка взаимоотношений героев завязку и развязку и превратив рассказ о большой любовной драме двоих – в историю городского сумасшедшего, нарушившего любовную клятву и сурово за это поплатившегося?

На наш взгляд, основная причина, заставившая писателя пойти на это, заключалась как раз в стремлении перенести главный акцент с бытового аспекта драмы на душевный, романтический. Если в том варианте, который был опубликован в «Самарском вестнике», показана вся история сумасшествия героя – его влюблённость в Ревекку и её отказ ответить на чувства иноверца, их последующее сближение и измена Антония, смерть Ревекки и раскаяние её несчастного возлюбленного, то в отредактированном тексте остаются, собственно, только те узловые точки из всей истории, которые позволяют читателю самому достроить до целого повествование о мученике или о мучениках любви, как это и было заявлено в отредактированной же версии посвящения. Муки любви как таковой, а не частная история двух героев – вот что выходит на первый план теперь, в том варианте, который возник ценой отказа от пяти частей рассказа, и эта жертва, по мнению Гарина, оказывается вполне оправданной и стоящей всех сокращений.

Незначительная стилистическая и иная редакция коснулась и заключительных подглавок рассказа также. Здесь, как и выше, писатель добивается максимального лаконизма, сокращая любую субъективность и казавшиеся ему слишком лирическими описания. Так, например, все «промолвила», «проговорила» и т.п. он последовательно меняет на «сказала», а описывая последнюю встречу Антония с уже больной и не встающей с постели возлюбленной, старается сделать это минимумом

штрихов, которые позволили бы читателю самому додумать и увидеть одну из самых принципиальных для всего рассказа сцен: так, от первоначального «целовал уже неподвижную голову своей Ревекки, её мягкие волосы, чувствуя в них ещё искру той, которая на век оставила землю» остаётся лишь «целовал уже мёртвую Ревекку, её мягкие волосы».

Особо следует сказать несколько слов о правке, которой подверглась заключительная часть рассказа, поскольку эта правка коснулась не только стиля, но и в какой-то мере – смысла.

Приведём несколько фрагментов текста заключительной подглавки до и после редактуры.

Фрагмент первый, текст до правки:

«– Она придёт.

Он стал медленно впадать в тяжёлое и сладкое забытие. По замерзавшему телу несчастного разливалось последнее мучительное и жгучее томление.

– Пришла.

Уже в отлетавшем сознании воспоминание о блаженстве и счастии пронеслось в голове успокоившегося навеки Антония.

А оттуда, из мрака ночи...».

И – уже поправленный:

«– Она придёт.

А оттуда, из мрака ночи...».

Фрагмент второй, не поправленный:

«...фигуру безумца. Всю ночь бушевала...».

И – поправленный:

«...фигуру безумца. И с тоскою шептал Антоний: “Но чего же ещё ты хочешь?!”. Всю ночь бушевала...».

А это – фрагмент третий, до редактуры:

«...страдальцем земли. К утру стихла буря...».

И – после:

«...страдальцем земли. – Пришла! – пронеслось в отлетавшем сознании Антония. К утру стихла буря...».

Если внимательно присмотреться к приведённым фрагментам, то можно заметить следующее. В первоначальном варианте Антоний «успокаивается навеки» ещё до ночной бури, а сама буря начинается уже после его смерти. В отредактированном же варианте это «навечно» откладывается ещё на несколько часов, и «приход» ожидаемой безумцем возлюбленной происходит не накануне ночной бури, а непосредственно перед тем, как она стихнет. Существенно ли это? Как нам представляется, да, существенно: прощаясь с героем накануне ночной бури, автор оставался один на один с читателем и вынужден был в дальнейшем брать на себя всю ответственность за изображение кульминационного события рассказа – бурю и крушение мавзолея на могиле Ревекки; оставляя же его в живых ещё на несколько часов, он брал его в союзники и сообщники и позволял читателю самому решить, чья перед ним точка зрения – героя или автора.

Небольшой, но важный сдвиг акцентов происходит и в финале рассказа, являющемся той последней точкой, которая, несомненно, остаётся в памяти читателя и влияет на его восприятие всего рассказа в целом. В газетной варианте рассказ завершается следующим образом: «Всё исчезло под ярким покровом, и только пустое жерло обвалившегося мавзолея уродливо, безмолвно смотрело тёмным глазом в голубой эфир далёкого неба». Редактируя текст рассказа, писатель добавит в это финальное описание всего два слова, но эти два слова существенно изменят смысл всей фразы: «Всё исчезло в этом празднике природы под ярким покровом...». «Праздник природы» – вот что завершает «святочную легенду» Гарина в её новом, отредактированном виде, и этот «праздник природы», конечно, оказывает существенное влияние на всё повествование о безумном «мученике любви»: муки завершаются, а праздник природы вечен и не отменим, несмотря ни на что и вопреки любым бурям и разрушениям.

Таким образом, редактируя текст «Ревекки», Н.Г. Гарин-Михайловский обнаружил, на наш взгляд, талант писателя, стремящегося отточить собственный замысел, довести его до максимальной ясности, избавив от всего лишнего, случайного, необязательного. Этот вывод подтверждают и наблюдения над редакторской правкой двух других рассказов, также впервые опубликованных на страницах самарских периодических изданий, а впоследствии – отредактированных для других переизданий. Речь идёт о рассказе «Адочка», впервые увидевшем свет на страницах «Самарской газеты» в 1898 году, и о рассказе «Гений», также опубликованном в «Самарской газете» в 1901 году.

Первый из рассказов, «Адочка», опубликованный в «Самарской газете» в апреле 1898 года (Самарская газета. 1898. 5 апреля. № 74. С. 2–3), воспроизводился затем в собраниях сочинений издательства «Знание» (1911), издательства «Освобождение» (1914) и издательства А. Маркса (1916). Как в своё время отметила И.М. Юдина, «в последнем он датирован 1898 годом», а «тексты публикаций совпадают» (Гарин-Михайловский 1958, с. 698). В собрании сочинений 1957–1958 гг. рассказ публикуется без упоминания о его самарской публикации (упоминание о самарской публикации этого рассказа имеется здесь: Юдина 1969, с. 153; правда, в библиографическую ссылку И.М. Юдиной закралась неточность: вместо «Самарской газеты», где рассказ был помещён, его был назван «Самарский вестник»).

Отличия между двумя вариантами касаются в данном случае очень многих моментов – от композиции рассказа и имён всех его героев, за исключением главной героини, Адочки, до стиля и некоторых других разночтений отдельных фраз и целых фрагментов.

В первоначальном варианте, увидевшем свет на страницах «Самарской газеты», – пять частей, а в отредактированном, книжном, – на одну меньше: части третья и четвёртая здесь объединились в одну. Прежняк превратился в Иванова, его сестра Варвара Павловна – в Марью Павловну, а муж последней, дядя Серёжа, – в дядю Ваву.

Далее остановимся на каждой из частей рассказа.

Очевидно, что, редактируя первую из них, писатель стремился, прежде всего, свести к минимуму всю риторику и обобщения, которых достаточно много в более позднем тексте, начиная от первой же фразы («Несчастье за несчастьем преследовали этого человека») и следующих вскоре за ней пространственных рассуждений о «свойствах славянской натуры» («Давно уже на Руси живёт целый громадный класс интеллигентного люда – в материальном отношении без всякого завтра, с совершенно случайным сегодня. Это сила и большая сила, но пока разбросанная и бессильная – каждый в своём одиночестве. Тут уж причины в основных свойствах славянской натуры») и вплоть до тонкостей биографии героя, который в первоначальном варианте «подозреваемый в чём-то, попал сперва в тюрьму, затем в ссылку», и только потом «ему разрешено было возвратиться обратно в Россию». Отдельные намёки на «политическое прошлое» героя будут встречаться и далее в первоначальном тексте рассказа, например – в суждениях мужа сестры героя, который, узнав шурина ближе, будет говорить о нём так: «Очень сердечный человек... Если б не свихнулся на политике... Но хороший человек...». Из отредактированного текста исчезнут как «свойства славянской натуры», так и «политика», а превратившийся в Иванова Прежняк окажется довольно банальным провинциалом, которого «судьба... треснула по затылку». Соответственно, судьба героя и обстоятельства его жизни уходят на второй план, оставляя на первом только одну героиню – его дочь.

Остальные замены и сокращения, произведённые в части, открывающей рассказ, носят частный характер и объясняются или сюжетными требованиями (так, несколько экзотический «дифтерит», унесший жизни матери и брата Адочки, заменяется более частым, а поэтому и понятным читателю «тифом»), или стремлением писателя уйти от того, чтобы размышлять над сказанным вместо читателя и за него: абзац, завершающий эту часть рассказа («И Прежняк, любящий по натуре, до безумия любил свою дочь. А со смертью жены и сына в ней воплотилось всё для него. Вся любовь к жене, переработанная в каком-то высшем горниле, перешла на дочь. И когда эти два существа смотрели друг на друга, всякий чувствовал, что они, действительно, близки друг к другу и связаны самой возвышенной на земле, самой одухотворённой любовью»), сво-

рачивается до единственной фразы: «И Иванов до безумия любил свою дочь».

Надо заметить, что редакция, которая, при всём искусстве автора, осуществляется «по живому», не проходит бесследно для некоторых его сюжетных и смысловых моментов текста. Так, если в первоначальном варианте в жизни Прежняка случались «долгие, по полгода, разлуки» с детьми, за которыми стояли, по-видимому, какие-то обстоятельства, связанные с его занятиями политикой, то теперь эти «разлуки» превратились в одну-единственную («долгие полгода разлуки»), но никак не объяснённую автором и поэтому вызывающую недоумение у читателя. Впрочем теперь – и Гарин настаивает на этом особенно твёрдо – ни это, ни многие другие обстоятельства больше не имеют значения, ибо рассказ о Прежняке-Иванове превращается в отредактированном виде, в основном, в рассказ об Адочке.

Изменения, сделанные писателем во второй части рассказа, касаются, прежде всего, изображения семьи сестры героя, Варвары Павловны, ставшей теперь, как мы уже видели, Марьей Павловной, и её мужа, дяди Серёжи – дяди Вавы.

В первоначальном варианте и муж Варвары Павловны, и его отношение к зятю описывались довольно подробно и обстоятельно («Муж её служил, аккуратно приходил со службы, любил поехать, поиграть в карты, был благодушен, спокоен, когда судил о других, то всем ясно было, что сам себя он считает и самым умным, и самым образованным, хотя и трёх книжек на своём веку не прочёл. Не имея никакого, даже отдалённого представления о мировоззрении шурина своего, Прежняка, он покровительственно говорил: “Идеалист. Несчастливые люди!”». Но сестра любила брата и прибавляла: “Но он, Серёжа, такой добрый, самый добрый из нас”. На что её Серёжа отвечал: “Ну, уж второй такой добрюхи, как ты, нет”»). Теперь, после редактирования, вся довольно непростая гамма отношений в семье родственников Иванова оказывается снята, а характеристика мужа его сестры сокращается до минимума: «Муж где-то служил, аккуратно ходил на службу, любил поехать, поиграть в карты». Полагаем, что мотив, лежащий в основе этих сокращений, тот же, что и выше: стремление писателя избавить повествование от любых деталей и подробностей, которые могли бы составить конкуренцию сюжету и характеристике его главной героини – Адочки.

Третья и четвёртая части первоначального варианта, как уже было сказано, объединились в процессе редактирования в один, при этом первая из них подверглась существенному сокращению. Собственно, от всей третьей части, в которой рассказывалось о переменах в жизни и привычках тётки и дяди девочки, произошедших под её влиянием, в новом, отредактированном, тексте

осталось всего несколько строчек, относящихся к переменам в мироотношении тётки; вся же дядина история редуцирована до одной фразы: «Даже дядя Вава, всегда дороживший своим покоем, ворчавший сперва по поводу осложнившейся жизни, привязался к девочке и, теребя её, с удивлением повторял: “Ах, ты, черномазая, не отстанешь от неё...”». В бывшей четвёртой части, теперь также вошедшей в третью, сделано довольно много поправок, в большинстве своём частного характера. Пожалуй, не частной является лишь одна сюжетная поправка: если в первоначальном варианте отец Адочки вынужден был задержаться по делам вдаль от дочери и через два дня, и после получения самой последней телеграммы о её болезни, продиктованной уже самой Адочкой, то теперь, в отредактированном тексте, он выезжает «в тот же день... обратно». Различия коснулись и финальной точки бывшей четвёртой части: до редактирования на месте этой точки – целое многоточие риторического характера («Дорогу же детскому счастью, широкую дорогу! Весь мир, вся правда земли за них!»), после редактирования – гораздо более лаконичное «Дорогу, дорогу детскому счастью, широкую дорогу!..», где нет больше ни «всего мира», ни «всей правды земли».

Наконец, пятая, заключительная, часть первоначального варианта рассказа, увидевшего свет в «Самарской газете», превращается после редактирования в четвёртую. Изменений здесь не очень много, что говорит о том, что эта, кульминационная, часть, скорее всего, была тщательно выписана Гариним уже в момент создания рассказа и потом почти не поправлялась в отличие от предыдущих частей, подвергшихся такой правке. Вместе с тем даже те немногие редакторские изменения, которые всё же были сделаны, обо многом говорят и позволяют сделать любопытные выводы.

Вот, например, как изображался момент встречи отца и дочери в варианте, опубликованном в газете: «Чи-то шаги в коридоре приближались, – в дверях стоял отец. Теперь началось что-то, что сознаётся уже потом. В такие же мгновения все, как во сне. Жили только двое: дочь и отец. Они смотрели друг на друга: казалось, у них только и остались глаза, эти глаза говорили, и все слышали этот разговор». А это – та же встреча, но уже в отредактированном варианте текста: «Уже все услышали теперь чи-то шаги в коридоре: в отворённых дверях стоял отец. Дочь и отец смотрели друг на друга. Казалось, у обоих только и остались глаза. Они говорили ими». Очевидно, что если в первоначальном варианте Гарин старается «подсказывать» своему читателю, как ему реагировать на рассказанное и что он должен чувствовать, то в процессе редактирования он стремится избавиться, прежде всего, от всех этих подсказок: герои действуют – автор рассказывает – читатели ощу-

щают и реагируют, – так это видится писателю, делающему действия героев говорящими сами за себя, а текст – текст более упругим и лишённым рефлексивных провисаний.

Подвергается правке и финальный аккорд рассказа.

Во-первых, одетая в новое платье, Адочка первого варианта так и не дожидается ничьей реакции на это, в результате чего обновка оказывается как бы и не совсем оправданной, лишь только подчёркивая её несоответствие моменту страшного заболевания ребёнка («Адочка в платье. Она ещё страшнее. Из ран её сочится кровь. Она нервно перебирает, как у обезьянки хрящевой маленькой ручкой, оборку платья и не сводит своих страшных глаз с отца»); в отредактированном варианте кровь, которая сочится из ран, исчезает, а вот зато реакция бессильного что-либо выговорить отца и выдавливающей из себя несколько одобрительных слов тётки появляется в тексте («Адочка в платье. Она ещё страшнее. Она нервно перебирает исхудавшей маленькой, как у обезьяны, ручкой оборку платья и смотрит своими страшными, напряжёнными глазами на отца. Она надела своё платье к его приезду, она ждёт одобрения отца. Отец ничего не в силах сказать; он, молча, целует её ручку. Тётя Маша дрожащим голосом говорит: “Ах, какая красавица, какая хорошенькая наша Адочка...”»).

А во-вторых, Гарин расставляет акценты в том, что ждёт героиню после того, как будет поставлена последняя точка в тексте рассказа: если в первоначальном виде в рассказе есть некая незавершённость, оставляющая больше места для предположений о том, будет ли героиня жить, или это только желание её близких, отца и тётки («Она опять смотрит на тётю Варю и шевелит губками: “Мо-ло-ка...”. Молока?! За пять дней в первый раз?! Будет жить!! Отец, счастливый, смотрит на дочь. “Молока!!” – как-то ревёт тётя Варя и уже настоящим ураганом несётся за молоком»), то в отредактированном тексте всё иначе, и теперь это же не желание выдать воображаемое за действительное, а констатация, звучащая из уст врача («Адочка опять закрывает глаза. Несколько мгновений длится томительное молчание. Лицо Адочки ещё больше темнеет, но потом сразу покрывается краской, а на лбу выступает испарина. Адочка глубоко-глубоко вздыхает; она открыла глаза, ищет тётю Машу. “Что?” – испуганно наклоняется к ней тётя Маша. “Мо-ло-ка...”. «Ка» вылетает болезненным писком. “Кризис миновал, – будет жить”, – раздаётся напряжённый, радостный голос доктора. “Молока!” – уже как-то ревёт тётя Маша и настоящим ураганом несётся сама за молоком»).

Итак, рассмотрев два варианта рассказа «Адочка» – до и после его редактирования писателем,

мы можем констатировать следующее. Из правки рассказа видно, как, работая над ним, писатель последовательно избавлялся от двух в чём-то сопутствующих друг другу, а в чём-то – противоположных моментов. Первый из этих моментов – уже отмечавшаяся нами риторика и риторические обобщения, касающиеся свойств «славянской натуры», «правды земли» и т.д. Второй момент – это, видимо, конкретика, послужившая отправной точкой для работы над рассказом и теперь ощущавшаяся писателем как ненужное и тяготившее его наследство: видимо, здесь надо искать причины предпринятой писателем замены имён героев, редуцирование некоторых подробностей из жизни отца и дяди Адочки и т.д. Редактирующему рассказ Гарину предстояло решить одну главную задачу, и именно к этому он и стремился: правда жизни должна была стать художественной правдой, которая говорила бы сама за себя и на своём собственном языке, имеющем мало общего как с конкретикой реальных событий, так и с попытками риторических обобщений и философских выкладок. Удалось ли писателю решить эту задачу? Полагаем, что да, и именно это обстоятельство и сделало текст небольшого рассказа, каким стала отредактированная «Адочка», сюжетно-цельным, лишённым каких бы то ни было топтаний на месте и неоправданных провисаний, и смыслоёмким и очень точно эмоционально воздействующим на своего читателя даже сейчас, спустя больше ста двадцати лет после создания.

Наконец, переходим к разговору о рассказе «Гений», который републикуется в собрании сочинений 1957–1958 гг. также без упоминания о его самарской публикации; при этом в примечаниях оговаривается, что в собрании сочинений издательства А. Маркса (1916) рассказ датируется 1901 годом и что его «первая публикация не выявлена» (Гарин-Михайловский 1958, с. 711–712). Рассказ в самом деле, судя по всему, был написан в 1901 году и впервые увидел свет на страницах «Самарской газеты» в октябре того же года (Самарская газета. 1901. 11 октября. № 222. С. 2) [упоминание об этой публикации имеется здесь: Юдина 1969, с. 179].

Первое отличие газетного варианта от более позднего, отредактированного, касается, как и в предыдущем случае, композиционной структуры. Если в первоначальном варианте текст состоит из четырёх частей, то в отредактированном – на одну часть больше. Остальные правки носят в основном стилистический характер, лишь иногда выходя за рамки стиля и касаясь семантики. Так, если в варианте «Самарской газеты» говорится о том, что «все в городе знали старого громадного еврея с большой бородой, с длинными всклокоченными, как львиная грива, волосами, которые от старости были желты, как слоно́вая кость», то

в отредактированном варианте борода и волосы меняются местами. Такая перестановка внутри одной и той же семантической структуры стала, как нам представляется, следствием замеченной Гариним смысловой перегрузки во второй части и недостаточной художественности в первой: если в первоначальном тексте борода была просто большой, а характеристика волос складывалась из четырех подчинительных предложений, то после редактирования Гарин приходит к семантическому балансу внутри предложения, где и бороде, и волосам принадлежит одно и то же количество описательных элементов: «Все в городе знали старого громадного еврея с длинными, всклокоченными, как львиная грива, волосами, с бородой, которая от старости была желта, как слоно́вая кость».

Следующая редакторская правка, которой подвергся текст «Гения», связана с его субъектной организацией, а именно – с тем, как Гарин противопоставляет внутренний мир героя миру внешнему. В «Самарской газете» читаем: «Проходили годы, поколения сменялись поколениями, а по улицам всё так же медленно двигалась торжественная безучастная фигура старого еврея. Неслись с грохотом экипажи, озабоченной вереницей торопились мимо него прохожие, мальчишки бежали за ним, смеясь и улюлюкая, а старый еврей, торжественный и безучастный, шёл со взглядом, устремлённым куда-то вверх, точно он видел там что-то такое, чего другие не видели». Отметим здесь отсутствие той же семантической точности, что и в прошлом фрагменте: «фигура старого еврея» постоянно пропадает в тени смеющихся мальчишек и грохота экипажей. В отредактированном варианте Гарин, заметивший этот семантический сумбур, помогает своему герою возникнуть перед читателем, очерчивая его появление (причем как семантически, перемещая описание героя из первой во вторую часть предложения, так и графически – знаком тире и союзом-противопоставлением «а»).

Отметим изменения семантического акцента и в следующем фрагменте: в первоначальном варианте «...старый еврей, торжественный и безучастный, шёл со взглядом, устремлённым куда-то вверх, точно он видел там что-то такое, чего другие не видели», в отредактированном – «старый еврей, торжественный и безучастный, всё также двигался по улицам с устремлённым взглядом туда вверх, точно он видел там то, чего другие не видели». В обоих вариантах фигурирует эпитет «устремлённым», однако если в первом случае устремленность взгляда нивелируется направлением – «куда-то», лирическим сравнением «точно...» и объектом «что-то такое», то в отредактированном издании устремленность взгляда наоборот начинает подкрепляться указательным местоимением

«туда» и наличием точной, скрытой от глаз обывателя, цели созерцания – «видящим то, чего другие не видели».

Интересен с точки зрения формирования точного, лишённого чрезмерной лирики, стиля Гарина и фрагмент текста, помещённый почти в самом конце рассказа. В варианте «Самарской газеты» встречи героев – старого еврея и учителя математики – описываются следующим образом: «В часы отдыха старый еврей, по-прежнему невозмутимый и безучастный, молчаливый и торжественный, с взглядом наверх ходил по улицам города. Иногда рядом с ним, на вьющую потеху ребятишек, шагал другой урод города – маленький, с лицом обезьяны, учитель математики. Они шли молча, молча расставались, и старый еврей, ничего не замечавший, долго смотрел вслед уходящему». После редакции этот фрагмент был значительно сокращен: теперь автор избегает таких лирических описаний как «по-прежнему невозмутимый и безучастный, молчаливый и торжественный», «долго смотрел вслед уходящему», и если первая часть описания в отредактированном тексте не представлена совсем, то вторая превращается в лаконичное «...только на прощание пожимали друг другу руку». Заметим, что Гарин сокращает преимущественно те фрагменты текста, которые оказываются лишены символизма, поэтому почти не влияют на смысл, воздействуя только эмоционально; выбирая между чувством и смыслом, писатель выбирает последнее, жертвуя эмоциями ради самих эмоций.

Расходятся в двух вариантах текста и эпизоды, завершающие рассказ: в первоначальном варианте Гарин пишет: «Всё было кончено. С беспредельной пустотой в душе, чуждый волновавшейся вокруг него жизни, ходил старый еврей по улицам города». В отредактированном появляется новая деталь – книга, которая одновременно и «оживляет» действие (то закрываясь, то открываясь в руках героя), и становится символической и смысловой точкой рассказа («Он закрыл книгу, и всё было кончено. Всё было доказано. Это знал он один. Чуждый волновавшейся вокруг него жизни, ходил старый еврей по улицам города, с бесконечной пустотой в душе. Однажды нашли старого еврея мёртвым в его конуре. В застывшей позе он, как изваяние, лежал, облокотившись на руки. Густые пряди цвета пожелтевшей слоновой кости волос рассыпались по лицу и плечам. Глаза его смотрели в раскрытую книгу, и, казалось, после смерти ещё читали её»).

Сопоставив два варианта рассказа «Гений», мы можем сделать следующие выводы. Работая над рассказом, Гарин работал и над собой как над художником, двигаясь от слова к смыслу и от эмоции к образу. Это движение становится основным вектором развития действия как в рассказе «Гений», так в творчестве Гарина в целом.

Заключение

Завершая наши наблюдения, считаем необходимым подчеркнуть следующее. В силу различных причин писательская деятельность Н.Г. Гарина-Михайловского плохо укладывается в сложившееся представление о сколько-нибудь систематичном труде, наряду с живыми наблюдениями включающем в себя время их обдумывания, работы в библиотеках и архивах, неторопливое доведение замысла до его завершения, неоднократное редактирование и т.д. И жизнь, и писательское творчество Гарина были жизнью на лету, между тысячами разных дел, проектов и планов. Отсюда – объективные трудности, перед которыми всегда останавливались его исследователи, не имеющие под рукой ни писательской библиотеки, ни разобранного эпистолярия, ни рукописей многих произведений. Как раз в этом случае на помощь и приходят варианты, позволяющие «диахронически прочесть синхронический “окончательный” текст произведения, увеличить число наблюдаемых объектов-моментов, – интерполировать текст, придать ему дополнительное измерение, получить представление о динамике текста и полнее, правильнее его понять» (Гришунин 1998, с. 170).

«Вариативность текста поучительна» (Вьюгин 2009, с. 564), – утверждает исследователь, и с этим утверждением трудно поспорить. Полагаем, что такое прочтение максимального корпуса вариантов гаринских текстов является одной из первоочередных задач для будущих составителей Полного собрания сочинений писателя Н.Г. Гарина-Михайловского. Своё заметное и очень неординарное место в этом перепрочтении Гарина займут и те его сочинения, которые впервые увидели свет на страницах выходивших на рубеже XIX–XX вв. в Самаре периодических изданий.

Фактический материал

Гарин-Михайловский Н. Г. Собрание сочинений: В пяти томах. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957–1958.

Самарская газета. 1898. № 74. 5 апреля.

Самарская газета. 1901. № 224. 13 октября.

Самарский вестник. 1896. № 273. 25 декабря.

Библиографический список

Goldstein, K. (1963), *Human Nature in the Light of Psychopathology*, Schocken, N.Y., USA.

Žižek, S. (1993), *Grimassen des Realen: Jacques Lacan oder die Monstrosität des Aktes*, Kiepenheuer und Witsch, Köln, Germany.

Вьюгин В. Идеальная текстология (Несколько замечаний к теории и практике критики текста) // Текстологический временник. Русская литература

XX века: Вопросы текстологии и источниковедения. Москва: ИМЛИ РАН, 2009.

Галяшин А.А. Гарин-Михайловский в Самарской губернии. Куйбышев: Куйбышевское книжное издательство, 1979.

Гордович К.Д. Н.Г. Гарин-Михайловский и писатели-современники. Учебное пособие к спецкурсу. Хабаровск, 1984.

Гордович К.Д. Н.Г. Гарин-Михайловский: личность и творчество. Санкт-Петербург: Петроний, 2014.

Гришунин А.Л. Исследовательские аспекты текстологии. Москва: Наследие, 1998.

Лукина В.А. Новонайденный белой автограф рассказа И.С. Тургенева «Бригадир»: хронология и текстология // Русская литература. 2020. № 1. С. 112–117.

Н.Г. Гарин-Михайловский в воспоминаниях современников / Сост. и авт. примеч. И.М. Юдина. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1983. 303 с.

Соломински Е. Яков Тейтель. Заступник гонимых. Судебный следователь в Российской империи и общественный деятель в Германии. Санкт-Петербург: Алетей, 2020.

Тынянова Л. Неукротимый Гарин. Повесть. Москва: Детская литература, 1974.

Юдина И.М. Н.Г. Гарин-Михайловский: Жизнь и литературно-общественная деятельность. Ленинград: Наука, 1969.

Vyugin, V. (2009), *Idealnaya textologiya* (Several remarks on the theory and practice of text criticism), *Textual Vremennik. Russian Literature of the 20th Century: Questions of Textual and Source Studies*, IMLI RAN, Moscow, Russia.

Galyashin, A. (1979), *Garin-Mikhailovsky in the Samara province*, Kuibyshev book publishing house, Kuibyshev, USSR.

Gordovich, K.N. (1984), *Garin-Mikhailovsky and contemporary writers. The textbook for the special course*, Khabarovsk, Russia.

Gordovich, K.N. (2014), *Garin-Mikhailovsky: personality and creativity*, Petroniy, St. Petersburg, Russia.

Grishunin, A. (1998), *Research aspects of textual criticism*, Heritage, Moscow, Russia.

Lukina, V.A. (2020), Newly found white autograph of I. Turgenev's story «The Brigadier»: Chronology and Textology, *Russian Literature*, no. 1, pp. 112–117.

Yudina, I. (1983), *N. Garin-Mikhailovsky in the memoirs of contemporaries*, Zapadno-sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, Novosibirsk, Russia.

Solominski, E. (2020), *Yakov Teitel. Protector of the persecuted. Judicial investigator in the Russian Empire and public figure in Germany*, Aletheya, St. Petersburg, Russia.

Tynyanova, L. (1974), *Indomitable Garin. Tale*, Children's literature, Moscow, Russia.

Yudina, I. (1969), *N. Garin-Mikhailovsky: Life and literary and social activities*, Nauka, Leningrad, USSR.

References

Goldstein, K. (1963), *Human Nature in the Light of Psychopathology*, Schocken, N.Y., USA.

Žižek, S. (1993), *Grimassen des Realen: Jacques Lacan oder die Monstrosität des Aktes*, Kiepenheuer und Witsch, Köln, Germany.

Submitted: 01.05.2022

Revised: 17.09.2022

Accepted: 27.09.2022

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 82-3

DOI: 10.18287/2782-2966-2022-2-3-81-86

Дата поступления: 02.07.2022
рецензирования: 17.09.2022
принятия: 26.09.2022

К.И. Морозова

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: kseniamorozowa@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2911-5621>

О дивный новый мир А.К. Гольдебаева

Аннотация: в настоящей статье предпринят анализ творческого замысла фантастического произведения А.К. Гольдебаева «Без летоисчисления», который был описан в «дневнике» писателя. Сопоставляя фабульные каркасы некоторых опубликованных повестей и рассказов Гольдебаева, таких как «В чём причина?» («Ссора») (1903), «Подонки» (1904), «Подлое состояние» (1906), «Летний отдых» («В степи») (1907), «Галчонок» (1910), «Мама ушла» (1910), «Гномы» (1911), автор статьи приходит к выводу, что по задумке роман или рассказ «Без летоисчисления» должен был содержать в себе решение всех проблем, затронутых литератором на разных творческих этапах. Так, писатель моделирует идеальный, утопический, по его мнению, мир, очищенный от пороков и проблем современного ему общества, среди которых бедность, болезни, проституция, любовные измены и, как следствие, несчастные дети. Основными методами исследования в статье являются сравнительно-сопоставительный и структурный. Новизна научной работы обусловлена тем, что её автор является первым исследователем, во-первых, обратившим внимание на фабулу произведения, описанную в не представленном широкому читателю «дневнике» писателя, а во-вторых, сопоставившим творческий набросок с уже опубликованными произведениями и раскрывшим его глубинный смысл. Стоит отметить, что, вполне возможно, фабула итогового варианта, хранящегося в виде рукописи в Российском государственном архиве литературы и искусства, кардинальным образом отличается от наброска. Таким образом, автор статьи подчеркнул ценность и серьёзность проблематики «литературного скетча», кажущегося, на первый взгляд, наивной фантазией писателя.

Ключевые слова: А.К. Гольдебаев (Семенов); Абрам Хорощ; провинциальная фантастика; утопия.

Цитирование: Морозова К.И. О дивный новый мир А.К. Гольдебаева // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2022. Т. 2, № 3. С. 81–86. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-3-81-86>.

Благодарности: автор выражает благодарность доктору филологических наук, профессору кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королёва М.А. Перепелкину за оказанную помощь в проведенном исследовании и знакомство с ценным историческим документом – «дневником» А.К. Гольдебаева.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Морозова К.И., 2022 – старший преподаватель кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

K.I. Morozova

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: kseniamorozowa@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2911-5621>

Oh brave new world of A.K. Goldebaev

Abstract: this article analyzes the creative concept of the fantastic work of A.K. Goldebaev "Bez letoischiisleniia" ["Without chronology"], which was described in the "diary" of the writer. Comparing the plot frames of some of Goldebaev's published novels and stories, such as "V chem prichina?" ("Ssora") ["What is the reason?" ("Quarrel")] (1903), "Podonki" ["Scum"] (1904), "Podloe sostoianie" ["Mean Condition"]

(1906), "Letniy otdykh" ("V stepi") ["Summer Vacation" ("In the prairie")] (1907), "Galchonok" ["Young jackdaw"] (1910), "Mama ushla" ["Mom is gone"] (1910), "Gnomy" ["Gnomes"] (1911), the author of the article comes to the conclusion that, according to the idea, the novel or story "Bez letoisчисleniia" ["Without chronology"] should have contained a solution to all the problems raised by the writer at different creative stages. Thus, the writer models an ideal, utopian, in his opinion, world, cleansed of the sins and problems of contemporary society, including poverty, illness, prostitution, adultery and, as a result, unhappy children. The main research methods in the article are comparative and structural. The novelty of the scientific work is, firstly, in the attention to the plot of the work, described in the writer's "diary" not presented to the general reader, and secondly, in comparison of the creative sketch with the already published works, that reveals its deep meaning. It is worth noting that it is quite possible that the plot of the final version, stored in the form of a manuscript in the Russian State Archive of Literature and Art, is fundamentally different from the sketch. Thus, the author of the article emphasized the value and seriousness of the problems of the "literary sketch", which, at first glance, seems to be a naive fantasy of the writer.

Key words: A.K. Goldebaev (Semenov); Abram Khorosh; provincial fantasy; utopia.

Citation: Morozova, K.I. (2022), Oh brave new world of A.K. Goldebaev, *Semioticheskie issledovaniia. Semiotic studies*, vol. 2, no. 3, pp. 81–86, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-3-81-86>.

Acknowledgments: the author expresses her gratitude to M.A. Perepelkin, Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara National Research University for the assistance provided in the study and acquaintance with a valuable historical document – the "diary" of A.K. Goldebaev.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© **Morozova K.I., 2022** – Senior Lecturer, Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara National Research University, 34, Moscovskoye shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Александр Кондратьевич Гольдебаев (Семёнов) – писатель и журналист, редактор «Газеты для всех» («Самарской газеты для всех»), издававшейся в Самаре в 1910–1912 гг.

Гольдебаев оставил после себя довольно внушительное творческое наследие: газетные публикации, рассказы, повести, романы, три тома собрания сочинений и несколько десятков произведений, которые не были изданы. Он публиковался в крупнейших журналах рубежа веков – «Русская мысль», «Образование», «Знание». Лично и заочно знакомый с рядом известных писателей, среди которых А.П. Чехов, М. Горький, А.Р. Крандиевская, З.Н. Гиппиус, М.А. Кузмин, В.И. Иванов, Гольдебаев сегодня оказался совсем забытым и вычеркнутым из истории литературы рубежа веков.

Пожалуй, единственные опубликованные источники, содержащие хоть какую-то информацию о писателе, – «Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей» И.Ф. Масанова, мемуары дочери литератора М. Вешневой-Белл, первый том биографического словаря «Русские писатели. 1800–1917», примечания А.П. Чудакова в 18-м томе собрания сочинений А.П. Чехова.

Один из источников сведений о сюжетах из личной жизни писателя – его «дневник», который сегодня хранится в Самарском литературно-мемориальном музее имени М. Горького. Конечно, называть этот документ «дневником» будет не совсем правильно, так как записи делались нерегулярно и

не всегда с целью зафиксировать важные события, а, прежде всего, осмыслить их. Характерная особенность содержания «дневника» – наличие отдельных «глав», посвящённых различным лицам, событиям из жизни знакомых автора, творческим замыслам и т.д.

В числе тех, кого «запомнил» гольдебаевский «дневник», значился еврей Абрам Исаич Хорош. Своему другу писатель даже посвятил произведение. Оно не было опубликовано (рукопись хранится в Российском государственном архиве литературы и искусства), но его фабула очень подробно расписана всё в том же «дневнике». Творческий замысел этого произведения рождается у Гольдебаева 23 января 1921 года. Во всяком случае, именно тогда появляется запись о нём: «Последние дни, под впечатлением грубых придинок, я хвораю, лежу, не выхожу, опустил руки. Сердце не годится. Боюсь внезапной смерти. А мне так хотелось пожить и поработать! Главным образом, написать давно задуманную, частями, отрывками, записанную вещь: “Без летосчисления” и “Токмо”. Эти две вещи я написал бы с любовью. Первый роман (или рассказ – всё равно) задуман так. Некто просыпается от тяжёлого сна, приходит в себя, осознает себя Абрамом Исаичем Хороше» (Дневник).

Ход исследования

Для начала скажем несколько слов об истории знакомства Александра Гольдебаева и Абрама Хороша, которая описана в мемуарах писателя: «Абрам, действительно близкий кружку Долгова,

через Гришу Гроссмана, конечно, быстро сблизился с Бруннингом и с его пассией, Верой Николаевной, бывал у ней, ходил колесом, а я уже успел влюбиться в Веру Николаевну. И не прошло и полгода, как мы с Абрамом стали горячими друзьями, как будто век были знакомы» (Дневник).

Имя Абрама ещё не раз появится на страницах «дневника» писателя. Но больший исследовательский интерес в рамках настоящей статьи заслуживает тот, в котором раскрывается творческий замысел будущего произведения: главный герой Абрам Исаич Хорош «<...> проснулся от долгого анабиотического усыпления, пробыв в нём не одну тысячу лет <...>. <...> Абрам узнает, что опыт, сделанный самарскими учеными-любителями, Михаилом Ивановичем Сумгиным, и Цвиниевым вполне удался: анабиотированный проспал целые тысячелетия, угодивши под специальное и тщательное наблюдение учёной комиссии об усыпленных, которых насчитываются целые сотни. Спящего берегли, следили за состоянием его здоровья, помещением, тщательнейшим и научнейшим образом, пока не нашли возможным привести и его в себя <...>» (Дневник).

Учитывая исторический контекст жизни и творчества Гольдебаева, с полной уверенностью можно заявить, что обращение писателя к фантастическому вызван стремлением «сбежать» от реальности – «эпохи перелома, кризиса в идеологии, эпохи не органически-творческой, а критической, в подлинном смысле этого слова» (Неведомский 1919, с. 150).

Противоречивость этого исторического периода осложнялась личной трагедией писателя. В 1919 году он похоронил жену, повзрослевшие сыновья разъехались, сестры пытались завладеть домом в Зубчаниновке в то время, как сам Гольдебаев на старости лет ютился в жалкой комнатухе с младшей дочерью Алёнкой. Из-за страшного голода, охватившего Поволжье, жили они впроголодь, еле сводя концы с концами.

Стоит отметить, что «рубеж XIX–XX веков отмечен новым сдвигом в содержании и формах фантастики, обусловленным кризисом религии и становлением научного мышления. Целостное художественное воплощение обобщённой картины социальных противоречий становится осознанной функцией фантастики, а поиски их разрешения происходят в пределах самой действительности» (Долгина 2009, с. 22).

Итак, вернёмся к анализу фабулы произведения «Без летоисчисления» и выясним, какие социальные «недуги» Гольдебаев пытался «исцелить». Так, перенесшийся на несколько тысячелетий вперёд гольдебаевский персонаж, исследуя «новые формы жизни наших отдалённых потомков», обнаруживает «главную черту их существования» (Дневник) – «полное отсутствие забот о пище,

одежде, топливе, оплате материальных, чувственных удовольствий, развлечений, нужд и полное безразличное погружение, целым человечеством, в разрешение тайны бытия. В сутках не менее 20 часов свободы для изучения души, сущности вещей» (Дневник).

Избавление от физиологических и эмоциональных потребностей, отмена товарно-денежных отношений, по мнению писателя, освободят духовные силы человека, которые необходимо непременно направить на достижение общего блага. Ведь естественный прогресс общества заключается в развитии человеческих качеств и в их стремлении одержать вверх над животной стороной. Это и есть цивилизация. Подобная жизненная стратегия в полной мере укладывается в рамки философии позитивизма. Исходя из аксиомы О. Конта (всякое совершенство состоит в единстве), следует, что «вся жизнь человечества и отдельных людей должна направляться к единственному предмету и слагаться в систему средств, направленных к одной и той же цели. Конт не допускал мысли, что человечество, состоящее из индивидуумов, может достигнуть большего благополучия, если каждый станет искать собственного счастья, даже при условии благополучия всех остальных» (Корсаков 2012, с. 82). Вероятно, Гольдебаев руководствовался этим при создании некоторых сюжетов. Например, в рассказе «В чём причина?» («Ссора») (1903) герои вместе совершили благое дело – спасли ребенка из-под колёс поезда, но ситуация с дележом вознаграждения обесценила их поступок и привела к серьёзной ссоре.

Далее Абрам выясняет, что через тысячелетия любовь тоже претерпит некоторые изменения: «<...> любят все всех, а не индивидуально, не парочками, – есть одна лишь любовь во всех, – к познанию себя в человечестве, к изучению целей мироздания, к Богу. Но те, кто не прочь продлить человеческий род, могут влюбляться, жениться, родить детей. Но люди, желающие стать родителями, – а их статично определяют в строгом процентном отношении, не превышающему пяти, что не превышает процента смертности, обязаны считаться с наличностью населения планеты, и если она максимальна, то обязаны выждать лет по двести очередь, что совсем не трудно, так как люди живут по тысяче лет, и умирают лишь для земной, но не мировой жизни, так как они улетают, по идее Циолковского, в мировое пространство. Умиравших от старости или от нежелания дольше жить очень немногие» (Дневник).

Так, отказ от любви в «старой её форме» приведёт к тому, что по сути женщина и перестанут интересоваться друг друга. Например, к Хорошу «поставлена одна девица, принявшая на себя ученую миссию ввести Абрама в новую жизнь <...>. Абрам выражает опасение, что эта девица, будет

стеснять его, мужчину» (Дневник), но его поспешили успокоить – она «совершенно свободна от тех предрассудков, которых был бы Абрам в праве ждать от одной из своих современниц» (Дневник). Писатель считает, что это позволит «вылечить» сразу несколько «хронических болезней» – супружеские измены, проституция и брошенные дети.

Вообще, тема взаимоотношения полов, беспокоившая писателя с юных лет (всё из-за отца-деспота, который издевался над женой, регулярно изменял ей и грубо обращался с сыном), проходила через всё творчество писателя.

Например, в каждой части своей так называемой «автобиографической трилогии», образованной тремя повестями – «Подонки» (1904), «Подлое состояние» (1906) и «Летний отдых» («В степи») (1907) – Гольдебаев показывает разные модели взаимоотношений между мужчиной и женщиной.

Так, в повести «Летний отдых» перед нами ситуация, в которой мужчина любит, женщина – нет, в повести «Подлое состояние» – все с точностью наоборот. В повести «Подонки» Гольдебаев моделирует третий тип отношений – «нелюбовный треугольник», роли в котором распределяются так, что по-настоящему любит только один.

Отдельные вопросы этой животрепещущей темы находили отражение в сюжетах многих произведений писателя, среди которых «Галчонок» (1910) (проститутка влюбилась в своего постоянного клиента и, не найдя сил пережить его измену, свела счёты с жизнью), «Мама ушла» (1910) (молодая женщина продолжительное время обманывала мужа, встречаясь с другим мужчиной, и в один момент исчезла, оставив ребёнка), «Гномы» (1911) (жена бросила мужа и дочь ради любовника) и т.д.

Что касается внешнего облика, то «люди новой эпохи “без летосчисления” здоровяки высокого роста, крепкие, стройные красавцы, не имеющие на челе ни волоса, во рту ни зуба, в организме ни одного лишнего неучтённого органа; это весёлые, ровные, розовые великаны, могущие летать без каких-либо приспособлений» (Дневник).

Самочувствие Гольдебаева в 20-е годы сильно пошатнулось, поэтому он решил наделить людей будущего отменным здоровьем. Страдания старика описаны А.С. Неверовым в рассказе «Весёлые ребята»: «У деда болят ноги. Лежит под великолепным тулупом на волчьем меху, легонько вздыхает» (Неверов 1958, с. 158).

«– Что у вас болит?

- Дед закрывает глаза.
- Папа, да ты говори.
- Сердце болит, товарищ доктор.
- А ещё?
- Палец болит.
- Я вам хины дам.
- Пожалуйста, товарищ доктор.

– А ещё я вам капель дам. Они очень помогают от разных болезней.

Лицо у Алёнки серьёзное, чёрные глаза опечалены. Наливает воды из чайника.

– Выпейте натошак.

Дед смеется.

– А ноги у вас не болят?

– Болят, Алёнушка, всё болит...» (Неверов 1958, с. 163).

Абсолютное здоровье и сверхспособности даны гольдебаевским «атлантам», чтобы сконцентрировать все силы и разум на общем, а не частном деле: «Общественная жизнь идёт в самом оживлённом темпе: человечество собирается на конференции, не реже двух раз в месяц, по старому счёту, то есть через каждые пятнадцать суток, а те, кто не может или не хочет лететь в место очередного собрания, участвуют в нём при помощи радиоников, передающих и виды, и звуки, и мысли. Абрам слетал на два таких собрания» (Дневник).

Стоит отметить, что тема изобретательства занимала писателя, хотя сам он не скрывал, что был «литератором, ничего не ведающим в технике». Так, в начале XX столетия на страницах журнала «Образование», а чуть позже – в третьем томе сочинений писателя – увидел свет его рассказ «Крант», посвящённый тяжёлой судьбе изобретателя-самоучки, смастерившего медную трубку, призванную облегчить лиманадчикам и пивоварам работу по разливу напитков. А когда Гольдебаев в 1921 году перебрался в Москву, его приятель-изобретатель К.И. Елфимов забрасывал его письмами с просьбами посодействовать продвижению его инновационных идей.

Итак, Абрам выясняет, что, оказывается, «не весь род человеческий живёт по-новому. Есть целые области таких старозаветных людей, сохранивших капиталистический уклад, фабрики, обмен товарами, железные дороги, пароходы, банки, даже дома терпимости, игровые притоны. Но многие из жителей этих архаических стран кончают жизнь самоубийством».

Заканчивается рассказ так: «Абрам слышит сквозь сон, что его будят, думает, что это та девица. Он открывает глаза и вскакивает в ужасе: над ним склонилось лицо Сумгина: «Абрам Исаич!.. Ну, наконец-то!.. Как вы себя чувствуете?.. О, и напугали же вы нас: второй день, как спите! Опыт не удался: вот термостат, на котором не показана требуемая температура».

Заключение

Каждая историческая века обладает той или иной степенью психологической напряжённости, которая сопровождается ощущением конца света. Особенно это касается XX века, на первые годы которого выпало немало политических, социальных и национальных катаклизмов.

Из-за непредсказуемости того исторического периода Гольдебаев, как и многие его современники, находился в некоторой растерянности. Мир, окружавший писателя, был далёк от идеала. И события, происходящие день ото дня, всё дальше и дальше отдаляли от него. Гольдебаев был не в силах наблюдать, как вихрь Апокалипсиса сметает всё на пути, и писатель решает перейти к решительным мерам – стереть всё, что было, и отстроить заново, хотя бы на страницах своего произведения.

Так, в рамках одного произведения Гольдебаев объединил все проблемы, которые он обозначал в своих художественных текстах разных лет, и предложил кардинальное их решение, создав абсолютно новый мир.

В целом, все творчество писателя отстаивало необходимость порядка как основы прогресса и стремления общими усилиями построить благополучное и развитое общество, что вполне соотносится с принципами позитивизма, сформированными Контом: «Любовь, Порядок, Прогресс». Компоненты этой «триады» являются сюжетообразующими во многих гольдебаевских произведениях.

Как отмечает Е.С. Долгина, «<...> в эпоху преобладания научного мышления на роль ведущего типа фантастики выдвигается так называемая научная фантастика, в которой широко используются образы, построенные на основе научных гипотез и представлений. Научная фантастика широко представлена утопическими и антиутопическими произведениями» (Долгина 2009, с. 23). Исходя из анализа наброска рассказа или романа «Без летоисчисления», можем сделать вывод, что задумывал Гольдебаев создать утопию, а что вышло из этой идеи – утопия или антиутопия – нам предстоит выяснить, изучив рукопись произведения.

Библиографический список

Гольдебаев А.К. Галчонок // Сборник товарищества «Знание». Книга XXIX. Санкт-Петербург, 1910. С. 2–46.

Гольдебаев А.К. Гномы // Рассказы. В 3 т. Т. 3. Санкт-Петербург: М.И. Семёнов, 1911. С. 195–197.

Гольдебаев А.К. Крант // Рассказы. В 3 т. Т. 3. Санкт-Петербург: Издание М.И. Семёнова, 1910. С. 109–125.

Гольдебаев А.К. Летний отдых // Русская мысль. 1907. № 5. С. 148–209.

Гольдебаев А.К. Летний отдых // Русская мысль. 1907. № 6. С. 1–64.

Гольдебаев А.К. Мама ушла // Рассказы. В 3 т. Т. 1. Санкт-Петербург: Издание М.И. Семёнова, 1910. С. 203–269.

Гольдебаев А.К. Подлое состояние // Образование. 1906. № 11. С. 85–107.

Гольдебаев А.К. Подлое состояние // Образование. 1906. № 8. С. 137–184.

Гольдебаев А.К. Подлое состояние // Образование. 1906. № 9. С. 137–173.

Гольдебаев А.К. Подонки // Образование. 1904. № 10. С. 103–150.

Гольдебаев А.К. Подонки // Образование. 1904. № 11. С. 51–92.

Гольдебаев А.К. Подонки // Образование. 1904. № 12. С. 79–139.

Гольдебаев А.К. Подонки // Образование. 1904. № 9. С. 1–39.

Гольдебаев А.К. Ссора // Русская мысль. 1903. № 10. С. 104–143.

Дневник А.К. Гольдебаева // СЛМ, б/н.

Долгина Е.С. Проблемы культуры в русской литературной утопии XIX–XX веков: Монография. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гуманит. ун-та, 2009. 111 с.

Корсаков А.И. Религия и наука в трудах основателя первого позитивизма // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. 2012. Вып. 2 (40). С. 80–92.

Конт О. Дух позитивной философии (слово о положительном мышлении). Санкт-Петербург, 1910.

Конт О. Курс положительной философии // Философия и общество. 1998. № 6. С. 193. С. 191–208.

Неведомский М. Зачинатели и продолжатели. Поминки, характеристики, очерки по русской литературе от дней Белинского до дней наших. Петроград, 1919. 410 с.

Неверов А.С. Веселые ребята // А.С. Неверов. Собрание сочинений. В 4 т. Т.2. Куйбышев: Куйбышевское книжное издательство, 1958. С. 158–170.

References

Goldebaev, A.K. (1910), Galchonok, *Collection of the partnership "Knowledge" Sbornik tovarishchestva «Znanie»*, Book XXIX, St. Petersburg, Russia.

Goldebaev, A.K. (1911), Gnomes, *Stories Rasskazy*, in 3 vols., vol. 3, pp. 195–197.

Goldebaev, A.K. (1910), Krant, *Stories Rasskazy*, in 3 vol., vol. 3, pp. 109–125.

Goldebaev, A.K. (1907), Summer holidays, *Russian thought Russkaya mysl'*, no. 5, pp. 148–209.

Goldebaev, A.K. (1907), Summer holidays, *Russian thought Russkaya mysl'*, no. 6, pp. 1–64.

Goldebaev, A.K. (1910), Mom left, *Stories Rasskazy*, in 3 vols., vol. 1, pp. 203–269.

Goldebaev, A.K. (1906), Vile state, *Education = Obrazovanie*, no. 11, pp. 85–107.

Goldebaev, A.K. (1906), Vile state, *Education = Obrazovanie*, no. 8, pp. 137–184.

Goldebaev, A.K. (1906), Vile state, *Education = Obrazovanie*, no. 9, pp. 137–173.

- Goldebaev, A.K. (1904), Scum, *Education = Obrazovanie*, no. 10, pp. 103–150.
- Goldebaev, A.K. (1904), Scum, *Education = Obrazovanie*, no. 11, pp. 51–92.
- Goldebaev, A.K. (1904), Scum, *Education = Obrazovanie*, no. 12, pp. 79–139.
- Goldebaev, A.K. (1904), Scum, *Education = Obrazovanie*, no. 9, pp. 1–39.
- Goldebaev, A.K. (1903), Quarrel, *Russian Thought Russkaya mysl'*, no. 10, pp. 104–143.
- Diary of A.K. Goldebaeva, *Samara Literature Museum*, without number.
- Dolgina, E.S. (2009), *Problems of Culture in Russian Literary Utopia of the 19th–20th Centuries: Monograph*, Nizhnevartovsk Humanitarian University Publishing House, Nizhnevartovsk, Russia.
- Korsakov, A.I. (2012), Religion and science in the writings of the founder of the first positivism, *Vestnik PSTGU, Series I: Theology. Philosophy*, is. 2 (40), pp. 80–92.
- Cont, O. (1910), *Spirit of positive philosophy (a word about positive thinking)*, St. Petersburg, Russia.
- Cont, O. (1998), *A Course in Positive Philosophy, Philosophy and Society Filosofiya i obshchestvo*, no. 6, p. 193, pp. 191–208.
- Nevedomsky, M. (1919), *Initiators and successors. Wake, characteristics, essays on Russian literature from the days of Belinsky to our days*, Petrograd, Russia.
- Neverov, A.S. (1958), *Funny guys, A.S. Neverov. Collected works Sobranie sochinenij. In 4 volumes*, vol. 2, pp. 158–17, Kuibyshev book publishing house, Kuibyshev, Russia.

Submitted: 02.07.2022

Revised: 17.09.2022

Accepted: 26.09.2022

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 316.645

DOI: 10.18287/2782-2966-2022-2-3-87-101

Дата поступления: 04.07.2022
рецензирования: 06.09.2022
принятия: 16.09.2022

Н.В. Авдошина

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: natalsun@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9117-7781>

С.В. Егорова

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: svetego@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5596-3854>

Ю.В. Васькина

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: vaskina18.05@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0586-839X>

С.В. Зорина

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: Aramitch@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2445-2864>

А.И. Демина

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: ademina83@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6054-9255>

А.Ю. Нестеров

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: aynesterow@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0670-9315>

Концептуальная схема социально-психологического мониторинга обучающихся

Аннотация: в статье формулируется и обосновывается задача разработки и внедрения системы социально-психологического мониторинга обучающихся университета как инструмента управления процессом образования, позволяющего решить проблему дефицита знания об объекте управления. Прикладная цель мониторинга заключается в выявлении готовности обучающихся к предпринимательской и научной видам деятельности. Описываются теоретико-методологические основания системы мониторинга. Анализируется содержание понятия «портрет компетенций», понимаемого в качестве интегративного показателя результата обучения: данный показатель позволяет оценивать эффективность

образовательного процесса с точки зрения требований, предъявляемых к специалисту конкретной профессии. Описывается концептуальная схема мониторинга и возможность её адаптации к выявлению готовности обучающихся к предпринимательской и научной деятельности. Концептуальная модель портрета компетенций обучающегося строится на определении понятия готовности к той или иной деятельности в качестве интегративной характеристики личности, включающей в себя потребности, мотивации, ценности и социальные установки. Аргументируется применение методик диагностики мотивации обучающихся, методики диагностики их ценностных установок и намерений, диагностики социальных установок. Формулируется механизм решения задачи разработки и внедрения системы социально-психологического мониторинга, связанный с включением в комплексную методику оценки социологических и психологических методов, таких как: 1) адаптированная к учебной деятельности методика оценки включенности персонала в деятельность организации; 2) шкала Лайкерта; 3) адаптированные классификации мотивов П.М. Лапина и Т.В. Разиной; 4) методика изучения ценностных ориентаций М. Рокича; 5) методика диагностики ценностных ориентаций Ш. Шварца; 6) методы косвенной диагностики аттитудов ИАТ и VAAST.

Ключевые слова: социально-психологический мониторинг; портрет компетенций; потребность; мотивация; ценности; социальные установки; готовность к деятельности.

Цитирование: Авдошина Н.В., Егорова С.В., Васькина Ю.В., Зорина С.В., Демина А.И., Нестеров А.Ю. Концептуальная схема социально-психологического мониторинга обучающихся // Семиотические исследования. *Semiotic studies*. 2022. Т. 2, № 3. С. 87–101. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-3-87-101>.

Благодарности: исследование выполняется в контексте реализации Программы развития Самарского университета на 2021–2030 годы в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет 2030».

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© **Авдошина Н.В., 2022** – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и культурологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34; ассоциированный научный сотрудник, Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Российская Федерация, 190005, г. Санкт-Петербург, 7-я Красноармейская ул., 25/14.

© **Егорова С.В., 2022** – кандидат социологических наук, доцент, декан социологического факультета, заведующий кафедрой методологии социологических и маркетинговых исследований, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

© **Васькина Ю.В., 2022** – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и культурологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34; ассоциированный научный сотрудник, Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Российская Федерация, 190005, г. Санкт-Петербург, 7-я Красноармейская ул., 25/14.

© **Зорина С.В., 2022** – кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой социальной психологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

© **Демина А.И., 2022** – специалист по учебно-методической работе, ассистент кафедры философии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

© **Нестеров А.Ю., 2022** – доктор философских наук, доцент, директор социально-гуманитарного института, заведующий кафедрой философии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

N.V. Avdoshina

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: natalsun@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9117-7781>

S.V. Egorova

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: svetego@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5596-3854>

Yu.V. Vas'kina

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: vaskina18.05@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0586-839X>

S.V. Zorina

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: Aramitch@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2445-2864>

A.I. Demina

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: ademina83@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6054-9255>

A.Yu. Nesterov

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: aynesterow@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0670-9315>

Conceptual framework for students' social psychological monitoring

Abstract: the article states and grounds the task to develop and introduce the system of university students' monitoring as a tool to manage education process that enables to solve the problem of lack of knowledge about the object under control. The article describes theoretical and methodological reasons for the monitoring system. It analyses comprehension of «competency profile», taken as an integrative index of the education result: this index enables to evaluate the learning process efficiency from the point of view of the requirements applied to the subject-matter specialist. The authors describe the monitoring conceptual framework and the possibility of its adaptation to reveal students' readiness to maintain business activities and research. The conceptual model of the student's competence profile is based on understanding the concept of readiness for any activity as personality integrative characteristic including needs, motivations, values and social attitudes. The article proves the procedure of students' motivation diagnostics, the diagnostic procedure of their value system and intentions, and social attitudes. It articulates the way of developing and introducing the social psychological monitoring system, associated with sociological and psychological methods being included into the complex evaluation technique. These methods comprise: 1) estimation technique for the personnel involvement into the company activity; 2) Likert scale; 3) adopted motive classifications by P.M. Lapin and T.V. Razina; 4) M. Rokich's methodology for value orientation study; 5) S. Schwartz's methodology for measuring value orientations; 6) methods for IAT and VAAST attitudes indirect diagnostic.

Key words: social psychological monitoring; competency profile; need; motivation; values; social attitudes; readiness for activity.

Citation: Avdoshina, N.V., Egorova, S.V., Vas'kina, Yu.V., Zorina, S.V., Demina, A.I. and Nesterov, A.Yu. (2022), Conceptual framework for students' social psychological monitoring, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 2, no. 3, pp. 87–101, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-3-87-101>.

Acknowledgments: the study is carried out within the Samara University development program for 2021–2030 years under the academic leadership program “Priority 2030”.

Information about conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

© Avdoshina N.V., 2022 – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Sociology and Cultural Studies, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation; Research Associate, Sociological Institute of the RAS – FCTAS RAS branch, 25/14, office 524, 7th Krasnoarmeyskaya str., St.-Petersburg, 190005, Russian Federation.

© Egorova S.V., 2022 – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Dean of the Faculty of Sociology, Head of the Department of Methodology of Sociological and Marketing Research, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

© **Vas'kina Yu.V., 2022** – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Sociology and Cultural Studies, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation; Research Associate, Sociological Institute of the RAS – FCTAS RAS branch, 25/14, office 524, 7th Krasnoarmeyskaya str., St.-Petersburg, 190005, Russian Federation.

© **Zorina S.V., 2022** – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Social Psychology, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

© **Demina A.I., 2022** – Teaching and Learning Specialist, Assistant of the Department of Philosophy, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

© **Nesterov A.Yu., 2022** – Doctor of Sciences in Philosophy, Associate Professor, Director of the Institute of Social Sciences and Humanities, Head of the Department of Philosophy, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

Введение. Постановка проблемы

В задачах управления социальными процессами, включая управление образованием, субъекты принятия решений сталкиваются с системными трудностями, вызванными недостаточным количеством объективного знания об объекте управления. Управление – это системное воздействие субъекта на объект с заданной целью (Лепский 2019). В случае высшего образования субъектом является Министерство высшего образования и науки, делегирующее ряд полномочий университетам, объектом – обучающиеся, воздействием – процесс обучения: от зачисления абитуриента в вуз до получения диплома. Обучение в последние десятилетия понимается как формирование у обучающегося ряда компетенций, позволяющих ему выполнять ту или иную деятельность. Процесс обучения как таковой строится на фундаменте трёх базовых форм человеческой деятельности: рецептивного познания, проективной деятельности (деятельности как таковой или техники в широком смысле), коммуникации. Коммуникация как диалог обеспечивает в процессе обучения трансляцию рецептивного знания и деятельностных навыков, фиксируемых в понятии компетенции (Нестеров 2021; Самсонов, Нестеров 2019).

Проблема, являющаяся предметом исследования и формулируемая в настоящей статье, заключается в недостаточности теоретических и практических знаний у субъектов управления образованием о формах и процессах перехода от рецептивного познания к проективной деятельности. Она выражается следующим образом: когда возникает объективная, сформулированная на государственном уровне задача стимулирования обучающихся к научной и предпринимательской деятельности, задача увеличения количества учёных и предпринимателей в наукоёмких отраслях экономики, учебный процесс в высших учебных заведениях должен перестроиться для выполнения этой задачи; однако субъект управления учебным процессом не владеет подтверждаемым знанием о том, как именно должна происходить перестройка такого рода. Практические вопросы связаны с тем,

как именно увеличение объёма научного знания у студента по тому или иному предмету влияет на его выбор осуществлять трудовую деятельность в рамках этого предмета, какие факторы личностного и социального характера влияют на осуществление той или иной, в данном случае научной и предпринимательской трудовой деятельности, как именно должно строиться управление этими факторами в системе управления знанием?

Текущее состояние объективного знания у субъектов управления образованием об обучающихся ограничивается перечнем оценок в системе ЕГЭ, баллов по предметам в зачётной книжке. Его недостаточно для формирования аналитического профиля компетенций, который позволял бы выстраивать персонализированные образовательные программы, индивидуальные образовательные траектории, нацеленные на решение государственной задачи увеличения фактического числа действующих учёных и предпринимателей, или же на удовлетворение личностных потребностей в освоении навыков, необходимых для той или иной профессии. Создание инструментов формирования полноценного портрета компетенций обучающегося, создание и экспериментальное внедрение такого портрета – насущная потребность системы управления образованием.

Цель исследования заключается в анализе возможностей получения информации об объекте управления в образовательном процессе, касающейся динамики структуры личности, отображаемой в портрете компетенций обучающегося Самарского университета. Задачи исследования заключаются в 1) определении суммы характеристик, составляющих портрет компетенций обучающегося, 2) формировании методик определения значения характеристик, составляющих портрет компетенций обучающегося, 3) обосновании выбора социологических и психологических методов диагностики личности обучающегося Самарского университета, направленной на выявление ценностных ориентаций, готовности и мотивации к предпринимательской и научной видам деятельности, 4) формирование концептуальной схемы

системы социально-психологического мониторинга обучающихся Самарского университета. В настоящей статье формулируются методологические предпосылки исследования, раскрывается терминологический аппарат междисциплинарного подхода, включающий в себя философские, психологические и социологические инструменты, демонстрируется принципиальная теоретическая модель, обеспечивающая достижимость заявленной цели.

Теоретическая схема и терминологический аппарат

Проблема перехода от познания к деятельности – открытая фундаментальная проблема социально-гуманитарного знания. Её традиционные решения связаны с феноменом интуиции, раскрываемым в терминах теории познания (Лосский 1995), теории творчества (Энгельмейер 2010) и общей теории деятельности (Бахметьев 2017; Демина, Нестеров 2019). За пределами метафизики, в контексте экспериментально проверяемого научного знания переход субъекта от процедур восприятия и рассудочного познания действительности к поступку, действию, изменяющему наличное положение дел, формулируется в виде сложностной схемы, каждый элемент которой раскрывается в качестве системы, состоящей из качественно и количественно определённой системы мест, подлежащей исследованию и управлению. На метауровне, в модельном виде эта схема формулируется следующим образом: 1) изначально существуют потребности, 2) потребности влекут ту или иную мотивацию, 3) мотивация создаёт ценности, 4) ценности порождают социальную установку, 5) социальная установка задаёт готовность к действию, 6) готовность при наступлении соответствующих обстоятельств приводит непосредственно к действию. Это схема не эпистемическая, но деятельностная. Каждый из перечисленных элементов – потребность, мотивация, ценности, социальная установка, готовность к действию – есть составляющая процесса рефлексии в субъекте, превращающего познание в деятельность, а знание – в технологию. Рассмотрим каждую составляющую.

Потребность

В философии, социологии и психологии существует консенсус относительно признания роли *потребности* в качестве первичного источника активности человека. В философском знании потребность рассматривается в диалектике действительного и возможного, фактического положения дел и его идеального инобытия. Потребность, проблема, желание есть источник неудовлетворённости человека, беспокойства, влекущего те или иные действия, от фантазии до фактического, в том числе

инженерного, воплощения (Дессауэр 2017).

В психологии под *потребностью* понимается объективная нужда организма в чем-то внешнем, определяющем появление целенаправленной активности (Леонтьев 1971).

В социологии *потребность* – это нужда социальной группы или личности в тех или иных условиях, средствах и видах деятельности, обязательных для существования и дальнейшего развития (Рабочая книга социолога 2008, с. 46). *Потребность* – это определенное «противоречие между социальным субъектом (человеком, социальной группой, обществом в целом) и объективными условиями его жизнедеятельности, разрешаемое в процессе осознаваемого деятельностного субъективно-объективного взаимодействия» (Марченко 2009, с. 18). Именно социальные потребности превращаются в интересы, которые стимулируют поведение людей.

Поскольку потребность не удовлетворяется автоматически и независимо от внешних условий, возникает необходимость в специальном процессе, порождающем деятельность и поведение, – *мотивации*. В соответствии с задачами мониторинга потребность рассматривается как объективная нужда во внешних предметах, условиях, средствах, обеспечивающих поддержание жизнедеятельности и развитие человека или группы.

Мотивация

В психологической теории деятельности под мотивом понимается предмет потребности, воспринимаемый чувственно или мысленно (Леонтьев 1971). Именно мотивы содержательно и динамически раскрывают потребности.

В социологии *мотивация* рассматривается как осознаваемая потребность субъекта (личности, социальной группы, общности людей) в достижении определенных благ, желательных условий деятельности. Это побуждение к активности и деятельности субъекта, связанное со стремлением удовлетворить определенные потребности. Причем мотивы как внутренние побуждения активности личности и/или социальной группы следует отличать от внешних побуждений – стимулов, то есть воздействий объективных условий. Лишь в ситуации, когда объективные условия становятся субъективно значимыми и отвечают потребностям субъекта, они становятся мотивами (Краткий словарь по социологии 1988, с. 168).

Мотивация – динамический процесс психосоциального характера, определяющий поведение человека, его направленность, организованность, активность и устойчивость, способность человека деятельно удовлетворять свои потребности. Процесс мотивации предполагает осуществление выбора между возможными вариантами поведения, способами удовлетворения потребности, актуаль-

ными желаниями. В качестве критерия сравнения двух вариантов выступают *ценности*, задающие общественные идеалы, стандарты должного (Леонтьев 1998). Под мотивацией будем понимать динамический процесс психосоциального характера, определяющий поведение и деятельность, их направленность, организованность, активность и устойчивость, обуславливающий возможность человека деятельно удовлетворять свои потребности.

Ценности

В психологии под *ценностями* понимаются значимые, желаемые явления, идеи, предметы.

В социологии под *ценностями* понимают значимое для индивида и/или социальной группы явление духовной культуры или предмет материальной культуры, воспринимаемые субъектом оценки в качестве нормы, идеала, блага, пользы и выгоды (Максименко 2022).

Опредмечивание потребности (А.Н. Леонтьев), то есть закрепление за конкретным объектом смысла предмета потребности, осуществляется в процессе жизнедеятельности. Опыт успешного решения жизненных задач позволяет зафиксировать эффективные способы удовлетворения потребности в конкретных условиях. В работе под *ценностями* понимаются личностно значимые жизненные идеалы, абстрактные смыслы и идеи, задающие общую направленность деятельности, воплощаемые личностью в конкретных деяниях, поступках и ситуациях.

Обращение к понятию *социальной установки* необходимо для включения в теоретическую схему объекта деятельности и поведения, имеющего социальный характер (Гордеева 2016).

Социальная установка

В современной социальной психологии понятие *аттитюд (социальная установка)* занимает центральное место в объяснении и предсказании поведения (Асмолов 2017). В обобщенном виде под *аттитюдом* понимается «предрасположенность (склонность) субъекта к совершению определенного социального поведения; при этом предполагается, что *аттитюд* имеет сложную структуру и включает в себя ряд компонентов: предрасположенность воспринимать, оценивать, осознавать и, как итог, действовать относительно данного социального объекта (явления) определенным образом. Иногда *аттитюд* понимается как устойчивое эмоционально насыщенное представление (мнение) о чем-либо» (Мещеряков, Зинченко 2007). Традиционно в структуре *аттитюда* выделяется три элемента: аффективный – эмоциональное отношение к объекту, когнитивный – убеждения, представления об этом объекте и конативный – опыт взаимодействия с объектом,

прошрое поведение человека. В настоящее время существует консенсус среди сторонников широкой исследовательской программы по изучению имплицитных установок относительно понимания аттитюда как связи между объектом отношения и оценочной реакцией (Greenwald et al. 2002; Fazio 2001).

В социологии под *социальной установкой* понимают «готовность субъекта совершать конкретные действия в определенных ситуациях, способствующих удовлетворению актуализированных потребностей, формируемую на основании эмоционально окрашенного оценочного отношения к социальному объекту» (Гордеева 2016). Для решения задач мониторинга под *социальной установкой* будем понимать предрасположенность к определенной реакции на социальный объект, обусловленной отношением к нему, возникшим с опорой на прошлый опыт в текущей ситуации.

Для инициации активности недостаточно наличия *потребности, мотива, социальной установки*. Отдельные элементы потребностно-мотивационной сферы преломляются в личности как интегративном образовании, обеспечивающем связность и последовательность в решении жизненных задач. Соответственно возникает необходимость во включении в модель социально-психологического мониторинга компонента, который рассматривается на теоретическом уровне как обеспечивающий связь, упорядоченность отдельных личностных составляющих. В рамках личностно-деятельностного подхода подчеркивается интегративный характер феномена *готовности к деятельности*, отражающего единство, целостность личности, обеспечивающего результативность ее активности (Луговский, Сурженко, Кох 2018; Абрамова 2012).

Готовность

На данный момент в современной психологии не сложилось единого подхода к пониманию термина «*социально-психологическая готовность*». Очевидно, родовым понятием является «психологическая готовность», трактовки которого также различаются в контексте личностного и функционального подходов. В соответствии с задачами мониторинга *социально-психологическая готовность* рассматривается как интегративная личностная характеристика, то есть сплав функциональных и социально-психологических свойств, диспозиций личности, обеспечивающих продуктивность деятельности (Шагурова 2013).

В социологии термин «*готовность*» используется редко и часто отождествляется с другими научными понятиями. Так, В.А. Ядов под *готовностью* понимает определенный уровень ценностных ориентаций. Классик социологии разработал концепцию диспозиционной регуляции поведения личности, в которой обосновал связь и

роль элементарных установок, ценностных ориентаций и ценностных стандартов общества в поведении субъекта, исходя из той или иной ситуации. В простейших ситуациях, где ролевые требования не четко фиксированы, субъект руководствуется элементарными установками. В более сложных ситуациях, где действуют определенные нормы и ролевые требования, поведение субъекта строится с учетом базовых установок (ценностных ориентаций). Поведение субъекта в больших социальных группах регулируется высшими диспозициями – ценностными стандартами общества. (Ядов 1994).

Адаптация теоретической схемы к выявлению готовности к предпринимательской и научной деятельности

Результат применения портрета компетенций обучающегося в процессе управления образованием (в рамках эксперимента Самарского университета) будет заключаться в выявлении *готовности* обучающихся к предпринимательской и научной видам деятельности и отношения к ним. Структура готовности включает в себя качественные и количественные характеристики *потребностей, мотивации, ценностей, социальных установок* обучающегося.

Под *готовностью к деятельности* понимается интегративное качество личности, включающее когнитивный, деятельностный и мотивационный аспекты. Когнитивный аспект как совокупность знаний о сущности предпринимательской и научной деятельности предполагает информированность, степень восприятия и осознания информации, наличие и уровень теоретических знаний. Деятельностный аспект как совокупность умений и навыков, необходимых для реализации предпринимательской и научной деятельности, отражает непосредственное личное участие, способность к самостоятельным и активным действиям. Мотивационный аспект как осознанный интерес к предпринимательской и научной деятельности включает наличие потребности в данных видах деятельности и их успешном выполнении, стремление к приобретению необходимых знаний и навыков, достижению успеха, желание повысить уровень своего дохода.

Мотивация к предпринимательской и научной видам деятельности понимается в рамках общетеоретической схемы *и как элемент готовности, и как состояние личности*, определяющее степень активности и направленности действий в конкретных ситуациях. Это процесс сознательного выбора человеком того или иного типа поведения, определяемого комплексным воздействием внешних (стимулы) и внутренних (мотивы) факторов.

Отношение к деятельности понимается нами как внешнее проявление внутреннего содержания

личности, реализуемое через действия, поступки. Отношение человека к деятельности есть результат мотивации. Оно определяется через ценностное восприятие предпринимательской или научной деятельности как важных, значимых для студента и общества (или же, напротив, неважных и незначимых), а также через готовность заняться определенным видом деятельности в ближайшее время или же сразу после окончания университета.

Среди многообразия видов мотивации для обучающихся главной, безусловно, является мотивация к образовательной деятельности. Она может быть внешней – в качестве средства побуждения обучающегося к продуктивной познавательной деятельности и активному освоению содержания образования. И внутренней, предполагающей систему внутренних мотивов студентов к получению новых знаний и освоению профессии.

Учебный процесс относится к сложным видам деятельности. При этом мотивов для обучения много, и они могут проявляться не только отдельно у каждого человека, но и объединяться, формируя сложные мотивационные системы.

Учебная мотивация определяется как частный вид мотивации обучающихся, включенный в учебную деятельность, и определяется рядом факторов. Во-первых, она определяется самой образовательной системой, образовательным учреждением; во-вторых, организацией учебного процесса; в-третьих, субъективными особенностями обучающихся; в-четвертых, субъективными особенностями преподавателей и, прежде всего, системой их отношений к личности студента; в-пятых, спецификой учебных дисциплин.

Мотивация студентов является одним из наиболее эффективных способов улучшить процесс обучения в вузе. Мотивы являются движущими силами процесса обучения и усвоения материала. Мотивация к обучению – достаточно непростой и неоднозначный процесс изменения отношения студентов как к отдельному предмету изучения, так и ко всему учебному процессу.

Многочисленные научные исследования (Мельников 2016) свидетельствуют о том, что результаты учебной деятельности студентов, будущая карьера и связанная с ней заработная плата, а также социальный статус в значительной степени отдалены по времени и не служат ориентиром для них. Анкетирование обучающихся в российских университетах показывает, что для большинства студентов обучение в вузе значимо с точки зрения получения свидетельства об образовании и возможности устроиться на хорошую работу, а также желания расширить свой круг общения. Поэтому мотивы личного характера в настоящее время имеют решающее значение в формировании отношения студентов к учебной деятельности, самообразованию и личностному развитию.

Основной задачей современного вуза является стимулирование к обучению таким образом, чтобы целью студентов было получение не просто диплома, но профессиональных знаний высокого уровня сложности. Для того, чтобы студент по-настоящему включился в работу, задачи, которые ставятся перед ним в ходе учебной деятельности, должны быть не только понятны, но и внутренне приняты им, т.е. приобрести значимость для обучающегося. Мотивация – основное средство, которое даёт возможность повысить уровень заинтересованности студента в учебном процессе и в обучении в целом, позволяет повысить его научно-исследовательский и творческий потенциал. Недостаточно мотивированный студент не будет способствовать ни развитию своих компетенций, ни развитию собственной личности как профессионала.

Для того, чтобы применить наиболее эффективные методы мотивации студентов к учебной деятельности, необходимо, прежде всего, выяснить уровень их внутренней мотивации, которая может быть изучена через включенность обучающихся в учебную деятельность.

При этом целесообразно адаптировать методику, разработанную сотрудниками НИИ социальных технологий Самарского университета, основанную на измерении включенности персонала в деятельность организации (подробно об этой методике см.: (Бочаров, Тукумцев 2011)).

Включенность студентов в учебную деятельность определяется как степень субъективной предрасположенности индивида рассматривать учебную деятельность как лично значимую для него и как его готовность к высоким результатам в этой деятельности.

В настоящем исследовании оценка включенности студентов в учебную деятельность определяется на основе двух характеристик:

во-первых, это «*приверженность*» учебе именно в этом университете, которая складывается из удовлетворенности студентом своим местом учебы и его стабильности (отсутствия желания сменить место учебы, т.е. отчислиться, а также уверенности в том, что это достойное место учебы);

во-вторых, «*вовлеченность*» в достижение высоких результатов учебной деятельности и получение профессии, когда студент действительно хочет получить конкретную профессию (а не только диплом самого престижного в регионе университета) и готов проявлять свою активность для достижения этой цели.

На основе полученных данных о состоянии *приверженности* студентов учебе в университете и их *вовлеченности* в учебную деятельность возникает возможность путем сопоставления этих двух характеристик определить долю студентов, *включенных* в учебную деятельность.

Описание методов и методик.

Методика диагностики готовности и мотивации обучающихся к предпринимательской и научной деятельности

Выделенные на предыдущем шаге теоретического анализа концепты позволяют содержательно наполнить систему социально-психологического мониторинга и определить методы их измерения.

Один из блоков разрабатываемой методики оценивает готовность и мотивацию обучающихся к предпринимательской и научной деятельности. Прежде всего, необходимо пояснить, как авторами статьи понимаются эти виды деятельности.

С точки зрения экономистов, предпринимательство – это инициативная деятельность, нацеленная на извлечение прибыли путем создания продуктов или услуг. Однако социология рассматривает этот феномен с нескольких ракурсов: предпринимательство как экономическое явление, как общественное явление и как проявление личности человека (Крюков 2011).

Такая многоаспектность обусловлена разнообразием функций предпринимательства и его социальной роли, в этой связи подходы к анализу предпринимательства можно разделить на 2 группы: функциональный и структурный. Функциональный подход акцентируется на рассмотрении совокупности социально-экономических функций предпринимательства (владения предприятием, принятия рисков, приведения дела в соответствие с рыночной конъюнктурой, инновациями и т.д.). Структурный подход рассматривает социальный статус предпринимателей, его динамику, анализирует социальный состав предпринимателей и мотивацию к этой деятельности.

Разнообразие мотивов, побуждающих людей заниматься предпринимательством, становится предметом изучения классиков социологии – М. Вебера и В. Зомбарта – в XIX веке (Вебер 1990; Зомбарт 1994). Вебер классифицировал мотивы в соответствии с 4 типами экономического (и социального) действия, а также подчеркивал, что мотивы экономического действия выходят за пределы экономической сферы и вплетены в культурную и политическую жизнь. Зомбарт противопоставлял «дух предпринимательства» «духу мещанства» и обращал внимание на самореализацию предпринимателя как на главный мотив заниматься этой деятельностью.

Современные российские исследователи продолжают изучать мотивацию предпринимателей. Например, Д.С. Крюков (Крюков 2011) предлагает выделять 3 группы мотивов, связанных со следующими потребностями: потребность в системе ориентаций (которую автор интерпретирует через преобразование мира в соответствии с целями), потребность в личной идентичности (творчестве, самореализации), потребность в социальной

общности (принадлежности к определенной социальной группе с её культурой).

Проектируемая методика социально-психологического мониторинга обучающихся учитывает наработанный опыт анализа предпринимательской деятельности в рамках как функционального, так и структурного подходов и нацелена, во-первых, на определение отношения студентов к предпринимательской деятельности, во-вторых, на определение мотивации к ней. Наиболее адекватным инструментом для выяснения отношения к предпринимательской деятельности, по мнению авторов статьи, является использование шкалы Лайкерта (Процедуры и методы социологического исследования 2010). Что же касается анализа мотивации, то методика предусматривает использование типологии мотивов, учитывая такие мотивы, как экономические, «статусные», самореализации и принадлежности. Кроме того, определяется готовность обучающихся к занятию предпринимательством через анализ их самооценки.

Другой вид деятельности, отношение и мотивация к которой определяется в разрабатываемой методике, – научная деятельность. Она определяется как деятельность по получению новых знаний, установлению новых закономерностей и взаимосвязей явлений в природе и обществе. Научная деятельность реализуется обучающимися через участие в исследованиях, анализ литературы, выступления на конференциях, публикации статей и т.п. Кроме того, студенты могут быть участниками СНО (студенческих научных обществ), инициаторами какого-либо проекта СНО или выполнять научную работу под руководством преподавателей и научных сотрудников.

Отношение и мотивация к научной деятельности оцениваются по аналогии с оценкой отношения и мотивации к предпринимательской деятельности. Для выяснения отношения также используется шкала Лайкерта, а для мотивации разработана типология мотивов с учетом специфики научной деятельности (на основе классификаций П.М. Лапиной и Т.В. Разиной) (Лапина 2018; Разина 2017).

Методика диагностики ценностных установок и намерений обучающихся

Ценность – это определенные, устоявшиеся жизненные принципы и ориентиры, которыми личность или социальная группа руководствуется в процессе принятия решений.

Проектируемая методика социально-психологического мониторинга обучающихся в части диагностики ценностных установок и намерений обучающихся опирается на методики Милтона Рокича и Шаломы Шварца.

Методика Милтона Рокича, разработанная в 1973 году (Рокич 1973), признается в качестве

самой популярной и распространённой методики диагностики ценностных установок и намерений. Методика изучения ценностных ориентаций М. Рокича основана на ранжировании списка ценностей. Автор методики различает терминальные ценности (ценности-цели) и инструментальные ценности (ценности-средства).

К терминальным ценностям автор методики относит: активную деятельную жизнь, жизненную мудрость, здоровье, интересную работу, красоту природы и искусства, любовь, материально обеспеченную жизнь, наличие верных друзей, общественное признание, познание, продуктивную жизнь, развитие, развлечение, свободу, счастливую семейную жизнь, счастье других, творчество, уверенность в себе.

Инструментальные ценности, по мнению М. Рокича, включают: аккуратность, воспитанность, высокие запросы, жизнерадостность, исполнительность, независимость, нетерпимость к недостаткам, образованность, ответственность, рационализм, самоконтроль, смелость, твердую волю, терпимость, честность, чуткость, широту взглядов, эффективность в делах.

В предлагаемых респонденту карточках представлены два списка указанных ценностей, которым необходимо присвоить ранговый номер. В процессе обработки результатов тестирования анализируется иерархия ценностных установок и намерений; представляется возможным выделить предпочитаемые ценности, значимые (1–6 ранг иерархии), индифферентные, безразличные (7–12 ранг иерархии), отвергаемые, незначимые (13–18 ранг иерархии).

Диагностировать структуру ценностных ориентаций личности или группы (через среднее значение по группе) позволяет *методика диагностики ценностных ориентаций Шаломы Шварца*, разработанная в 1992 году.

При разработке опросника Ш. Шварц использовал методику М. Рокича, расширив и усовершенствовав её концептуальную базу. Для Ш. Шварца ценность – это «познанные» потребности, которые непосредственно зависят от менталитета данного общества, культуры и внешней среды. Автор различает социальные и индивидуальные ценности. Методика Ш. Шварца может применяться для исследования динамики изменения ценностей как личности в связи с её жизненными проблемами, так и в группах в связи с изменениями в обществе (Карандашев 2004).

Дифференцируя понятие *ценности*, автор выделяет «ценности как абстрактные идеалы» и «ценности как руководство к действию». Первые выявляются путем оценки существительных и прилагательных, описывающих различные ценности, а вторые – путем оценки конкретных действий людей.

Опросник Ш. Шварца состоит из двух частей. Первая часть опросника, состоящая из двух частей (первый список включает существительные, второй – прилагательные), предназначена для изучения ценностей, убеждений и идеалов, оказывающих влияние на личность. Респонденту предлагается оценить 57 ценностей по шкале от 7 до –1, где 7 характеризует ценности высшей значимости и руководящий принцип жизни. При обработке результаты по первому и второму списку суммируются. Вторая часть опросника представляет собой профиль личности. Респонденту предлагается по шкале от 4 до –1 оценить 40 описаний человека, характеризующих 10 типов ценностей: конформность, традиции, доброту, универсализм, самостоятельность, стимуляцию, гедонизм, достижения, власть, безопасность.

Стоит отметить, что данная методика дает количественное выражение значимости каждого из десяти мотивационных типов ценностей на двух уровнях: на уровне нормативных идеалов и на уровне индивидуальных приоритетов. Средний балл по данному типу ценности показывает степень её значимости в группе. Данные, полученные по первой и второй частям опросника, обычно не совпадают, так как ценностные ориентации личности на уровне нормативных идеалов не всегда могут реализоваться в поведении вследствие ограничения возможностей человека, группового давления, соблюдения определенных традиций, следования образцам поведения и другим причинам.

В соответствии со средним баллом по каждому типу ценностей устанавливается их ранговое соотношение. Каждому типу ценностей присваивается ранг от 1 до 10. Первый ранг присваивается типу ценностей, имеющему наиболее высокий средний балл, десятый – имеющему самый низкий средний балл. Ранг от 1 до 3, полученный соответствующими типами ценностей, характеризует их высокую значимость для испытуемого. Ранг от 7 до 10 свидетельствует о низкой значимости соответствующих ценностей.

Методика диагностики социальных установок обучающихся

В современной психологии для измерения социальных установок используется две группы методов: прямые и косвенные. Косвенная оценка психологических процессов осуществляется посредством фиксации реакций, которые трудно сознательно контролировать или которые, с точки зрения участников исследований, не нуждаются в управлении, потому что не рассматриваются как отражающие социально нежелательное мнение или поведение. Напротив, методы прямого измерения предполагают получение произвольных ответов, поскольку опрашиваемые имеют возможность взвесить издержки и выгоды различных

вариантов декларации своей позиции. Использование косвенных методов в социально-психологическом мониторинге позволяет получить данные, только частично доступные для сознательного контроля, что в совокупности с результатами опросных методов обеспечивает целостность и глубину оценки социально-психологических феноменов, характеризующих личностную динамику обучающихся.

Начиная с XIX века и до настоящего момента, психологи активно используют измерение временных параметров психологических процессов, позволяющих объективно с точностью до миллисекунды зафиксировать латентный период психомоторной реакции. При использовании стандартных экспериментальных процедур под временем реакции понимается интервал между началом предъявления стимула и начальным моментом ответа испытуемого (Большая психологическая энциклопедия 2007). Время как индикатор процессов обработки информации используется в ряде современных методов: задача Струпа, оценочный прайминг (Evaluative-Priming Task), задача Да/Нет (Go-No-Go association task), имплицитный ассоциативный тест (Implicit Association Test, IAT) и другие.

Широко используемым и проверенным инструментом является тест имплицитных ассоциаций (Greenwald et al. 1998), который измеряет интроспективно недоступные следы прошлого опыта, опосредующие положительные или отрицательные чувства, мысли или действия по отношению к социальным объектам (Greenwald, Banaji 1995, p. 8). В публикациях можно встретить два значения термина «имплицитный». Во-первых, он описывает область неосознаваемого психического, труднодоступного для субъективного контроля. Во-вторых, он используется для указания на непрямой характер измерения психологических процессов, не требующих от испытуемых отчета о содержании или динамике феноменов своего сознания (Greenwald et al. 2019, p. 2). A.G. Greenwald с коллегами подчеркивали, что термин «имплицитный» используется ими для характеристики процесса измерения, а не результата. Это не означает, что выявленные в конкретном исследовании установки не являются неосознаваемыми, но такое утверждение потребует дополнительных доказательств.

IAT позволяет измерить относительную силу ассоциаций между категориями (Greenwald et al. 2019, p. 3). Сила ассоциации (associative strength) – это прочность связи между двумя или более элементами (например, между стимулом и реакцией или между образами в памяти), определяемая способностью одного элемента активировать второй. В IAT сила ассоциации измеряется путем сравнения скорости сортировки слов, включенных

в разные категории. Тест позволяет обнаружить индивидуальные различия в силе ассоциаций: от полного отсутствия связи между какими-либо двумя категориями до их прочного соединения, легко актуализирующегося при появлении или упоминании одного объекта из ассоциированной пары (Fazio 2007).

Ещё в 1868 году Франс Дондерс, разработчик первых психофизиологических методов, показал, что чем проще когнитивная задача, тем быстрее и с меньшим количеством ошибок она решается (Donders 1969, p. 421). Этот результат позволяет использовать латентный период психомоторной реакции в сравниваемых задачах в качестве индикатора их относительной сложности, не обращаясь к мнению участника исследования. Основная идея заключается в том, что слова или изображения, которые тесно соединены между собой, сортируются быстрее, чем не связанные друг с другом.

Непосредственно тест позволяет сравнить силу ассоциаций двух категорий с признаками, свойствами, оценками (относительный сдвиг валентности). Разница в скорости реакции отражает связь между объектом и его оценкой в ассоциативной памяти и интерпретируется как отношение к чему-либо или мнение (представления) о социальном явлении. Также тест может использоваться для измерения представлений о себе (самооценки) человека путем сопоставления Я и Не Я (Другой) с характеристиками социальных групп, положительными/отрицательными чертами (Greenwald, Farnham 2000). Традиционно методика используется для оценки имплицитных социальных установок или аттитюдов (*implicit attitude*), предубеждений, стереотипов, Я-Концепции, самоуважения (Greenwald, Banaji 1995).

Современным вариантом ИАТ является краткий тест имплицитных ассоциаций, который был разработан для упрощения процедуры обследования и экономии времени испытуемого (Sriram, Greenwald 2009; Nosek et al. 2014). КИАТ состоит из четырех блоков, завершение которых занимает около трех-пяти минут. Испытуемых инструктируют при предъявлении слов (изображений) быстро нажимать клавиши, связанные с конкретным сочетанием объекта и атрибута. Для оценки психологических процессов используется непровольная задержка психомоторной реакции при соотнесении стимулов с парами объект-атрибут.

В 2009 году Y. Bar-Anan с коллегами предложили еще один вариант ИАТ – задачу сортировки парных признаков (*The sorting paired features task, SPF*), которая позволяет использовать один блок, повторяемый четыре раза с изменением места расположения объектов и атрибутов (Bar-Anan 2009). В каждой сессии участникам предъявляются все тестируемые категории, размещенные в четырех углах экрана. В центре располагаются сразу два

стимула, которые необходимо соотнести с одной из пар категорий. В методическом комплексе при необходимости изучения двух феноменов, относящихся к одной сфере, можно рекомендовать использовать разные модификации имплицитных ассоциативных тестов с целью контроля эффектов последовательности. Независимо от модификации, все варианты ИАТ представляют собой компьютеризированную задачу времени реакции, разработанную для измерения относительной силы ассоциаций между четырьмя целевыми категориями.

Приближение или уклонение при встрече с аттрактивными и аверсивными объектами традиционно рассматривается как важное условие адаптации организма к окружающей среде. Первоначально в значительном пуле исследований был обнаружен эффект согласованности между валентностью воспринимаемого явления и поведенческой тенденцией: испытуемые быстрее приближались к положительным стимулам, чем к отрицательным и быстрее отдалялись от отрицательных, чем от положительных. Действительно, тенденция приближения-избегания тесно связана с оценкой объекта. Однако валентность не определяет поведение автоматическим, прямым и обязательно неосознаваемым образом. Например, мимика гнева, оцениваемая негативно, вызывает как приближение, так и отдаление от воспринимаемого человека (Carver, Harmon-Jones 2009). Активация соответствующей тенденции зависит от цели действия, осознанных или неосознаваемых намерений взаимодействия с объектом (Phaf et al. 2014).

Исследователь М. Ружье с коллегами (Rougier et al. 2018) разработали компьютерный вариант задачи приближения и избегания (*Visual Approach/Avoidance by the Self Task; VAAST*). На экране компьютера в зависимости от действий участника появляется увеличенное или уменьшенное тестовое изображение, помещенное в виртуальное трехмерное пространство, способствующее созданию впечатления глубины и движения вперед-назад. Задача состоит из двух учебных и двух тестовых блоков: конгруэнтного (приближение положительных и отдаление отрицательных) и не конгруэнтного (противоположно организованного). Выраженность поведенческой тенденции определяется путем сравнения скорости и точности выполнения инструкции в двух блоках.

ИАТ и VAAST являются способами косвенной оценки психологических процессов, связанных с аффективными реакциями, определяющими скорость выполнения инструкций. Однако ИАТ измеряет силу (доступность) ассоциаций между двумя категориями, а VAAST – поведенческую (мотивационную) тенденцию к изменению расстояния между собой и объектом. Использование двух методов позволяет получить целостное представ-

ление об отношении к объекту и готовности взаимодействовать с ним определённым образом на основании прошлого опыта.

Методы косвенной диагностики аттитудов могут использоваться для оценки имплицитного отношения к предпринимательской и научной деятельности. Анализ полученных результатов целесообразно осуществлять в совокупности с данными, собранными с использованием опросных методов.

Заключение

Социально-психологический мониторинг обучающихся предполагает широкие диагностические возможности с целью формирования портрета компетенций студента на разных этапах обучения в Самарском университете. На сегодняшний день очевидным является тот факт, что, с одной стороны, выпускники разных школ, поступившие в один и тот же вуз на одну и ту же специальность, могут существенно отличаться друг от друга по своим компетенциям (несмотря на схожую сумму баллов по ЕГЭ). И при этом, с другой стороны, иметь существенный «недобор» по компетенциям, необходимым для обучения этой специальности, и в целом для обучения в университете.

Разрабатываемая методика социально-психологического мониторинга обучающихся и абитуриентов призвана способствовать устранению этих пробелов. Первичный замер и составление портрета компетенций вчерашних абитуриентов, а именно, первокурсников в первый месяц их обучения в университете, позволит получить информацию о том «усреднённом» абитуриенте, который пришел на конкретную специальность, и выявить его сильные и слабые компетенции. Это даст возможность оперативного принятия управленческих решений по корректировке учебного процесса с особым акцентом на слабые компетенции.

Повторный замер и формирование портрета компетенций целесообразно осуществить в завершение обучения на первом курсе (в конце мая, перед летней сессией) с целью выявления динамики в усилении первоначально слабых компетенций и внесении дальнейших рекомендаций по коррективам в учебном процессе. В дальнейшем аналогичные замеры предполагаются ежегодно на каждом последующем курсе.

Первым шагом разработки методики является прояснение её теоретико-методологических оснований. Концептуальная модель портрета компетенций обучающегося строится на понимании понятия готовности к той или иной деятельности в качестве интегративной личностной характеристики, включающей в себя потребности, мотивации, ценности и социальные установки личности. Составление портрета компетенций обучающегося, ориентированного на выявление его готов-

ности к предпринимательской, научной и иным видам деятельности, осуществляется на основании диагностики качественных и количественных характеристик потребностей, мотивации, ценностей, социальных установок обучающегося. Диагностика осуществляется при помощи комплексной методики, включающей социологические и психологические методы, такие как: 1) адаптированная к учебной деятельности методика оценки включенности персонала в деятельность организации; 2) шкала Лайкерта; 3) адаптированные классификации мотивов П.М. Лапина и Т.В. Разиной; 4) методика изучения ценностных ориентаций М. Рокича; 5) методика диагностики ценностных ориентаций Ш. Шварца; 6) методы косвенной диагностики аттитудов ИАТ и VAAST.

Библиографический список

- Bar-Anan, Y., Nosek, B.A., Vianello, M. (2009), The sorting paired features task: a measure of association strengths, *Experimental Psychology*, vol. 56, no. 5, p. 329.
- Carver, C.S. and Harmon-Jones, E. (2009), Anger is an approach-related affect: evidence and implications, *Psychol. Bull.*, no. 135, pp. 183–204, DOI: <http://doi.org/10.1037/a0013965>.
- Donders, F.C. (1969), On the speed of mental processes, *Acta Psychologica*, vol. 30, pp. 412–431, (Original work published 1868).
- Fazio, R.H. (2007), Attitudes as object-evaluation associations of varying strength, *Social Cognition*, vol. 25, no. 5, pp. 603–637.
- Fazio, R.H. (2001), On the automatic activation of associated evaluations: An overview, *Cognition & Emotion*, vol. 15, no. 2, pp. 115–141.
- Greenwald, A.G. and Banaji, M.R. (1995), Implicit social cognition: attitudes, self-esteem, and stereotypes, *Psychological Review*, vol. 102, no. 1, p. 4.
- Greenwald, A.G., Farnham, S.D. (2000), Using the implicit association test to measure self-esteem and self-concept, *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 79, no. 6, p. 1022.
- Greenwald, A.G., McGhee, D.E. and Schwartz, J.L.K. (1998), Measuring individual differences in implicit cognition: the implicit association test, *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 74, no. 6, p. 1464.
- Greenwald, A.G., Banaji, M.R., Rudman, L.A., Farnham, S.D., Nosek, B.A. and Mellot, D.S. (2002), A unified theory of implicit attitudes, stereotypes, self-esteem, and self-concept, *Psychological Review*, vol. 109(1), pp. 3–25.
- Greenwald, A.G., Brendl, M., Cai, H., Charlesworth, T., Cvencek, D., Dovidio, J. F., Friese, M., Hahn, A., Hehman, E., Hofmann, W., Hughes, S., Hussey, I., Jordan, C., Jost, J., Kirby, T., Lai, C. K., Lang, J., Lindgren, K. P., Maison, D., Ostafin, B. D., Rae, J. R.,

Ratliff, K., Smith, C. T., Spruyt, A., & Wiers, R. W. (2019), *The Implicit Association Test at age 20: What is known and what is not known about implicit bias*, University of Washington, Retrieved from [Online], available at: <https://psyarxiv.com/bf97> (Accessed 15 June 2022).

Phaf, R.H. et al. (2014), Approach, avoidance, and affect: a meta-analysis of approach-avoidance tendencies in manual reaction time tasks, *Frontiers in Psychology*, vol. 5, p. 378.

Rougier, M. et al. (2018), A new look at sensorimotor aspects in approach/avoidance tendencies: The role of visual whole-body movement information, *Journal of Experimental Social Psychology*, vol. 76, pp. 42–53.

Rougier, M. et al. (2020), Toward the use of approach/avoidance tendencies as attitude measures: Individual-and group-level variability of the in group bias, *European Journal of Social Psychology*, vol. 50, no. 4, pp. 857–875.

Sriram, N. and Greenwald, A.G. (2009), The brief implicit association test, *Experimental psychology*, vol. 56, no. 4, p. 283.

Абрамова М. Ю. Анализ подходов к определению профессиональной готовности к деятельности водителя // Ярославский педагогический вестник. 2012. Т. 2. №. 3. С. 266–270.

Асмолов А.Г. Установочные эффекты как предвидение будущего: историко-эволюционный анализ. Комментарий к статьям А.Я. Койфман «Установка и неосознаваемый семантический прайминг: разные термины или разные феномены?» и М.Г. Филипповой «Размышления над проблемой сопоставления двух парадигм и «доличностным уровнем» прайминга» // Российский журнал когнитивной науки. 2017. Т. 4. № 1. С. 26–32.

Бахметьев А.Э. Понятие интуиции в философии техники Петра Энгельмейера // История. Семiotика. Культура. Сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием. 2017. С. 76–82.

Большая психологическая энциклопедия: самое полное современное издание: Более 5000 психологических терминов и понятий / [А. Б. Альмуханова и др.]. Москва: Эксмо, 2007.

Бочаров В.Ю., Тукумцев Б.Г. Оценка включенности персонала в деятельность предприятия // Социологические методы в современной исследовательской практике. Москва: НИУ ВШЭ, 2011. С. 124–129.

Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. Москва: Прогресс, 1990.

Гордеева С.С. Сущность и структура социальной установки в социологии и социальной психологии // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. № 3 (27). С. 135–140.

Демина А.И., Нестеров А.Ю. Понятие интуиции в свете концепции «четвёртого царства» // Перспективные информационные технологии (ПИТ 2019). Труды Международной научно-технической конференции. Под ред. С.А. Прохорова. 2019. С. 770–773.

Дессауэр Ф. Спор о технике. Самара: Издательство Самарской гуманитарной академии, 2017.

Зомбарт В. Буржуа: Этюды по истории духовного развития современного экономического человека. Москва: Наука, 1994.

Карандашев В.Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. Санкт-Петербург: Речь, 2004.

Краткий словарь по социологии / Под общей ред. Д.М. Гвишиани, Н.И. Лапина. Москва: Политиздат, 1988.

Крюков Д.С. Handbook по дисциплине «Социология предпринимательства». Москва: Московский финансово-промышленный университет «Синергия», 2011.

Лапин П.М. Мотивация студентов к научно-исследовательской деятельности. 2018. <https://elis.psu.ru/node/555637> (дата обращения 15.06.2022).

Леонтьев А.Н. Потребности, мотивы и эмоции. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1971.

Леонтьев Д.А. Ценностные представления в индивидуальном и групповом сознании: виды, детерминанты и изменения во времени // Психологическое обозрение. 1998. Т. 1. С. 13–25.

Лепский В.Е. Методологический и философский анализ развития проблематики управления. Москва: Когито-Центр, 2019.

Лосский Н.О. Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. Москва: Республика, 1995.

Луговский В.А., Сурженко Л.В., Кох М.Н. Психологическая готовность к профессиональной деятельности как основа конкурентоспособности выпускников вуза // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2018. Т. 24. №. 1. С. 65–69.

Максименко А.А. Социологическая интерпретация понятия «ценность» // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2022. № 2. С. 284–291.

Марченко Т. А. Потребность как социальное явление. Москва: Высш. шк., 2009.

Мельников В.Е. Мотивация к обучению студентов в вузе как психолого-педагогическая проблема // Вестник Новгородского государственного университета. 2016. № 5 (96). С. 61–64.

Мещеряков Б.Г., Зинченко В.П. Большой психологический словарь. Санкт-Петербург: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007.

Нестеров А.Ю. Проблемы управления знаниями в университете четвёртого поколения // Балтийский гуманитарный журнал. 2021. Т. 10. № 1 (34). С. 189–192.

Процедуры и методы социологического исследования. Практикум: учеб. пособие для бакалавров вузов по спец. 040200 «Социология», Кн. 1. Самара: Самарский университет, 2010.

Рабочая книга социолога / Отв. ред. Г.В. Осипов. Москва: Наука, 2008.

Разина Т.В. Мотивация научной деятельности: теоретические и методологические проблемы исследования // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2017. Т. 2. № 1. С. 114–136. <http://work-org-psychology.ru/engine/documents/document232.pdf> (дата обращения 15.06.2022).

Рокич М. Природа человеческих ценностей. Москва; Нью-Йорк, 1973.

Самсонов Р.О., Нестеров А.Ю. Инновационное понятие «космос» в трансформационной модели университета // Онтология проектирования. 2019. Т. 9. № 2 (32). С. 175–190.

Шагурова А.А. Социально-психологическая готовность молодежи к волонтерской деятельности: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук: специальность 19.00.05; [Рос. гос. социал. ун-т]. Москва, 2013.

Энгельмейер П.К. Теория творчества. Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010.

Ядов В.А. Социальная идентичность личности. Москва, 1994.

References

Bar-Anan, Y., Nosek, B.A., Vianello, M. (2009), The sorting paired features task: a measure of association strengths, *Experimental Psychology*, vol. 56, no. 5, p. 329.

Carver, C.S. and Harmon-Jones, E. (2009), Anger is an approach-related affect: evidence and implications, *Psychol. Bull.*, no. 135, pp. 183–204, DOI: <http://doi.org/10.1037/a0013965>.

Donders, F.C. (1969), On the speed of mental processes, *Acta Psychologica*, vol. 30, pp. 412–431, (Original work published 1868).

Fazio, R.H. (2007), Attitudes as object-evaluation associations of varying strength, *Social Cognition*, vol. 25, no. 5, pp. 603–637.

Fazio, R.H. (2001), On the automatic activation of associated evaluations: An overview, *Cognition & Emotion*, vol. 15, no. 2, pp. 115–141.

Greenwald, A.G. and Banaji, M.R. (1995), Implicit social cognition: attitudes, self-esteem, and stereotypes, *Psychological Review*, vol. 102, no. 1, p. 4.

Greenwald, A.G., Farnham, S.D. (2000), Using the implicit association test to measure self-esteem and self-concept, *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 79, no. 6, p. 1022.

Greenwald, A.G., McGhee, D.E. and Schwartz, J.L.K. (1998), Measuring individual differences in implicit cog-

nitition: the implicit association test, *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 74, no. 6, p. 1464.

Greenwald, A.G., Banaji, M.R., Rudman, L.A., Farnham, S.D., Nosek, B.A. and Mellot, D.S. (2002), A unified theory of implicit attitudes, stereotypes, self-esteem, and self-concept, *Psychological Review*, vol. 109 (1), pp. 3–25.

Greenwald, A.G., Brendl, M., Cai, H., Charlesworth, T., Cvencek, D., Dovidio, J. F., Friesse, M., Hahn, A., Hehman, E., Hofmann, W., Hughes, S., Hussey, I., Jordan, C., Jost, J., Kirby, T., Lai, C. K., Lang, J., Lindgren, K. P., Maison, D., Ostafin, B. D., Rae, J. R., Ratliff, K., Smith, C. T., Spruyt, A., & Wiers, R. W. (2019), *The Implicit Association Test at age 20: What is known and what is not known about implicit bias*, University of Washington, Retrieved from [Online], available at: <https://psyarxiv.com/bf97> (Accessed 15 June 2022).

Phaf, R.H. et al. (2014), Approach, avoidance, and affect: a meta-analysis of approach-avoidance tendencies in manual reaction time tasks, *Frontiers in Psychology*, vol. 5, p. 378.

Rougier, M. et al. (2018), A new look at sensorimotor aspects in approach/avoidance tendencies: The role of visual whole-body movement information, *Journal of Experimental Social Psychology*, vol. 76, pp. 42–53.

Rougier, M. et al. (2020), Toward the use of approach/avoidance tendencies as attitude measures: Individual- and group-level variability of the in group bias, *European Journal of Social Psychology*, vol. 50, no. 4, pp. 857–875.

Sriram, N. and Greenwald, A.G. (2009), The brief implicit association test, *Experimental psychology*, vol. 56, no. 4, p. 283.

Abramova, M.Yu. (2012), The analysis of approaches to determination of readiness for professional activity of the driver, *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, vol. 2. no. 3. pp. 266–270.

Asmolov, A.G. (2017), Effects of set in forecasting of the future: Historical evolutionary analysis. Commentary on the papers “Set and unconscious semantic priming: Two different labels or two distinct phenomena?” by A. Koyfman and “Comparing two paradigms and the “Prepersonal level” of priming by M. Filippova, *The Russian Journal of Cognitive Science*, vol. 4. no. 1. pp. 26–32.

Bakhmetiev, A.E. (2017), The concept of intuition in Peter Engelmeier’s philosophy of technology, *Istoriya. Semiotika. Cultura, History. Semiotics. Culture, Russian international scientific conference proceedings*, pp. 76–82.

Almukhanova, A.B. (et al.) (2007), *Great psychological encyclopedia: the ultimate recent edition: more than 5000 psychological terms and concepts*, Eksmo, Moscow, Russia.

Bocharov, V.Yu. and Tukumtsev, B.G. (2011), Estimation of the personnel involvement into the company

- activity, *Sociologicheskie metody v sovremennoj issledovatel'skoj praktike*, HSE, Moscow, pp. 124–129.
- Weber, M. (1990), *The protestant ethic and the spirit of capitalism*, Selected works, Progress, Moscow.
- Gordeeva, S.S. (2016), Essence and structure of social attitudes in sociology and social psychology, *Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology»*, no. 3 (27). pp. 135–140.
- Demina, A.I. and Nesterov, A.Yu. (2019), The notion of intuition within the meaning of the «Fourth kingdom» conception, Advanced information technologies and scientific computing (PIT 2019), *International scientific conference proceedings*, in Prokhorova, S.A. (ed.), pp. 770–773.
- Dessauer, F. (2017), *Streit um die technik*, Samara Academy of Humanities publ., Samara, Russia.
- Sombart, W. (1994), *Der Bourgeois. Zur Geistesgeschichte des modernen Wirtschaftsmenschen*, Nauka, Moscow, Russia.
- Karandashev, V.N. (2044), *Schwarz's methods for studying individual values: Conception and methodological guidance*, Rech, Saint Petersburg, Russia.
- Sociology concise dictionary* (1998), D.M. Gvishiani and N.I. Lapin (ed.), Politizdat publ., Moscow, Russia.
- Krjukov, D.S. (2011), *Handbook in the discipline «Business sociology»*, Moscow University for Industry and Finance "Synergy", Moscow, Russia.
- Lapin, P.M. (2018), The motivation of scientific-research activity of students at the university, [Online], available at: <https://elis.psu.ru/node/555637> (Accessed 15 June 2022).
- Leont'ev, A.N. (1971), *Needs, motives, emotions*, Moscow university press, Moscow, Russia.
- Leont'ev, D.A. (1998), Values of the individual and group consciousness: types, determinants and time changes, *Psihologicheskoe Obozrenie*, vol. 1, pp. 13–25.
- Lepskiy, V.E. (2019), *Methodological and philosophical analysis control development*, Cogito publ., Moscow, Russia.
- Losskiy, N.O. (1995), *Sensory, Intellectual, and Mystical Intuition*, Respublika publ., Moscow, Russia.
- Lugovskiy, V.A., Surzhenko, L.V. and Koh, M.N. (2018), Psychological readiness for the professional occupation as the basis of graduates' competitiveness, *Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*, vol. 24, no. 1, pp. 65–69.
- Maksimenko, A.A. (2022), Sociological interpretation of “value” conception, *Vestnik of Kostroma State University*, no. 2, pp. 284–291.
- Marchenko, T.A. (2009), *Need as a social phenomenon*, Vysshaja shkola publ., Moscow, Russia.
- Mel'nikov V.E. (2016), Motivation to training of university students as psychological and pedagogical problem, *Vestnik NovSU*, no. 5 (96), pp. 61–64.
- Mescheryakov, B.G. and Zinchenko V.P. (2007), *Great psychological dictionary*, Prime-EVROZNAK publ., Saint Petersburg, Russia.
- Nesterov, A.Yu. (2021), Problems of knowledge management at a fourth-generation university, *Baltic Humanitarian Journal*, vol. 10, no.1 (34), pp. 189–192.
- Social research methods. Practical course: Guide for bachelor degrees in - 040200 “Sociology”* (2010), p. 1, Samara University, Samara, Russia.
- Sociologist workbook* (2008), in Osipov G.V. (ed.), Nauka publ., Moscow, Russia.
- Razina T.V. (2017), Scientific motivation: Theoretical and methodological problems, *Institute of psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational psychology and labor psychology*, vol. 2, no. 1, pp.114–136, [Online], available at: <http://work-org-psychology.ru/engine/documents/document232.pdf> (Accessed 15 June 2022).
- Rokeach, M. (1973), *The nature of human values*, Free press, New York, USA.
- Samsonov, R.O. and Nesterov, A.Yu. (2019), Innovative concept of “Space” in the transformation model of the university, *Ontology of designing*, vol. 9, no. 2 (32), pp. 175–190.
- Shagurova, A.A. (2013), *Social-psychological readiness of the youth for the voluntary work: Author's abstract of dissertation for scientific degree of candidate of psychological sciences: degree 19.00.05*, Russian university of state for social, Moscow, Russia.
- Engel'meier, P.K. (2010), *The theory of creativity*, LIBROCOM publ., Moscow, Russia.
- Yadov, V.A. (1994), *Personal social identity*, Moscow, Russia.

Submitted: 04.07.2022

Revised: 06.09.2022

Accepted: 16.09.2022

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 316.4.06

DOI: 10.18287/2782-2966-2022-2-3-102-109

Дата поступления: 01.07.2022
рецензирования: 12.09.2022
принятия: 29.09.2022

М.А. Корсун

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: forposts@bk.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0809-7164>

Опыт взаимодействия с экологическим каркасом современного города

Аннотация: в статье рассматриваются различные аспекты конструирования и использования понятия «экологический каркас города», а также практики непосредственного взаимодействия. Инвайронментальный дискурс предполагает более рефлексивное отношение к представителям животного и растительного мира, рассматривая их как полноправных субъектов социальной структуры. Учитывая высокие темпы урбанизации, необходимость анализа взаимодействий человека и растительного мира в рамках городского пространства становится все более актуальной. В данной работе мы рассмотрели теоретические подходы к концептуализации понятий, связанных с растительностью в городе, выделив понятие «экологический каркас города» как наиболее полно соответствующее «новой экологической парадигме». Далее были проанализированы градостроительные документы 15 городов-миллионников Российской Федерации, в которых вопросы озеленения городских территорий рассматриваются на различных рефлексивных уровнях. Кроме того, в работе представлены результаты эксперимента по экологическому аудиту городских территорий, в рамках которого участники анализировали структуру экологического каркаса города и отдельные его элементы. Эксперимент показал низкий уровень экологической культуры участников, т.к. определение конкретных видов растений вызывало серьезные трудности, а сценарии личного взаимодействия с растениями были довольно скудными и ограничивались пассивным восприятием. Однако информирующая ориентация эксперимента способствовала осуществлению саморефлексии участников, что привело к повышению осведомленности о структуре и функциях экологического каркаса и расширило личные стратегии взаимодействия с ним у участников эксперимента.

Ключевые слова: экологический каркас города; экосистемные услуги; городское пространство; городское озеленение; инвайронментальная социология; социология города; экологическая культура.

Цитирование: Корсун М.А. Опыт взаимодействия с экологическим каркасом современного города // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2022. Т. 2, № 3. С. 102–109. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-3-102-109>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Корсун М.А., 2022 – старший преподаватель кафедры социологии и культурологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

M.A. Korsun

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: forposts@bk.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0809-7164>

Experience of interaction with the ecological framework of a modern city

Abstract: the article considers various aspects of constructing and applying the concept of «urban ecological framework», and also practices of direct interaction. The environmental discourse assumes a more reflexive attitude towards the flora and fauna representatives, regarding them as full social structure subjects. Taking into account high rates of urbanization, it tends to be more topical to analyze human interaction with the plants within the urban space. In the scope of this paper, we reviewed theoretical approaches to the conceptualization of the concepts related to urban vegetation, highlighting the concept of «city ecological frame-

work» as the most optimally corresponding to the New Ecological Paradigm. Further, the author analyzed the urban planning documents of 15 Russian million cities where the city garden problems are reviewed at various reflective levels. Besides, the work presents the results of an experiment on the environmental audit of urban areas, when participants analyzed the structure of urban ecological framework and its separate elements. The experiment showed a low level of the participants' ecological culture, because the identification of specific plant species caused serious difficulties, and the scenarios of personal interaction with plants were rather poor and were limited to passive perception. However, the informing orientation of the experiment encouraged the participants to self-reflect, that raised the participants' awareness about the structure and functions of the ecological framework and expanded personal strategies for interacting with it.

Key words: urban ecological framework; ecosystem services; urban space; urban vegetation; environmental sociology; urban sociology; ecological culture.

Citation: Korsun, M.A. (2022), Experience of interaction with the ecological framework of a modern city, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 2, no. 3, pp. 102–109, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-3-102-109>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© **Korsun M.A., 2022** – Senior Lecturer of the Department of Sociology and Cultural Studies, Samara National Research University, 34, Moskovskoe shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Инвайронментальный дискурс, возникший в науках об обществе в начале 70-х гг. XX века, проблематизировал положение человека в системе окружающего мира, указав на недопустимость антропоцентричного мировоззрения. Это потребовало существенного пересмотра теоретического базиса социальных наук, в котором взаимодействие человека и природного мира, а в особенности мира растительного, трактуется очень неоднозначно. В работе «Лес» В.В. Биbihин пишет о всепроникающей материи леса, его необходимости для существования человека (Биbihин 2011). Однако уже на первых страницах он заявляет о недостаточной рефлексии леса в философии, искусстве и богословии, несмотря на обильное использование растительной метафоры. Основания научной рациональности, заложенные в эпоху Просвещения и выраженные в картезианской установке «*cogito ergo sum*», предполагали рассмотрение растительного мира как неразумной материи, полностью подвластной человеку. И хотя Хоркхаймер и Адорно в «Диалектике Просвещения» указывали на разрушительность подобного подхода (Хоркхаймер, Адорно 1997), человеческое мышление склонно рассматривать представителей животного мира как менее статусных акторов, а представителей растительного мира помещать в позиции фонового существования.

В 1999 г. исследователями Вандерси и Шусслер был предложен термин «*plant blindness*», под которым они понимали форму когнитивного искажения, которое в самом широком смысле представляет собой человеческую склонность игнорировать образ растений (Wandersee, Schussler 1999). Сюда входят такие явления, как незамечание растений в окружающей среде, непризнание важности растительной жизни для всей биосферы

и для человеческой деятельности, философский взгляд на растения как на низшую форму жизни по сравнению с животными и/или неспособность оценить уникальные особенности или эстетику растений. При этом более интенсивное и/или более рефлексивное преподавание биологических дисциплин в образовательных учреждениях разного уровня формирует у обучающихся более равномерные представления о структуре живого мира и помогает преодолеть феномен *plant blindness* (Jose et al. 2019).

Ход исследования

Сегодня урбанистический дискурс переживает своего рода «ренессанс» идеи озеленения и создания зеленой инфраструктуры. Современные исследования доказывают, что озеленение городских территорий позитивно влияет на состояние здоровья горожан, их субъективное восприятие качества жизни и показатели материальной обеспеченности (Wolf et al. 2020, Pataki et al. 2021, Jones 2021 и др.). В 2021 году ООН опубликовала информационную записку «Вызов: деревья в городах», где были описаны основные положительные эффекты от существования достаточного количества зеленых насаждений в черте города и рассмотрены лучшие мировые практики городского озеленения (Вызов: деревья в городах 2021). Подобные позитивные эффекты в академической инвайронментальной литературе трактуются как «экосистемные услуги», предоставляемые зелеными насаждениями (Bolund, Hunhammar 1999, Salmond et al. 2016, Varo et al. 2017 и др.), что позволяет в какой-то степени уйти от сугубо утилитарного антропоцентричного взгляда на растительный мир и рассматривать его как систему взаимосвязанных живых организмов и условий среды. К основным экосистемным услугам, предоставляемым зелеными насаждениями, относят:

- смягчение последствий изменения климата;
- очищение воздуха;
- поддержание качества почвы;
- снижение шумового загрязнения;
- регулирование температуры;
- направление и отведение ливневых потоков;
- поддержание биоразнообразия;
- обеспечение продовольственной безопасности;
- создание условий для рекреации;
- формирование культурной идентичности и др. (Baro et al. 2014, Фролова 2021).

Таким образом, зеленые насаждения в городе являются не только декоративным элементом среды, но и значимым экономическим агентом, поскольку могут влиять как на привлекательность жилых районов и стоимость жилья в них (Wolf 2007, Czembrowski, Kronenberg 2016), так и напрямую на муниципальный бюджет в сторону его увеличения посредством снижения уровня загрязнений, направлением ливневых стоков и т.д. (McPherson et al. 1999). В отечественной академической литературе исследования по оценке экономического воздействия деревьев на городскую среду представлены более скудно, нежели за рубежом, и реализуются чаще всего специалистами в области лесного хозяйства, а не городской экономики. Тем не менее, некоторые исследования содержат авторские модели расчета экономической эффективности зеленых насаждений в городе (Крупина 2017).

Данная ситуация тесно связана, по нашему мнению, с размытостью терминологического аппарата в изучаемой предметной области, а также неопределенностью структуры изучаемого объекта. Дело в том, что сами зеленые насаждения в черте города зачастую сводятся к деревьям, что значительно сужает исследовательский фокус и формирует тот самый эффект *plant blindness*, но в более узком смысле – для травянистых растений. Разумеется, большая часть вышеописанных экосистемных услуг связана именно с деревьями (снижение шумового загрязнения, фильтрация воздуха от взвешенных частиц и т.д.), но, например, эффективный отвод ливневых потоков или поддержание влажности почвы для недопущения ее эрозии невозможны без травяного покрова на «незапечатанных» городских территориях. Так, в ГОСТ 28329-89 «Озеленение городов» «зеленые насаждения» определяются как «совокупность древесных, кустарниковых и травянистых растений на определенной территории», но например, «газон» трактуется как «травяной покров, создаваемый посевом семян специально подобранных трав, являющийся фоном для посадок и парковых сооружений и самостоятельным элементом ландшафтной композиции». Анализируя данный ГОСТ, можно заключить, что в документе озеле-

ние городских территорий рассматривается как результат деятельности человека, осуществляющее исключительно вложенные при его формировании функции, и не учитывает совокупность произрастающих вместе растений как самоценный биосферный элемент.

В отечественной литературе также часто используется термин «зеленая инфраструктура», который может быть определен как комплекс сооружений, предприятий, учреждений, сетей и технологических систем, обеспечивающих условия среды жизни человека, включающий как элементы традиционной социальной и производственной инфраструктуры (системы мониторинга, очистных сооружений, коммунальное хозяйство, сфера обслуживания, дренажные системы, плотины и пр.), так и совокупность особо охраняемых природных территорий, зеленые зоны, парковые и защитные леса, памятники природы и другие объекты (Реймерс 1990) или как совокупность геосистем естественного и искусственного происхождения в пределах того или иного ландшафта, которые выполняют природоохранные функции (Тетиор 2014). Несомненным плюсом данных определений является закрепление за растительным миром системных функций, направленных на производство социальных благ, однако отметим, что и здесь «зеленая инфраструктура» редуцируется до обслуживающей потребности человека системы. Приведенные определения ярко иллюстрируют образ мышления в «парадигме человеческой исключительности» (*Human Exemptionalism Paradigm*) – термин, предложенный Каттоном и Дэнлопом в 1980 г. и означающий детерминирующую социальное познание рамку, которая рассматривает человека как наиболее развитое существо, господствующее на основании этого над остальными видами (Catton, Dunlap 1980). Данная дисциплинарная традиция, по мнению Каттона и Дэнлопа, затронула большинство социальных наук, закрепив антропоцентричный подход к рассмотрению социальных и природных процессов, что привело, в конечном счете, к экологическому кризису в развитых странах.

В противовес парадигме человеческой исключительности Каттон и Дэнлоп предложили «новую экологическую парадигму» (*New Ecological Paradigm*), которая не отвергает положения первой, однако корректирует их, помещая человека в «горизонтальные» связи с элементами природной среды. В НЭП признается высокий уровень развития человека как вида, но отрицается его право на неререфлективное использование природных ресурсов и ущемление иных видов живых существ в угоду собственным желаниям. В связи с этим мы считаем наиболее приближенным к идеям новой экологической парадигмы определением растительных видов в городском пространстве

понятие «экологический каркас». Разумеется, данное понятие также имеет сложности с концептуализацией, поскольку разные авторы используют параллельно такие термины, как «природный каркас», «природно-экологический каркас» и т.д. (Мырзагалиева, Станис 2015)

В данной работе мы обратились к определению понятия «экологический каркас», сформулированному А.В. Елизаровым: «...Экологический каркас территории, в принятой нами трактовке – это совокупность ее экосистем с индивидуальным режимом природопользования для каждого участка, образующих пространственно организованную инфраструктуру, которая поддерживает экологическую стабильность территории, предотвращая потерю биоразнообразия и деградацию ландшафта. Экологический каркас выполняет свои функции при наличии соответствующих правовых, экономических и управленческих механизмов, которые должны быть связаны с существующим уровнем экономической инфраструктуры и технологий природопользования» (Елизаров 2008). В предложенном определении основной функцией экологического каркаса является сохранение биоразнообразия, а не обеспечение антропогенных процессов, что является более выгодным фокусом в качестве долгосрочной стратегии формирования устойчивых городских систем. Структура экологического каркаса совпадает со структурой озелененных территорий согласно ГОСТ 28329-89, но выражается через категорию яруса: нижний ярус – травянистые растения, средний – кустарники и верхний – деревья, при этом все ярусы каркаса должны быть представлены в совокупности для поддержания биоразнообразия. Система взаимосвязанных элементов экологического каркаса обеспечивает городским животным, птицам и насекомым возможность перемещений между территориями («запечатанные», заасфальтированные территории часто являются непреодолимыми и «запирают» популяцию на определенной части пространства), что увеличивает общую устойчивость экосистемы и повышает качество экосистемных услуг.

Обращаясь к определению экологического каркаса, данного А.В. Елизаровым, отметим, что в условиях городской среды экологический каркас не может существовать без адекватного управленческого регулирования, поэтому мы проанализировали центральные документы, определяющие градостроительную политику города. Для анализа были выбраны генеральные планы 2 городов федерального значения (г. Москва и г. Санкт-Петербург) и 13 городов-миллионников (г. Новосибирск, г. Екатеринбург, г. Казань, г. Нижний Новгород, г. Челябинск, г. Самара, г. Уфа, г. Ростов-на-Дону, г. Омск, г. Красноярск, г. Воронеж, г. Пермь, г. Волгоград).

Анализ документов показал, что их структура не единообразна, поэтому данные о текущей экологической ситуации, а также планах по развитию природной среды города очень разнятся. Кроме того, не унифицирован и используемый категориальный аппарат: так, например в генеральном плане г. Пермь используется исключительно термин «озелененные территории», а в генеральном плане г. Самары – «природно-экологический каркас», «ландшафтно-экологический каркас» и «рекреационный каркас» в качестве синонимов, без четкого определения различий.

Тем не менее, прослеживается позитивная тенденция: генеральные планы городов, утвержденные в течение последних 3 лет, содержат гораздо более полную и структурированную информацию об экологической ситуации, природных территориях и планах по их развитию. В исследовании экологических каркасов крупных российских городов, проведенном в 2018 году (Климанова и др. 2018), генеральные планы некоторых городов оцениваются как слабо проработанные по данному направлению, однако наше исследование зафиксировало изменения в качестве данных документов. Такая ситуация актуальна для генеральных планов г. Уфа, г. Воронеж, г. Омск, г. Ростов-на-Дону, г. Новосибирск, г. Челябинск. Некоторые из документов разработаны одной и той же организацией – Институтом Генплана Москвы, что определяет схожую структуру генеральных планов и систему оценки качества окружающей среды. В целом анализ генеральных планов городов-миллионников показал, что рассмотрение озелененных территорий с позиций концепции экологического каркаса (хотя зачастую без использования данного термина или использования его в измененном виде, например, «природно-экологический каркас» в генплане г. Ростов-на-Дону и т.д.) становится все более распространенной, что позволяет рассчитывать на их сбалансированное развитие.

Следует отметить, что анализируемые документы, хотя и расположены на официальных сайтах администраций или архитектурных департаментов, не всегда легко обнаруживаются и чаще всего не адаптированы для восприятия горожанами. Исключение составляют генеральные планы, составленные Институтом Генплана Москвы, которые сопровождаются краткими выдержками о направлениях работы в рамках генерального плана города, а также интерактивной картой размежевания городских и пригородных территорий. Какой-либо инфографики, иллюстрирующей работы по развитию природных территорий, не представлено. С одной стороны, интерес к генеральному плану со стороны горожан проявляется как раз в уточнении границ размежевания зон, с другой – остальные направления генерального

плана остаются в тени, хотя их репрезентация для широких масс населения способствовала бы более рефлексивному отношению к различным элементам городской инфраструктуры, включая «зеленую».

В начале статьи мы приводили пример о влиянии экологического образования на восприятие растительного мира (Jose et al. 2019), поэтому решили проверить, существуют ли цифровые инициативы, реализуемые муниципалитетами, волонтерским сообществом или иными агентами, которые способствуют формированию более рефлексивных практик взаимодействия с зелеными насаждениями в городском пространстве. Таким сервисом может служить, например, The New York City Street Tree Map (<https://tree-map.nycgovparks.org/tree-map>), который содержит информацию о каждом дереве в Нью-Йорке, включая расчеты экономии бюджета от наличия данного дерева (водные ресурсы, электроэнергия, фильтрация воздуха). В России не существует настолько подробных карт, однако имеется схожий проект – Countree (<https://24.countree.ru/>) в Красноярске. Разница в данных проектах заключается в финансировании и участниках, в Нью-Йорке работы по учету, описанию и расчетам проводит соответствующий департамент, а красноярский проект осуществляется на основе волонтерской деятельности и открыт для участия любых заинтересованных лиц. Такие проекты позволяют делать видимыми зеленые насаждения, т.к. создают их цифровых двойников, доступных для рассмотрения в любое время независимо от местонахождения зрителя, а также превращают «безымянное» дерево в природный объект, обладающий уникальными характеристиками (вид, высота, возраст и т.д.). Кроме того, наличие цифрового двойника может в некоторой степени обезопасить зеленые насаждения от бесконтрольной вырубki. С недавних пор Российское географическое общество запустило проект по проведению фенологических исследований (<https://fenolog.rgo.ru>) силами добровольцев, однако широкого распространения эта практика пока не получила.

На наш взгляд, применение цифровых технологий в сфере формирования и развития экологической культуры является довольно эффективным инструментом. На сегодняшний день существуют сервисы дополненной реальности, позволяющие определять вид растения по его фотографиям (например, мобильные приложения PlantNet, iNaturalist, PlantSnap и др.). Данные сервисы используют механизмы нейросетей, которые сравнивают загружаемое фото с тысячами других, позволяя выявить сходство, при этом чем больше фотографий будет загружено пользователями, тем точнее будут работать определяющие алгоритмы.

Для того, чтобы проверить гипотезу о том, что информация об окружающем растительном мире

формирует более рефлексивные практики взаимодействия с экологическим каркасом города и для определения общего уровня осведомленности о биоразнообразии растительного мира в городе, нами в рамках учебных курсов «Социальная экология» и «Инвйронментальная социология» в течение 2 лет проводился эксперимент по экологическому аудиту городских территорий с применением сервисов дополненной реальности. Участниками эксперимента стали студенты-бакалавры социологического факультета 2 и 3 курсов общей численностью 62 человека. Перед началом эксперимента участники ознакомились с концепцией экологического каркаса и его структурой. Отметим, что на момент участия в эксперименте студенты получили базовые знания по данным курсам.

В ходе эксперимента студентам было поручено найти, сфотографировать и определить несколько элементов экологического каркаса (деревья, кустарники, травы), а также проанализировать непосредственные и опосредованные практики взаимодействия с горожанами (в том числе самими испытуемыми) или другими пользователями городского пространства. Для облегчения задачи определения и классификации растений участникам можно было использовать специализированное программное обеспечение. Эксперимент проводился на территории городов Самарской области: Самары, Тольятти, Сызрани, Новокуйбышевска, Чапаевска в 2021–2022 гг.

Результаты исследования показали, что базовая осведомленность о структуре и функционале экологического каркаса города у участников исследования находится на низком уровне. Если некоторые виды деревьев информанты могли правильно определить самостоятельно, без применения вспомогательных приложений, то кустарники и трава воспринимались как некоторая гомогенная зеленая масса, без разделения на уникальные виды. Легче всего информантам давалось определение вида деревьев, имеющих яркие отличительные черты – береза (окраска ствола), тополь (наличие пуха), клен остролистный (форма листьев). Сложнее оказался анализ нижнего яруса: информанты с трудом выделяли отдельные виды травянистых растений, акцентируя внимание в основном на цветущих растениях либо на растениях, имеющих крупные побеги или яркие цветы. Поиск разнообразных кустарниковых растений вызвал определенные трудности, т.к. в городском пространстве данный ярус представлен весьма скудно: кустарники чаще всего присутствуют в качестве искусственно высаженных элементов ландшафтного дизайна, которые не так часто попадались в городах-участниках эксперимента. Информанты сообщали, что часто прибегали к сервисам по определению вида растений, т.к.

многие растения были им в принципе не знакомы или знакомы только по внешнему виду, но название было неизвестно. Иногда информанты определяли растения ошибочно – такое происходило либо если информант усвоил неправильное название вида растения задолго до эксперимента и не воспользовался для уточнения цифровым сервисом, либо фото определяемого растения было нечетким и сервис не справился с определением.

В ходе описательной части эксперимента информанты представляли краткую справку о собранных растениях. Чаще всего информанты описывали их таксономические характеристики, лечебные и питательные свойства, что связано с топом выдачи поисковых систем по запросу с названием растения. Однако иногда информанты говорили о символических смыслах тех или иных растений или их мифологических проявлениях; при этом сами информанты добавляли эти факты в ходе устного рассказа и маркировали их как некие наивные представления. Взаимодействие с другими видами (насекомыми, птицами, животными) практически не рассматривались информантами. В отдельных случаях растение обозначалось как возможный аллерген или агрессивный вид, способный вытеснить другие растения или существенно ограничить их доступ к ресурсам.

Личные практики информантов не включали в себя взаимодействия с растениями, за исключением детских игровых практик (листья деревьев выполняли функции денег, палки из побегов деревьев были более многофункциональны, однако связь «палка-дерево» возникала в нарративах не всегда). Использование растений или отдельных его частей в личной деятельности допускалось информантами только в случаях плодовых деревьев, ягодных кустарников и съедобной зелени, произрастающих на дачных участках. Употребление в пищу растений, свободно произрастающих в городе, вызывает восхищение, но не рассматривается как допустимая деятельность. Тем не менее, информанты упоминали о таких личных практиках применительно к южным городам.

Особое внимание в данном исследовании мы уделили саморефлексии участников эксперимента. Информанты в целом положительно оценивают опыт участия в исследовании: высоко оцениваются позитивные эмоции от «узнавания» того или иного растения, информанты фиксируют усложнение структуры воспринимаемого окружающего пространства, отмечают, что в гораздо большей степени стали обращать внимание на растения, способ их высадки, текущее состояние. Участие в эксперименте помогло студентам сделать практики использования городского пространства более насыщенными, что можно рассматривать как доказательство выдвинутой исследовательской гипотезы.

Заключение

Таким образом, разработка терминологического аппарата, используемого для определения позиций и структуры растительного мира в городском пространстве, а также разработка проектов, расширяющих возможности взаимодействия горожан и экологического каркаса города, несет позитивные изменения как для состояния окружающей среды, так и для субъективно осознаваемого качества жизни.

Библиографический список

- Baro, F., Chaparro, L., Gomez-Baggethun, E., Langemeyer, J., Nowak, D. J. and Terradas, J. (2014), *Contribution of ecosystem services to air quality and climate change mitigation policies: the case of urban forests in Barcelona, Spain, Ambio*, vol. 4, pp. 466–479, DOI: <https://doi.org/10.1007/s13280-014-0507-x>.
- Baró, F., Gómez-Baggethun, E. and Haase, D. (2017), Ecosystem service bundles along the urban-rural gradient: Insights for landscape planning and management, *Ecosystem Services*, vol. 24, pp. 147–159. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ecoser.2017.02.021>.
- Bolund, P. and Hunhammar, S. (1999), Ecosystem services in urban areas, *Ecological Economics*, vol. 29, issue 2, pp. 293–301, DOI: [https://doi.org/10.1016/S0921-8009\(99\)00013-0](https://doi.org/10.1016/S0921-8009(99)00013-0).
- Catton, W.R. and Dunlap, R.E. (1980). A New Ecological Paradigm for Post-Exuberant Sociology, *American Behavioral Scientist*, vol. 24 (1), pp. 15–47, DOI: <https://doi.org/10.1177/000276428002400103>.
- Czembrowski, P. and Kronenberg, J. (2016), Hedonic pricing and different urban green space types and sizes: Insights into the discussion on valuing ecosystem services, *Landscape and Urban Planning*, vol. 146, pp. 11–19, DOI: <https://doi.org/10.1016/j.landurbplan.2015.10.005>.
- Jones, B.A. (2021), Planting urban trees to improve quality of life? The life satisfaction impacts of urban afforestation, *Forest Policy and Economics*, vol. 125, URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S1389934121000149?via%3Dihub> (Accessed 22 June 2022), DOI: <https://doi.org/10.1016/j.forpol.2021.102408>.
- Jose, S.B., Wu, C.-H. and Kamoun, S. (2019), Overcoming plant blindness in science, education, and society, *Plants, People, Planet*, vol. 1, pp. 169–172, DOI: <https://doi.org/10.1002/ppp3.51>.
- McPherson, E.G., Simpson, J.R., Peper, P.J. and Xiao, Q. (1999), Benefits-cost analysis of Modesto's municipal urban forest, *Journal of Arboriculture*, vol. 25 (5), pp. 235–248.
- Pataki, D.E., Alberti, M., Cadenasso, M.L., Felson, A.J., McDonnell, M.J., Pincetl, S., Pouyat, R.V., Setälä, H. and Whitlow, T.H. (2021), The Benefits and Limits of Urban Tree Planting for Environmental

and Human Health, *Frontiers in Ecology and Evolution*, vol. 9, [Online], available at: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fevo.2021.603757/full> (Accessed 22 June 2022), DOI: <https://doi.org/10.3389/fevo.2021.603757>.

Salmond, J.A., Tadaki, M., Vardoulakis, S. et al. (2016), Health and climate related ecosystem services provided by street trees in the urban environment, *Environmental Health*, vol. 15 (Suppl 1), [Online], available at: <https://ehjournal.biomedcentral.com/articles/10.1186/s12940-016-0103-6> (Accessed 22 June 2022), DOI: <https://doi.org/10.1186/s12940-016-0103-6>.

Wandersee, J.H. and Schussler, E.E. (1999), Preventing Plant Blindness, *The American Biology Teacher*, vol. 61 (2), pp. 82–86, DOI: <https://doi.org/10.2307/4450624>.

Wolf, K.L., Lam, S.T., McKeen, J.K., Richardson, G.R.A., van den Bosch, M. and Bardekjian, A.C. (2020), Urban Trees and Human Health: A Scoping Review, *International Journal of Environmental Research and Public Health*, vol. 17(12), [Online], available at: <https://www.mdpi.com/1660-4601/17/12/4371> (Accessed 22 June 2022), DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph17124371>.

Wolf, K.L. (2007), City Trees and Property Values, *Arborist News*, no. 4, pp. 34–36.

Бибихин В.В. Лес. Санкт-Петербург: Наука, 2011. 425 с.

Вызов: деревья в городах (2021) Информационная записка. URL: https://treesincities.unece.org/sites/default/files/2021-09/Вызов-Деревья%20в%20города_информационная%20записка.pdf (дата обращения 22.06.2022).

ГОСТ 28329-89 Озеленение городов. Термины и определения // Электронный фонд: [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200023332> (дата обращения: 23.09.2022).

Елизаров А.В. Экологический каркас – стратегия степного природопользования XXI века // Самарская Лука: проблемы региональной и глобальной экологии. 2008. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekologicheskiy-karkas-strategiya-stepnogo-prirodopolzovaniya-xxi-veka> (дата обращения: 23.06.2022).

Климанова О. А., Колбовский Е. Ю., Илларионова О. А. Экологический каркас крупнейших городов Российской Федерации: современная структура, территориальное планирование и проблемы развития // Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле. 2018. Т. 63. Вып. 2. С. 127–146. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu07.2018.201>.

Крупина Н.Н. «Живые» основные средства (многолетние зеленые насаждения) как объект экономического анализа // Экономический анализ: теория и практика. 2017. №11 (470). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhivye-osnovnye>

sredstva-mnogoletnie-zelenye-nasazhdeniya-kak-obekt-ekonomicheskogo-analiza (дата обращения: 23.06.2022).

Мырзагалиева Ж.Ж., Станис Е.В. Методические подходы при создании экологического каркаса Западно-Казахстанской области // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экология и безопасность жизнедеятельности. 2015. №4. С. 114–123.

Реймерс Н.Ф. Природопользование: словарь-справочник. Москва: Мысль, 1990. 637 с.

Тетиор А.Н. Экологическая инфраструктура. Москва: МГУП, 2014. 370 с.

Фролова В.А., Чернышенко О.В. Потенциальные преимущества деревьев-интродуцентов для поддержания экосистемных услуг в городе // Труды по интродукции и акклиматизации растений. 2021. С. 534–537.

Хоркхаймер М., Адорно Т.В. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. Перевод с немецкого М. Кузнецова. Москва-Санкт-Петербург: Медиум, Ювента, 1997. 312 с.

References

Baro, F., Chaparro, L., Gomez-Baggethun, E., Langemeyer, J., Nowak, D. J. and Terradas, J. (2014), *Contribution of ecosystem services to air quality and climate change mitigation policies: the case of urban forests in Barcelona, Spain, Ambio*, vol. 4, pp. 466–479, DOI: <https://doi.org/10.1007/s13280-014-0507-x>.

Baró, F., Gómez-Baggethun, E. and Haase, D. (2017), Ecosystem service bundles along the urban-rural gradient: Insights for landscape planning and management, *Ecosystem Services*, vol. 24, pp. 147–159. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ecoser.2017.02.021>.

Bolund, P. and Hunhammar, S. (1999), Ecosystem services in urban areas, *Ecological Economics*, vol. 29, issue 2, pp. 293–301, DOI: [https://doi.org/10.1016/S0921-8009\(99\)00013-0](https://doi.org/10.1016/S0921-8009(99)00013-0).

Catton, W.R. and Dunlap, R.E. (1980). A New Ecological Paradigm for Post-Exuberant Sociology, *American Behavioral Scientist*, vol. 24 (1), pp. 15–47, DOI: <https://doi.org/10.1177/000276428002400103>.

Czembrowski, P. and Kronenberg, J. (2016), Hedonic pricing and different urban green space types and sizes: Insights into the discussion on valuing ecosystem services, *Landscape and Urban Planning*, vol. 146, pp. 11–19, DOI: <https://doi.org/10.1016/j.landurbplan.2015.10.005>.

Jones, B.A. (2021), Planting urban trees to improve quality of life? The life satisfaction impacts of urban afforestation, *Forest Policy and Economics*, vol. 125, URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S1389934121000149?via%3Dihub> (Accessed 22 September 2022), DOI: <https://doi.org/10.1016/j.forpol.2021.102408>.

- Jose, S.B., Wu, C.-H. and Kamoun, S. (2019), Overcoming plant blindness in science, education, and society, *Plants, People, Planet*, vol. 1, pp. 169–172, DOI: <https://doi.org/10.1002/ppp3.51>.
- McPherson, E.G., Simpson, J.R., Peper, P.J. and Xiao, Q. (1999), Benefits-cost analysis of Modesto's municipal urban forest, *Journal of Arboriculture*, vol. 25 (5), pp. 235–248.
- Pataki, D.E., Alberti, M., Cadenasso, M.L., Felson, A.J., McDonnell, M.J., Pincetl, S., Pouyat, R.V., Setälä, H. and Whitlow, T.H. (2021), The Benefits and Limits of Urban Tree Planting for Environmental and Human Health, *Frontiers in Ecology and Evolution*, vol. 9, [Online], available at: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fevo.2021.603757/full> (Accessed 22 June 2022), DOI: <https://doi.org/10.3389/fevo.2021.603757>.
- Salmond, J.A., Tadaki, M., Vardoulakis, S. et al. (2016), Health and climate related ecosystem services provided by street trees in the urban environment, *Environmental Health*, vol. 15 (Suppl 1), [Online], available at: <https://ehjournal.biomedcentral.com/articles/10.1186/s12940-016-0103-6> (Accessed 22 June 2022), DOI: <https://doi.org/10.1186/s12940-016-0103-6>.
- Wandersee, J.H. and Schussler, E.E. (1999), Preventing Plant Blindness, *The American Biology Teacher*, vol. 61(2), pp. 82–86, DOI: <https://doi.org/10.2307/4450624>.
- Wolf, K.L., Lam, S.T., McKeen, J.K., Richardson, G.R.A., van den Bosch, M. and Bardekjian, A.C. (2020), Urban Trees and Human Health: A Scoping Review, *International Journal of Environmental Research and Public Health*, vol. 17(12), [Online], available at: <https://www.mdpi.com/1660-4601/17/12/4371> (Accessed 22 June 2022), DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph17124371>.
- Wolf, K.L. (2007), City Trees and Property Values, *Arborist News*, no. 4, pp. 34–36.
- Bibihin, V.V. (2011), *Forest*, Nauka, Saint Petersburg, Russia.
- Challenge: Trees in Cities* (2021), Information note, [Online], available at: https://treesincities.unece.org/sites/default/files/2021-09/Вызов-Деревья%20в%20города_информационная%20записка.pdf (Accessed 22 June 2022).
- State Standard 28329-89 Urban planting. Terms and definitions*, [Online], available at: <https://docs.cntd.ru/document/1200023332> (Accessed 23 June 2022).
- Elizarov, A.V. (2008), Ecological framework - the strategy of steppe environmental management of the XXI century, *Samarskaja Luka: problemy regional'noj i global'noj jekologii*, vol. 2, [Online], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekologicheskij-karkas-strategiya-stepnogo-prirodopolzovaniya-xxi-veka> (Accessed 23 June 2022).
- Klimanova, O.A., Kolbowski, E.Yu., Illarionova, O.A. (2018), The ecological framework of Russian major cities: spatial structure, territorial planning and main problems of development, *Vestnik of Saint Petersburg University. Earth Sciences*, vol. 63, issue 2, pp. 127–146, DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu07.2018.201>.
- Krupina, N.N. (2017), "Live" fixed assets (perennial green spaces) as an object of economic analysis, *Ekonomicheskij analiz: teorija i praktika*, vol. 11 (470), [Online], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhivye-osnovnye-sredstva-mnogoletnie-zelenye-nasazhdeniya-kak-obekt-ekonomicheskogo-analiza> (Accessed 23 June 2022).
- Myrzagalieva, Z.Z. and Stanis, E.V. (2015), The methodical approaches of the formation or west Kazakhstan region's ecological framework, *RUDN Journal Of Ecology And Life Safety*, vol. 4, pp. 114–123.
- Rejmers, N.F. (1990), *Nature management: dictionary-reference book*, Mysl', Moscow, Russia.
- Tetior, A.N. (2014), *Ecological infrastructure*, MGUP, Moscow, Russia.
- Frolova, V.A. and Chernyshenko, O.V. (2021), Potential Benefits of Introduced Trees for Maintaining Ecosystem Services in the City, *Trudy po introdukcii i akklimatizacii rastenij*, pp. 534–537.
- Horkheimer, M. and Adorno, T.V. (1997), *Dialectic of the Enlightenment. Philosophical Fragments*, Medium, Juventa, Moscow, Saint Petersburg, Russia.

Submitted: 01.07.2022

Revised: 12.09.2022

Accepted: 26.09.2022

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 316.7

DOI: 10.18287/2782-2966-2022-2-3-110-118

Дата поступления: 28.06.2022
рецензирования: 12.09.2022
принятия: 26.09.2022

И.Е. Финкельштейн

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: irinafinkel19@gmail.com
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9413-0951>

Культурные (медицинские) представления хронических больных в период пандемии COVID-19: механизмы работы и формирования культурного знания в ситуации неопределенности

Аннотация: в период распространения новой коронавирусной инфекции мы стали свидетелями серьезных изменений привычной повседневной жизни в ситуации тотальной неопределенности. В данной работе исследовательская оптика направлена на изучение опыта принятия терапевтических решений пациентами с хроническими заболеваниями в ходе пандемии COVID-19. Гипотетически в такой ситуации могут перестать работать сложившиеся модели медицинского выбора, вплетенные в повседневную жизнь хронических пациентов. Концептуально исследование строилось на основных принципах когнитивной медицинской антропологии, в рамках которой культурные представления человека о болезни и ее лечении становятся основанием для принятия терапевтических решений. В период пандемии формирование нового знания о вирусе, его последствиях, его взаимодействии с хроническими заболеваниями происходило в режиме «здесь и сейчас». Исследование было призвано описать механизмы работы сложившегося до пандемии культурного знания и формирования нового знания хронических пациентов в нетипичной ситуации, как важнейшего фактора пациентского выбора. В рамках исследования было проведено 11 глубинных интервью с людьми, страдающими хроническими заболеваниями.

Проведенный анализ позволил выделить две основные модели медицинского выбора хронических пациентов в период пандемии: (1) *модель, включающая корректировку сложившейся до пандемии схемы лечения*, и (2) *модель, не включающая корректировку сложившейся до пандемии схемы лечения*. Основными факторами, определяющими медицинский выбор хронических больных в период пандемии, стали культурное (медицинское) знание и проблема доступности медицинской помощи. В работе также описана роль личного опыта и опыта «значимых других», «экспертного знания», «народных историй» (опыт незнакомых людей).

Ключевые слова: культурное знание; когнитивная антропология; медицинский выбор; терапевтические решения; пациенты; хронические больные; пандемия.

Цитирование: Финкельштейн И.Е. Культурные (медицинские) представления хронических больных в период пандемии COVID-19: механизмы работы и формирования культурного знания в ситуации неопределенности // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2022. Т. 2, № 3. С. 110–118. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-3-110-118>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© **Финкельштейн И.Е., 2022** – старший преподаватель кафедры методологии социологических и маркетинговых исследований, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

I.E. Finkelstein

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: irinafinkel19@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9413-0951>

Cultural (medical) ideas of long-term care patients during the period of the COVID-19 pandemic: mechanism and formation of cultural knowledge in an uncertain situation

Abstract: in the period of the new corona virus spread we saw major changes in traditional daily living in total uncertainty. This work investigates the experience of making therapeutic decisions by long-term care patients during the COVID-19 pandemic. Theoretically, the long-established medical decision patterns introduced into the chronic patients' daily living can stop being effective in a such situation. Conceptually, the study was based on the core principles of the cognitive medical anthropology, when human cultural ideas about the disease and its treatment become fundamental for therapeutic decision making. In the pandemic time, formation of new knowledge about the virus, its consequences, its interaction with chronic diseases ran in the "here and now" mode. The research was to describe the mechanisms of the prepandemic cultural knowledge and creation of new knowledge in an unconventional situation that the long-term care patients had as the most important factor for the patient choice. Within the investigation framework, 11 depth interviews with chronically ill people were held.

The carried out analysis enabled to distinguish two basic models of long-term patients' medical decision during the pandemic: (1) the model, comprising correction of a prepandemic treatment regimen and (2) the model, omitting correction of a prepandemic treatment regimen. The cultural (medical) knowledge and the problem of health care access proved to be the primary factors, affecting the long-term care patients' medical decision in the pandemic period. The paper also describes the role of personal experience and the experience of "significant others", "expert knowledge", "stories of other people" (experience of unfamiliar people).

Key words: cultural knowledge; cognitive anthropology; medical decision; therapeutic decision; patients; chronic patients; pandemic.

Citation: Finkelstein, I.E. (2022), Cultural (medical) ideas of long-term care patients during the period of the COVID-19 pandemic: mechanism and formation of cultural knowledge in an uncertain situation, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 2, no. 3, p. 110–118, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-3-110-118>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© **Finkelstein I.E., 2022** – Senior Lecturer, Department of the Methodology of Sociological and Marketing Research, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Весной 2020 года Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) признала, что началась пандемия новой коронавирусной инфекции (далее – ковид). Мир столкнулся с серьезным вызовом. Не было ни одной сферы, ни одного социального института, ни одного человека, которого бы не затронула пандемия. Как сказала Анна Темкина в интервью Фонду общественного мнения (ФОМ): «На наших глазах реконфигурируется ткань повседневной жизни» (Темкина 2020).

Изучение «пересборки» повседневности и социальных последствий пандемии становится важной исследовательской задачей социальных наук. За последние несколько лет были реализованы различные исследовательские проекты. Например, проект «Вирусные дневники: хроники повседневности» Европейского университета в Санкт-Петербурге (Проект «Вирусные дневники: хроники повседневности» 2020), проект «корона-ФОМ» Фонда Общественного Мнения (Социология пандемии. Проект коронаФОМ 2021). Также исследования, посвященные различным аспектам социальной жизни в пандемию, представлены в научных журналах (Салганова 2020), (Халявин 2020), (Litvina and Temkina 2021). Нельзя не отметить работы, связанные с изучением отношения к ковиду, восприятия рисков, связанных с ним, доверия различным источникам и агентам, произво-

дящим знание о ковиде (Тартаковская 2021), (Исупова 2021), (Кирзюк 2021).

В настоящем исследовании в центре внимания «пересборка» медицинской модели хронических больных в период пандемии и влияние культурных представлений (как сложившихся до пандемии, так и сформированных в ходе пандемии) на медицинский выбор, совершаемый хроническими пациентами. Модель медицинского выбора включает репертуар решений относительно лечения и факторы, на основе которых принимаются эти решения. А культурное знание (как совокупность знаний, убеждений, верований, связанных с болезнью и ее лечением) является одним из важнейших факторов пациентского выбора. Артур Клейнман, один из ярких представителей медицинской антропологии, указывает на необходимость пристального исследовательского внимания к болезни как культурному конструкту, поскольку пациентская картина болезни, сотканная из обыденных представлений, индивидуального опыта и переживаний, часто определяет решения пациента (Kleinman, Eisenberg and Good 2006).

Постановка задач исследования

Новый вирус, как мы знаем, создал ситуацию тотальной неопределенности. Мы имели возможность наблюдать, как в режиме «здесь и сейчас» происходило формирование нового знания о ви-

ресе, его последствиях, его взаимодействии с хроническими заболеваниями. Гипотетически в такой ситуации могут перестать работать сложившиеся модели медицинского выбора, вплетенные в повседневную жизнь хронических пациентов.

Исследование, результаты которого представлены в данной публикации, стало логичным продолжением изучения роли культурных знаний в процессе принятия терапевтических решений хроническими пациентами в рамках проекта, реализованного в 2017–2018 гг. Исследование, проведенное до пандемии, показало, что хронические пациенты, годами живущие со своим заболеванием, как правило, имеют уже сформировавшиеся представления о своей болезни, ее лечении и, соответственно, достаточно устойчивые модели медицинского выбора. В ситуации пандемии появляется возможность анализа механизмов работы и изменения сложившегося еще до ковида культурного знания хронических больных и механизмов формирования нового знания в период тотальной неопределенности.

Итак, в рамках настоящего исследования был описан спектр терапевтических решений хронических пациентов, характерных для периода пандемии, выделены факторы, оказавшие влияние на медицинский выбор в этот период. Также описаны механизмы работы и формирования культурного знания в нетипичной ситуации – как важнейшего фактора пациентского выбора. Как сложившиеся культурные представления влияли на принятие решений в новой ситуации? Как наличный запас медицинских знаний пациентов дополнялся новым знанием? Какие «места» в этом процессе заняли личный опыт болезни и лечения, мнение «экспертов», опыт других (по формуле «у знакомого знакомой моей подруги»)? Это основные вопросы данного исследования.

Методология

Настоящее исследование строилось на основных принципах когнитивной медицинской антропологии (далее КМА) Линды Гарро, предложившей понятие «культурное знание» для анализа процесса принятия пациентами терапевтических решений. Как уже упоминалось выше, важнейшим основанием индивидуального медицинского выбора пациента является «культурное знание» (совокупность медицинских знаний, убеждений, верований), носителем которого он является. Также для понимания механизмов работы «культурного знания» большое значение имеет феноменологический подход Альфреда Шюца (Шюц 2004). Несмотря на то, что Шюц никогда не изучал пациентский выбор, его подход предлагает концептуальную рамку для исследования любого повседневного опыта. Более того, пусть не эксплицитно, но когнитивная медицинская антропология имеет

феноменологические основания (Лехциер 2010).

Человек, совершая выбор, оценивает текущую ситуацию и отбирает оптимальное для себя решение из существующих альтернатив в соответствии с «культурным знанием», «разделяемыми и интернализированными культурными моделями» (Garro 2004). Другими словами, реальная ситуация соотносится с ситуациями-моделями, каждой из которых соответствует оптимальное решение. В соответствии с этим концептом актер из всех известных ему альтернатив выбирает ту, которая интерпретируется им как оптимальная, при этом оптимальность не является абсолютной, она лишь оценивается человеком, принимающим решение, как «правдоподобная», максимально удовлетворяющая ожиданиям (Garro 1998), (Medical anthropology: a handbook of theory and method 1990). Такой тип рациональности является дескриптивным, интерпретативным, в когнитивной антропологии также вводится понятие интерпретативного правдоподобия (interpretive plausibilities). При этом культурные (медицинские) представления (или запас наличного знания в терминологии Шюца) имеют различную степень правдоподобности – от эмпирической вероятности, когда знание принимается как правдоподобное в данный момент времени, до эмпирической достоверности, как более обоснованного знания (Шюц 2004, с. 296).

Человек в ситуации болезни, не обладая экспертным знанием в области медицины, оценивает свое состояние и принимает решения, опираясь на некий конструкт, представляющий структуру его знаний о болезнях, способах их лечения, включая причинно-следственные связи, объясняющие природу заболеваний и симптомов.

Представители КМА отмечают, что культурное знание имеет и конвенциональную, и индуктивную природу (Young and Garro 1994). Проблема соотношения культурного и индивидуального знания в процессе принятия решения часто становилась предметом дискуссии. Надо отметить, что в рамках КМА культурное знание – это не статичный конструкт, он модифицируется по мере поступления нового опыта и новой информации.

Опыт очень важен для формирования степени правдоподобности той или иной культурной модели. Он способствует либо подтверждению определенной модели объяснения и поведения, либо вызывает в ней определенные сомнения, что, в свою очередь, может приводить к изменениям в структуре знаний, к формированию новых когнитивных моделей. Однако надо помнить, что интерпретация опыта также может происходить в рамках доступных когнитивных схем. Виталий Лехциер, анализируя работы представителей когнитивной антропологии, подчеркивает, что «личный опыт и интериоризированные культурные представления постоянно корректируют друг друга» (Лехци-

ер 2018, с. 63). Вот как об этом пишет Лурманн: «Схемы служат ориентирами для действий, но эти ориентиры могут модифицироваться по мере получения нового опыта. Концепции и опыт, знание и действие являются полностью взаимозависимыми» (Luhmann 1989, p. 353). Особенно ясно взаимодействие культурного знания и личного опыта выкристаллизовывается в случае изменения модели медицинского выбора пациентом в результате неудачного опыта лечения.

Также принципиально важно для понимания механизма работы культурного знания, что основанием для пациентского выбора может стать не только интериоризованное культурное знание, ставшее убеждением, «естественной установкой», но и модель, представленная в культуре, но не имеющая достаточно высокой оценки с точки зрения правдоподобности. Гарро справедливо отмечает, что в противном случае когнитивные схемы не имели бы способности к модификации, не отвечали бы требованиям гибкости, необходимой в нестандартных ситуациях: «... культурно доступные модели могут служить источниками или инструментами, которые направляют поведение, но при этом не требуют предварительного или сопутствующего изменения на уровне убеждения» (Garro 1998, p. 348). И соответственно, удачный опыт такого применения может привести к повышению степени правдоподобности, а неудачный опыт, наоборот, к отказу от этой модели, как имеющей низкий уровень правдоподобности. Этот тезис особенно важен для анализа функционирования культурного знания в период пандемии, для которой характерна тотальная неопределенность.

Итак, представители когнитивной медицинской антропологии подчеркивают, что культурное знание не противопоставляется личному опыту, эмоциям, ситуативной информации, а скорее является когнитивным инструментом для их обработки и интерпретации.

Итак, можно выделить следующие важные характеристики культурного знания:

- культурное знание – это важнейший фактор пациентского выбора;
- культурное знание имеет как конвенциональную, так и индуктивную природу;
- личный опыт и поступающая новая информация придают конструкту «культурное знание» динамичность;
- культурные схемы имеют разную степень правдоподобности. Пациент может принимать решения не только на основе интериоризованных схем, но и на основе неинтериоризованных, но представленных в культуре схем.

Ход исследования

Полевая часть исследования состояла из 11 глубинных интервью, которые были реализованы ле-

том 2021 года (т.е. после начала пандемии прошло больше года). Интервью проводились в двух режимах – face-to-face и посредством платформы Zoom. Обращение к синхронному онлайн-интервью с видеоподдержкой было вынужденной мерой – в период пандемии некоторые информанты отказывались от личной встречи, чтобы не заболеть. Надо отметить, что многие исследователи пишут о вынужденном росте использования онлайн-интервью в период пандемии, но одновременно с этим прогнозируют сохранение этой тенденции и после пандемии (Lobe, Morgan and Hoffman 2022).

Основными критериями целевого отбора являлись наличие хронического заболевания и опыта лечения хронического заболевания не менее 3 лет, поскольку к моменту начала пандемии у информанта должна была сложиться определенная медицинская модель принятия терапевтических решений. В исследовании приняли участие 9 женщин и 2 мужчин в возрасте от 43 до 70 лет с различными хроническими заболеваниями (онкология, заболевания сердечно-сосудистой системы, заболевания эндокринной системы, заболевания желудочно-кишечного тракта, заболевания органов дыхания).

Гайд глубинного интервью включил в себя следующие основные блоки: опыт лечения хронического заболевания до пандемии; представления о коронавирусе на разных этапах пандемии; опыт лечения хронического заболевания в период пандемии и обоснование своих терапевтических решений; представления о мерах защиты и профилактики коронавируса (в том числе о вакцинации).

Полученные результаты.

Роль культурного знания в «пересборке» модели медицинского выбора хронических пациентов в период пандемии

В самом общем виде проведенный анализ позволил выделить две основные модели медицинского выбора хронических пациентов в период пандемии: (1) *модель, включающую терапевтические решения, корректирующие сложившуюся до пандемии схему лечения*, и (2) *модель, не включающую корректирующие сложившуюся до пандемии схему лечения*. Надо подчеркнуть, что, учитывая длительность периода пандемии, по той или иной причине почти все информанты сталкивались с ситуацией корректировки сложившейся схемы лечения. Опишем более подробно эти модели, включая репертуар корректирующих терапевтических решений и, главное, факторы, оказывающие влияние на формирование пациентского выбора.

В ходе исследования были выделены следующие терапевтические решения, корректирующие допандемическую медицинскую модель: отложенное лечение, самостоятельное лечение, обращение в частную клинику, поиск врача из социального окружения, дистанционные консультации, а также

дополнительная профилактика обострения хронического заболевания и меры защиты от заражения коронавирусом и тяжелого течения болезни. Объективной причиной «ревизии» допандемической модели стала проблема доступности медицинских услуг в период пандемии. Остальные мотивы корректировки сложившейся модели были связаны с культурными представлениями о своем хроническом заболевании, новом вирусе и последствиях их взаимодействия.

Скорректированные терапевтические решения, принятые на основе циркулирующих культурных представлений (о коронавирусе) – это попытка пациентов снизить субъективно воспринимаемые медицинские риски, связанные с COVID-19. Анализ интервью дает нам возможность выделить типы наличных представлений, на основе которых формируются такие риски.

Во-первых, это представления о коронавирусе как о серьезном заболевании с возможными тяжелыми последствиями, вплоть до смерти: «... и такой внутренний страх, что заболеешь, и в какой-то момент тебе нечем будет дышать» (женщина, заболевание эндокринной системы, ЖКТ).

Во-вторых, это представления об опасности вируса для пожилых людей, которые формируют риск, связанный с болезнью пожилых родственников (из группы риска по возрасту и «с букетом хронических заболеваний»): «я панически боялся ее (прим. маму) заразить» (мужчина, заболевание печени); «как же я ей (прим. маме) притащу какой-нибудь вирус, ко мне не прицепится, а к ней прицепится» (женщина, болезнь почек, заболевание верхних дыхательных путей). Соответственно, информанты корректировали свое поведение, в том числе посещение медицинских учреждений, чтобы не стать источником заражения для своих пожилых родителей.

В-третьих, это представления о связи хронического заболевания и Covid-19 – как о влиянии хронического заболевания на тяжесть протекания Covid-19, так и о влиянии Covid-19 на основное хроническое заболевание. Вот как об этом говорит информант, опасаясь фатального влияния вируса на ее основное заболевание: «В плане того, что кто-то мне сказал, или где-то я вычитала, что с моим основным заболеванием вообще нельзя никак болеть ковидом, это все может ухудшиться мое основное заболевание, у меня была опасность того, как бы это не повлияло на мое основное заболевание, не ухудшило его» (женщина, онкология).

Здесь нужно подчеркнуть, что корректирующие решения давались информантам нелегко. Вот как говорит об этом женщина, отказавшаяся от привычных процедур, которые она проводила каждые полгода на протяжении многих лет: «И действительно, когда началась пандемия, мне пришлось

отказаться, и я переживала, что пропускаю эти процедуры, и сейчас опять может пойти откат...» (женщина, болезнь почек, заболевание верхних дыхательных путей).

Сложность решений в период пандемии во многом связана с отсутствием проверенной информации относительно связи вируса с конкретными хроническими заболеваниями, растерянностью в медицинском сообществе, пугающими историями близких и знакомых. Все это приводило к увеличению страхов, а иногда и к появлению паники у хронических пациентов: «... я боялась, честно скажу, потому что я не знала, как с моим заболеванием коронавирус отразится на мне. Потому что я представила, что, если вдруг я заболею очень тяжело (эмоциональная речь) и меня придется подключить к ИВЛ, как мою тетку (пауза), я тогда не понимала, как в мой организм будут поступать гормоны, как вообще мой организм отреагирует на эту вещь» (женщина, заболевание эндокринной системы).

Как уже было сказано, в некоторых случаях корректировка прежней схемы лечения была вынужденной из-за проблем с доступностью медицинской помощи в период пандемии. В городе (Самаре) периодически прекращались плановые госпитализации, происходило сокращение терапевтических отделений, соответственно, возникали большие очереди для получения медицинской помощи. Также наблюдалась нехватка медицинского персонала, отсутствие узких специалистов (по причине их болезни или работы в «красной зоне»). В той или иной степени это было типично и для других российских городов. Вот как описывает ситуацию одна из информантов, которая была вынуждена отложить лечение: «...Когда случилась пандемия, то вообще, конечно, болезнь-то она же не знает, что у нас пандемия [...] Вот, проблема была понять, что делать, потому что больницы были все закрыты... лечь куда было просто [...] направление-то нам дали... а в больницу лечь мы не можем (голос дрогнул), и это, конечно, убийственно...» (женщина, заболевание крови).

Добавим, что решение о мерах профилактики обострений основного заболевания и мерах профилактики и защиты от заражения новой коронавирусной инфекцией тоже принималось не только на основе уже описанных выше культурных представлений, но и на основе поступающей из разных источников информации о перегруженности системы здравоохранения. «Сейчас болеть нельзя», – говорили многие информанты. Вот еще одна цитата, подтверждающая этот подход: «Поэтому понимая все это, мы начали очень сильно следить за своим здоровьем... Мы очень подробно выяснили, какие курсы надо... – и мультивитаминные, и укреплять определенные органы. Просто этот период пандемии, когда тебе не окажут никакую

помощь квалифицированную, кем бы ты ни был, (...) ни за деньги, ни за связи. В этот момент было очень важно не заболеть. И мы были очень собраны» (мужчина, заболевание печени).

Решение следовать модели лечения, сложившейся до пандемии, информанты также, как правило, принимали на основе культурного знания – в данном случае на основе циркулирующих представлений о COVID-19 как обычном вирусе, не представляющем опасности для них; на основе оценки своего хронического заболевания как тяжелого и требующего сохранения прежней схемы лечения. Также отсутствие корректирующих решений было связано и с объективными причинами. Например, такая модель была характерна для информантов, использующих и до пандемии практики самостоятельного лечения (самолечение). В данном случае отсутствие корректировки связано с особенностью сложившейся у пациентов модели лечения.

Вот, например, размышления женщины, которая не оценивала ковид как опасный вирус и поэтому считала, что он не может являться причиной отмены операции по одному из хронических заболеваний: *«Я посчитала, что это политика и его вообще нет (...) Потом я не верила, что этот ковид так опасен, ну, в моей семье никто не болел, уже год пандемия, и я поэтому даже не думала откладывать операцию» (женщина, астма, варикозное расширение вен).* Данному информанту повезло, что она не столкнулась с проблемой доступности лечения: в тот момент, когда она обратилась за хирургической помощью, отделение только открылось после длительного перерыва в плановой госпитализации.

В нарративах ковид-диссидентов или ковид-скептиков встречаются разные обоснования причин такого отношения – политические, экономические, конспирологические. Также на восприятии ковида сказывалось общее институциональное недоверие в медицине, которое в период пандемии находило свои новые иллюстрации – информанты выражали недоверие врачам, фармакологическим компаниям, производству вакцин, статистике. Эти выводы подтверждаются и другими исследованиями. Причины ковид-диссидентства, скептического отношения к коронавирусу, в том числе в контексте проблемы недоверия, представлены в научных публикациях таких авторов, как О. Исупова, Е. Рождественская, А. Лагерева, А. Кирзюк, И. Тартаковская (Исупова, Рождественская, Лагерева 2021); (Кирзюк 2021); (Тартаковская 2021).

Надо отметить, что у большинства информантов модель медицинского выбора менялась в течение пандемии – это было связано и с подвижностью культурных медицинских представлений в ситуации пандемии, и с особенностями хронического заболевания, отношения к нему (отложенное

лечение, отказ от контроля основного заболевания не может быть бесконечным). Среди опрошенных самая распространенная схема такого изменения – от терапевтических решений, корректирующих допандемическую модель лечения (например, отложенное лечение), до восстановления допандемической модели лечения. *«Единственное, да, в 20 году я пару месяцев просидела дома, ожидая, ну, может, сейчас все спадет (...). Все равно пришло идти. (...) Все равно надо. Потому что та болезнь (прим. онкология в ремиссии), честно, пугает меня больше, чем ковид...» (женщина, онкология).*

В ситуации, когда пациент принимал свое терапевтическое решение «больше ждать нельзя» и нужно обратиться за медицинской помощью, самыми принятыми способами преодоления рисков являлись такие, как обращение в частную клинику, поиск «проводника» в системе здравоохранения. *«... Если к осени будет спад, то схожу, если не будет, я буду это решать через частные медучреждения. Но к специалисту я должна попасть» (женщина, заболевание эндокринной системы).*

Как уже упоминалось выше, в период пандемии терапевтические решения хронических пациентов касались не только основного заболевания, но и мер защиты от новой коронавирусной инфекции, ее профилактики. В этом ряду отдельное место занимает решение о вакцинации. Надо отметить, что при принятии решения о вакцинации, помимо формирующихся в режиме «здесь и сейчас» представлений о новых вакцинах, об их влиянии на здоровье, на хронические заболевания, большое значение в оценке той или иной альтернативы для пациента имели уже сложившиеся представления о вакцинации как профилактике различных заболеваний, представления об уровне развития российской вирусологии и возможностях качественного производства в России.

Итак, культурное знание (публично циркулирующее медицинское знание) стало основным фактором пациентского выбора в период пандемии. Еще раз выделим основные вопросы/дилеммы, которые беспокоили участников исследования в этот период: коронавирус – это страшная болезнь или обычный вирус, грипп; эффективность способов защиты, профилактики, лечения; влияние хронического заболевания на тяжесть течения коронавируса; влияние коронавируса на течение хронической болезни; отношение к вакцинации в целом и с учетом хронического заболевания.

Механизмы формирования и работы культурного знания о болезни и лечении в период пандемии

Ситуация пандемии нестандартна, прежде всего из-за того, что даже в профессиональном сообществе знание о вирусе и его влиянии на здоровье,

о его взаимодействии с различными хроническими заболеваниями находилось в процессе формирования, постоянного изменения в соответствии с новыми данными. СМИ и другие каналы трансляции знаний изобиловали разными точками зрения на этот счет. Наличный запас медицинских (повседневных) знаний, связанных с новым вирусом, за время пандемии также находился в постоянном процессе формирования. Одни представления подтверждались личным опытом, мнением тех «экспертов», которым пациенты доверяли, «народными историями» – соответственно, такие представления становились более правдоподобными для пациентов. Другие представления, наоборот, становились менее правдоподобными. Важно подчеркнуть, что информанты в своих терапевтических решениях основывались не только на медицинских знаниях, сформированных у них в период пандемии, но и на культурных медицинских представлениях, интериоризованных в процессе всей жизни. Особенно это было заметно при анализе правил принятия персональных решений о вакцинации, но и при выработке отношения к COVID-19 в целом многие информанты в начале пандемии пытались соотнести новый вирус с уже знакомыми вирусами: «У меня не было паники, ну, и сложнее болезни лечат (...) был и свиной грипп, справились, ну, неужели не справятся с каким-то гриппом (...), к тому же перед этим был свиной грипп, был птичий грипп, я сама была свидетелем свиного гриппа, я сама, мы поехали отдыхать и у нас вся группа болела (...)» (женщина, астма, варикозное расширение вен).

Рассмотрим некоторые источники формирования культурного (медицинского) знания подробнее – применительно к ситуации пандемии. Это личный опыт и опыт ближайшего окружения (смерти в окружении или, наоборот, легкого течения болезни); СМИ, мнения «экспертов»; мнение наблюдающего врача или знакомого врача из своего окружения; опыт других, «народные истории» («у знакомого знакомой моей подруги»). Ситуация пандемии – по результатам нашего анализа – подтверждает тезис когнитивной медицинской антропологии о том, что мы обычно принимаем терапевтические решения на основе культурных представлений, но если личный опыт складывается неудачно, то прежние представления корректируются, а если удачно, то степень их правдоподобности повышается. Пандемия иллюстрирует этот механизм постоянной взаимной корректировки культурных представлений и личного опыта. Информанты часто ссылаются на личный опыт как убедительный источник для принятия решений: «У меня умирает тетка от коронавируса... и у меня очень серьезно изменилось отношение к этому заболеванию» (Е., ж., заболевание эндокринной системы); «Только в конце 20 года, когда стали

болеть и умирать в ближайшем круге, я поверила, что да, действительно, есть какой-то вирус, на который пока нет адекватного лечения, которое мало того может спасти жизнь, но и сохранить здоровье» (женщина, астма, варикозное расширение вен).

Несколько цитат из разных интервью о важности личного общения с представителями профессионального медицинского сообщества: «Дочь организовала консультации с врачами израильской клиники в зум» (женщина 1, заболевание эндокринной системы, ЖКТ); «Если мне человек известный в этой стране... биолог с мировым именем, и он мне говорит...» (мужчина, заболевание печени).

Безусловно, нельзя не упомянуть и общедоступные источники информации – телевизионные программы, радиопередачи, публикации в СМИ, которые распространяются в том числе и через социальные сети, каналы независимых блогеров и т.д.: «Я уже начитался всякой литературы» (мужчина, заболевание печени); «Первоначально я, конечно, залезла в интернет» (женщина, заболевание эндокринной системы); «Из телефона, фейсбук, лента.ру, (...) и что-то присылают люди, например, по поводу лимона, что надо его пить, мазать нос, какой-то пожилой врач рассказывал, я почему-то поверила» (женщина, заболевание сердечно-сосудистой системы). Поскольку здесь речь идет в том числе и о привлечении экспертов, представителей профессионального сообщества, то в этом контексте интересно, по каким критериям оценивается уровень профессионализма эксперта пациентом, какой должен быть эксперт, чтобы его мнение считалось более правдоподобным. Анализ интервью показал, что большое значение имеет соответствие мнения эксперта уже сложившимся представлениям информанта, т.е. позиция специалиста используется для подтверждения «правильности» своих знаний. В качестве иллюстрации приведем пример из интервью, в котором женщина, являющаяся яркой противницей любой вакцинации, рассказывала о том, как она прислушивается к мнению экспертов: «Я слушаю вирусолога, не помню фамилию, женщина, мудрая. Вот она рассказывала, никогда в ее роду никто прививки не делал и все здоровы» (женщина 2, заболевание эндокринной системы, ЖКТ). Или информант, которая при любой возможности стремится минимизировать прием лекарственных средств, говорит, что доверие у нее вызвал пожилой врач, который рассказывал об эффективности лимона. Здесь два интересных момента: во-первых, врач говорил то, что понравилось информанту, во-вторых, почтенный возраст врача означал для пациента его большой опыт. Информанты выделяли и другие критерии оценки профессионализма экспертов – научную степень, наличие практики, известность, канал трансляции (доверие к каналу переносится на эксперта).

Отдельного внимания заслуживают представления, которые формируются на основе «народных историй»: «Кто-то что-то сказал, и мысль уже засела» (женщина, онкология); «Ну, в общем, честно сказать, я не верю в вакцину, в то что она защищает, потому что так же есть случаи, люди вакцинировались и так же болели, лежали в реанимации. (...) Нет, лично не знаю, но мне рассказывал кто-то» (женщина, заболевание крови); «У знакомого знакомой моей подруги» (женщина, заболевание ЖКТ).

При этом источники формирования культурного знания различны с точки зрения силы их влияния. Можно сделать несколько предположений, которые, однако, требуют специального изучения. В случае, если информант оценивал уровень правдоподобности своих знаний низко, то, соответственно, он был более открыт для поиска и восприятия новой информации из различных формальных и неформальных источников, мнений «экспертов», знакомых врачей. В ситуации, когда информант считал свои представления правдоподобными, различные источники информации выполняли скорее функцию подтверждения его убеждений. И лишь личный опыт и опыт близких способны кардинально скорректировать культурные представления о болезни и лечении даже с присутствием этим представлениям высоким уровнем правдоподобности.

Выводы

В период пандемии хронические пациенты осуществляли выбор между корректировкой и отказом от корректировки сложившейся до пандемии модели лечения. Основными критериями принятия терапевтических решений являлись культурные представления о новом вирусе и его взаимодействии с хроническим заболеванием, а также проблема доступности медицинской помощи.

Что касается формирования нового знания, то источники знания ничем не отличаются от тех, которые были до пандемии. Но, учитывая ситуацию тотальной неопределенности, противоречивости в официальных подходах, еще достаточно низкой правдоподобности новых представлений, возрастает важность «народных историй». Безусловно, разные источники знания для пациента имеют разную степень доверия и, соответственно, культурные представления, основанные на них, имеют разный уровень правдоподобности. Лишь личный опыт и опыт близких способны кардинально скорректировать уже сложившиеся культурные представления о болезни и лечении.

Сложившиеся до пандемии представления также продолжают работать, как подчеркивал Щюц, «до последующего уведомления» (Щюц 2004, с. 132): подбираются наиболее релевантные текущей ситуации знания (кейс со свиным гриппом), или

новое вписывается в более широкую категорию, например, вакцина против новой коронавирусной инфекции вписывается в категорию «вакцина» или «вакцина против гриппа», и, соответственно, отношение к вакцинации против ковида будет зависеть от представлений об этих категориях.

Библиографический список

Garro, L. (1998), On the Rationality of Decision-Making Studies: Part 1: Decision Models of Treatment Choice. Part 2: Divergent Rationalities. 1998, *Medical anthropology: a handbook of theory and method*, T.M. Johnson and C. Fishel (ed.), vol. 12, issue 3, pp. 319–340.

Garro, L. (2004), *Cognitive Medical Anthropology, Encyclopedia of Medical Anthropology*, pp. 12–23.

Kleinman, A., Eisenberg, L. and Good, B. (2006), Culture, Illness, and Care: Clinical Lessons From Anthropologic and Cross-Cultural Research, *Focus*, vol. 4, issue 1, pp. 140–149.

Litvina, D. and Temkina, A. (2021), The Academicians on Quarantine: Reflexivity and Fragility of the Privileged Group at the Start of Pandemic, *Russian sociological review*, vol. 20, no. 4, pp. 43–65.

Lobe, B., Morgan, D.L. and Hoffman, K. (2022), Asystematic comparison of in-person and video-based online interviewing, *International Journal of Qualitative Methods*, vol. 21, pp. 1–12.

Luhrmann, T.M. (1989), *Persuasions of the Witch's Craft: Ritual Magic in Contemporary England*, Harvard University Press, London, UK.

Johnson, T.M. and Sargent, C.F. (1990), *Medical anthropology: a handbook of theory and method*, Greenwood Press, New York, USA, [Online], available at: <https://archive.org/details/anthropologyofbi-0000lock/page/n9/mode/2up> (Accessed 14 January 2018).

Young, J.C. and Garro, L.C. (1994), *Medical Choice in a Mexican Village*, Prospect Heights, Illinois: Waveland Press, Reissue with changes of a book by the same title published in 1981 by Rutgers University Press, New Brunswick, New Jersey, USA.

Исупова О.Г., Рождественская Е.Ю., Лагерева А.Е. Ковидный ресентимент в социальных сетях: репертуар мотивированных суждений // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 5. С. 374–398;

Кирзюк А.А. «У меня нет страха»: ковид-диссиденты в поисках агентности и правды // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 2. С. 484–509;

Лехциер В.Л. Феноменологические основания медицинской антропологии // Логос. 2010. № 5 (78).

Лехциер В.Л. Болезнь: опыт, нарратив, надежда. Очерк социальных и гуманитарных исследований медицины. Вильнюс, 2018. С. 63.

Салтанова С. Доверие в маске: как корона-вирус изменил отношение россиян друг к другу // Научно-образовательный портал IQ.HSE.Ru. 03.06.2020. URL: <https://iq.hse.ru/news/370128879.html> (дата обращения 03.02.2021).

Социология пандемии. Проект коронаФОМ / Рук. авт. колл. А.А. Ослон. Москва: Институт Фонда Общественное Мнение (инФОМ), 2021. 319 с.

Тартаковская И.Н. Доверие перед лицом пандемии: в поисках точки опоры // Социологический журнал. 2021. Т. 27. № 2. С. 68–89.

Холявин А.О. Социальное бездействие на ранних этапах пандемии COVID-19 // Социологические исследования. 2020. № 11. С. 139–148. URL: <http://ras.jes.su/socis/s013216250010722-7-1> (дата обращения: 24.06.2022). DOI: <http://doi.org/10.31857/S013216250010722-7>.

Щюц, А. Избранное: Мир, светящийся. Москва: РОССПЭН, 2004. 1056 с.

Интервью с Анной Темкиной в рамках проекта «коронаФОМ» Фонда Общественного Мнения. URL: <https://covid19.fom.ru/post/pandemiya-kak-uchebnik-po-sociologii> (дата обращения: 22.06.2022).

Проект «Вирусные дневники: хроники повседневности» Европейского университета в Санкт-Петербурге. URL: <https://eusp.org/projects/virusnye-dnevniki-khroniki-povsednevnosti> (дата обращения: 22.06.2022).

References

Garro, L. (1998), On the Rationality of Decision-Making Studies: Part 1: Decision Models of Treatment Choice. Part 2: Divergent Rationalities. 1998, *Medical anthropology: a handbook of theory and method*, T. M. Johnson and C. Fishel (ed.), vol. 12, issue 3, pp. 319–340.

Garro, L. (2004), *Cognitive Medical Anthropology, Encyclopedia of Medical Anthropology*, pp. 12–23.

Kleinman, A., Eisenberg, L., Good, B. (2006), *Culture, Illness, and Care: Clinical Lessons From Anthropologic and Cross-Cultural Research*, *Focus*, vol. 4, issue 1, pp. 140–149.

Litvina, D. and Temkina, A. (2021), The Academicians on Quarantine: Reflexivity and Fragility of the Privileged Group at the Start of Pandemic, *Russian sociological review*, vol.20, no. 4, pp. 43–65.

Lobe, B., Morgan, D.L. and Hoffman, K. (2022), Asystematic comparison of in-person and video-based online interviewing, *International Journal of Qualitative Methods*, vol. 21, pp. 1–12.

Luhrmann, T.M. (1989), *Persuasions of the Witch's Craft: Ritual Magic in Contemporary England*, Harvard University Press, London, UK.

Johnson, T.M. and Sargent, C.F. (1990), *Medical anthropology: a handbook of theory*

and method, Greenwood Press, New York, USA, [Online], available at: <https://archive.org/details/anthropologyofbi0000lock/page/n9/mode/2up> (Accessed 14 January 2018).

Young, J.C. and Garro, L.C. (1994), *Medical Choice in a Mexican Village*, Prospect Heights, Illinois: Waveland Press, Reissue with changes of a book by the same title published in 1981 by Rutgers University Press, New Brunswick, New Jersey, USA.

Isupova, O.G., Rozhdestvenskaya, E.Yu. and Lagereva, A.E. (2021), COVID resentment in social media: A repertoire of motivated judgments, *The Monitoring of public opinion: Economic and social changes*, no. 5, pp. 374–398.

Kirziuk, A.A. (2021), «I have no fear»: COVID skeptics in search of agency and truth, *The Monitoring of public opinion: Economic and social changes*, no. 2, pp. 484–509.

Lekhcier, V.L. (2010), Phenomenological foundations of the medical anthropology, *Logos*, no. 5 (78).

Lekhcier V. L. (2018), *Illness: Experience, narrative, hope. Outline of social and Humanities medical research*, Vilnius, Lithuania.

Saltanova, S. (2020), *Masked trust: how the coronavirus changed the attitude of Russians towards each other*, [Online], available at: <https://iq.hse.ru/news/370128879.html>, (Accessed 03 February 2021).

Sociology of pandemic, COVID19FOM Project (2021), Oslon, A.A. (head of authors), Institute of public opinion foundation (inFOM), Moscow, Russia.

Tartakovskaya, I.N. (2021), Trust in the face of a pandemic: In search for a common ground, *Sotsiologicheskij zhurnal = Sociological journal*, vol. 27, no. 2, pp. 68–89.

Holavin, A.O. (2020), Social inaction at early stages of the COVID-19 pandemic, *Sociological studies*, no. 11, pp. 139–148, [Online], available at: <http://ras.jes.su/socis/s013216250010722-7-1> (Accessed 24 June 2022), DOI: <http://doi.org/10.31857/S013216250010722-7>.

Schutz, A. (2004), *Selected: The world shining with the sense*, ROSSPEN, Moscow, Russia.

Temkina, A. (2022), *Interview with Anna Temkina as part of Public Opinion Foundation «coronaFOM» project*, [Online], available at: <https://covid19.fom.ru/post/pandemiya-kak-uchebnik-po-sociologii> (Accessed 22 June 2022).

«Epidemic diaries: the everyday chronicles» project by the European University at Saint Petersburg, [Online], available at: <https://eusp.org/projects/virusnye-dnevniki-khroniki-povsednevnosti> (Accessed 22 June 2022).

Submitted: 28.06.2022

Revised: 12.09.2022

Accepted: 26.09.2022

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 316.4

DOI: 10.18287/2782-2966-2022-2-3-119-127

Дата поступления: 01.07.2022
рецензирования: 12.09.2022
принятия: 26.09.2022

Н.В. Колесник

Социологический институт РАН – филиал
ФНИСЦ РАН
г. Санкт-Петербург, Россия
E-mail: n.kolesnik@socinst.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2323-6799>

С.Д. Хосуева

Московский государственный университет
г. Москва, Россия
Социологический институт РАН – филиал
ФНИСЦ РАН, г. Санкт-Петербург, Россия
E-mail: khosueva@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7055-6512>

Политические коммуникации и игровые механики

Аннотация: в статье рассматривается проблема взаимодействия и взаимовлияния политической коммуникации и игровых механик. Игровизация политики постулируется как основание для осмысления новых форм гражданской и политической активности, возникших в цифровую эпоху. В представленном обзоре научной литературы определяется, что игровые технологии как совокупность методов и приемов оказывают влияние на поведение современного пользователя, преодолевая его пассивность и вовлекая его в политические и гражданские процессы. В работе рассматриваются теоретические подходы в изучении цифровой геймификации: социологический, культурологический, политэкономический. Особое внимание уделяется анализу политической коммуникации – через призму геймификации – и цифровым СМИ, обладающим признаками нового политического субъекта. Отдельный сюжет посвящен избирательным кампаниям и влиянию новых технологий и игровых практик на политическую активность граждан.

Ключевые слова: политические коммуникации; игра, геймификация; цифровизация; гражданская активность; политическая активность.

Цитирование: Колесник Н.В., Хосуева С.Д. Политические коммуникации и игровые механики // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2022. Т. 2, № 3. С. 119–127. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-3-119-127>.

Благодарности: авторы выражают благодарность АНО ЭИСИ. Исследование выполнено при финансовой поддержке АНО «Экспертный институт социальных исследований» (ЭИСИ), проект «Игровые технологии вовлечения и убеждения в политических и гражданских коммуникациях в современной России» (№ 1022061700190-3-5.6.1).

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Колесник Н.В., 2022 – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, 190005, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Красноармейская, 25/14.

© Хосуева С.Д., 2022 – магистрант, Институт стран Азии и Африки, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 125009, Российская Федерация, г. Москва, ул. Моховая, 11, младший научный сотрудник, Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, 190005, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Красноармейская, 25/14.

SCIENTIFIC ARTICLE

N.V. Kolesnik

Sociological Institute of the RAS – Branch of the
Federal Center of Theoretical and Applied
Sociology of the Russian Academy of Sciences
(SI RAS – FCTAS RAS),
Saint Petersburg, Russia Federation
E-mail: n.kolesnik@socinst.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2323-6799>

S.D. Khosueva

Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russian Federation
Sociological Institute of the RAS – Branch of the
Federal Center of Theoretical and Applied
Sociology of the Russian Academy of Sciences
(SI RAS–FCTAS RAS),
Saint Petersburg, Russian Federation
E-mail: khosueva@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7055-6512>

Political communications and game mechanics

Abstract: the article overviews the issue of interaction and mutual influence of political communications and game mechanics. Gamification of politics is postulated as a basis for understanding new forms of civil and political activity emerged in the digital age. The presented overview of research literature defines that gaming technologies, as a set of methods and techniques, influence the behavior of modern users by overcoming their passivity and involving them into political and civil processes. The paper discusses theoretical approaches to the study of digital gamification: sociological, cultural, and political economic. Particular attention is paid to the analysis of the political communication - through the prism of gamification - along with digital media having characteristics of a new political subject. Separately the work considers election campaigns and the impact that new technologies and gaming practices have on the political activity of citizens.

Key words: political communications; game; gamification; digitalization; civic engagement; political engagement.

Citation: Kolesnik, N.V. and Khosueva, S.D. (2022), Political communications and game mechanics, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 2, no. 3, pp. 119–127, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-3-119-127>.

Information about conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

© **Kolesnik N.V., 2022** – Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher, Sociological Institute of the RAS-FCTAS RAS Branch, 25/14, office 524, 7th Krasnoarmeyskaya str., St.-Petersburg, 190005, Russian Federation.

© **Khosueva S.D., 2022** – Master degree student, the Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, 11, Mokhovaya Str., Moscow, 125009, Russian Federation; Research assistant, Sociological Institute of the RAS - FCTAS RAS Bbranch, 25/14, office 524, 7th Krasnoarmeyskaya str., St.-Petersburg, 190005, Russian Federation.

Введение

Проблематика влияния игровых технологий на вовлечение людей, групп, социумов, сообществ в политические и гражданские коммуникации оказывается актуальной в связи с информатизацией российского общества и открывающимися цифровыми коммуникационными возможностями. Особую значимость данная тема приобретает в условиях разворачивающихся в мире политических, военных, информационных конфликтов. В этой связи новые технологии с их коммуникативными и опосредованными связями неизбежно формируют основания для трансформации прежних коммуникативных структур, практик и способствуют переходу к их иному, новому состоянию социальных общностей и институций. Важной характеристикой нового коммуникативного процесса является проникновение игровых практик в разные сферы жизнедеятельности индивидов и социальных общностей. Политическая сфера в этом смысле не является исключением и активно подвергается влиянию новых технологий. Игровые технологии как совокупность методов и приемов оказывают

влияние на поведение современного пользователя, часто преодолевают его пассивность, убеждают в необходимости активного вовлечения в политические и гражданские процессы. Посредством игровых механик получает распространение дифференцированный контент, который, с одной стороны, способен повлиять на поведение и увеличение активности политического гражданина, а с другой стороны, компьютерная игра может полностью или частично заблокировать эту активность, переводя его в состояние лишь пассивного игрока. Не всегда игровые технологии оказывают прямое воздействие на происходящее, и нередко они блокируют коммуникационные каналы убеждения и воздействия на потенциальных игроков. В этом случае цифровые игры ограничиваются лишь функцией информирования и опосредованного влияния на индивидуальные картины мира у каждого индивида. Следовательно, применение цифровой оптики в политической коммуникации видится крайне неэффективной для понимания того, как в целом новые технологии и политика взаимодействуют в пространстве и какое взаимовлияние оказывают

друг на друга. В работе предполагается рассмотреть проблему взаимодействия и взаимовлияния политической коммуникации и игровых механик, основные теоретические подходы и эмпирические практики.

Игровизация политики

Геймификация (она же игровизация) политической и гражданской сфер является важной коммуникативной практикой, которая переформатирует политическое пространство. В этом пространстве взаимодействует на различных основаниях множество объектов и субъектов, структур и институций, групп и сообществ, государств и отдельных граждан, что неизбежно порождает властное неравенство. В изучении игровизации политики как процесса и явления мы вслед за Ю. Хабермасом различаем два вида власти: коммуникационную и административную. Немецкий теоретик отмечает, что в коммуникационной сфере «встречаются и перекрещиваются два противоположных процесса: с одной стороны, коммуникативное формирование легитимной власти, которая рождается в свободном от всякой репрессивности процессе коммуникаций политической общественности, а с другой – такое обеспечение легитимности через политическую систему, с помощью которой административная власть пытается управлять политическими коммуникациями» (Хабермас 2000, с. 35). Именно социальные коммуникации являются ключевым понятием политики, и именно они создают властные отношения. Использование в обществе только административной власти же приводит к кризису легитимности, и неизбежно возникает потребность в новой коммуникации между субъектами политической жизни (Habermas 2006).

Игра, в том числе и в сфере политики, как создающая и мотивирующая, так и разрушительная (деструктивная) является значимой коммуникативной практикой и требует теоретического обоснования. Game studies – относительно новое направление в российской науке, и основной исследовательский фокус смещен в сторону изучения взаимовлияния игры на общество и наоборот. В зарубежной науке геймификация как объект исследования начинает активно разрабатываться в конце 80-х гг. прошлого века. Получают распространение исследовательские проекты, в которых постулируется идея о взаимосвязи новых технологий и реальной политики. Чаще всего западные исследователи анализируют игровые практики в политическом пространстве с нескольких позиций. Так, социологический подход предполагает, что изучение игровых механик в политике является способом изучения политики как таковой, и игра может выступать некой моделью, которая проецируется на социальные конструкты. Более того, анализ игровых практик позволяет выявлять

и роль игры в политической культуре различных социальных общностей (например, различаемых по возрасту, этносу, поколению, уровня образования и др.).

Другой исследовательский фокус состоит в изучении того, какое преломление получает политика в целом под влиянием информационных технологий. Исследователи отмечают, что взаимовлияния новых технологий и политики не являются жестко определенными, но могут способствовать усилению глобального гражданства и политической активности некоторых социальных групп. Так, Дж. Нэбитт и П. Эбурдин отмечают, что «в условиях, когда компьютер расширил могущество личности, граждане могут более эффективно следить за действиями своих правительств, нежели правительства могут следить за действиями граждан» (Нэбитт 1992). «Цифра» наделяет гражданина властью. После прохождения игр с политическим смыслом игроки указывают, что стали более вовлечены в тему, которая обсуждается в игре, и получили больше знаний о предмете, указывают и на свои намерения по участию в политике через различные общности и группы (Neys, Jansz 2010). Что касается взаимосвязи и взаимовлияния информационных технологий и политических режимов в целом, то исследователи приводят примеры с падением шахского режима в Ираке или победы «Солидарности» в Польше и заключают, что интернет неизбежно способствует демократическим процессам и препятствует формированию авторитарных режимов.

В свою очередь, политэкономический подход к игровой индустрии обнажает вопросы управления/структуры собственности как новых, так и традиционных СМИ, и позволяет приблизиться к пониманию того, кто монополизирует и формирует повестку дня, принимая политические решения. Политэкономический анализ новых СМИ М. Хиндмана показывает, что в западных демократиях увеличивается информационная монополизация: отсутствие нормативных документов относительно антимонопольного регулирования интернета ведет к монополизации интернета.

При этом следует отметить, что экономика сетевых коммуникаций, в том числе и посредством игры, не сводима только к анализу структуры управления и собственности. Игра, созданная некогда дизайнером, не может существовать без игрока, и потому учет множественности агентов игрового поля с политэкономической точки зрения оказывается важным для последующих эмпирических штудий. Как справедливо замечает Б. Лаурель, «авторство дизайнера(ов) имеет иной порядок: дизайнер создает мир и его возможности, в то время как игрок создает четкий путь через игровой мир, который можно назвать "сюжетом" игрока» (Laurel 2014).

Культурологический анализ игры в политике предполагает детальную проработку ценностных и смысловых компонентов в производстве и потреблении игры. В этой ситуации игра как вид искусства, по мнению Б. Лаурель, требует искусства, которое может быть внесено только человеческим воображением: «артистизм разворачивается в рамках ограничений среды, инструментов и формальных и структурных характеристик того вида вещей, который каждый пытается создать» (Laurel 2014). В цифровом театре расписаны все роли – программисты, дизайнеры, админы и модераторы, игроки. Взаимосвязанная цепочка отношений, которые выстроены между «цифровыми актерами», неизбежно порождает власть, доминирования и политические действия.

По мнению исследователей, геймификация становится новым трендом и в российской политике. Игровые механики все чаще применяются для привлечения потенциальных избирателей или граждан, для продвижения политического продукта и укрепления коммуникаций (Быков 2011). В создании имиджа российских регионов и брендирования территорий политики активно используют цифровые игры. В этот коммуникативный процесс вовлекается все большее количество граждан, для которых игра как формат коммуникации оказывается решающим в условиях политической неопределенности.

Исследователи, которые изучают поведение игроков, отмечают, что наблюдается процесс массового вовлечения в политическую игру пользователей, когда в ходе организации игры, участия в игровом процессе фиксируется не только эмоциональное переживание, но и многократное повторение тех или иных действий. Как замечают ученые, порожденные и закрепленные привычки в игре затем переносятся в объективную реальность (Kietzmann, McCarth, Pitt, Plangger, Robson 2015). За последние несколько лет фиксируется активный процесс перехода коммуникации в формат игры и отмечается, что основным последствием трансформации коммуникаций является то, что коммуникация, приобретая черты виртуальной игры, активно влияет на повседневное поведение потребителя (Бакулев 2012, Апинян 2003, Шилина 2012). Современные игровые коммуникации, на первый взгляд, помогают скоротать время, не требуя сосредоточенности, но на самом деле вовлекают в интеракцию, требуют соблюдения жестких правил в процессе взаимодействия, организуют и мобилизуют игрока, управляют его поведением (Быкова, Таранова 2016). По мнению экспертов, границы реальности и виртуальности при использовании технологии геймификации размываются, виртуальные герои игр входят в повседневный быт пользователей, становятся частью реальной картины мира, оказывают влияние на поведение

игрока (геймера) и его потребительские предпочтения в косвенной форме (геймификация определяется как технология по использованию игровых привычек целевой аудитории с целью изменения потребительского поведения и управления вниманием в неигровых ситуациях).

Цифровые СМИ как новые субъекты политики

Тенденцией последнего времени является не только количественное увеличение интернет-изданий (газет, журналов, каналов), но и появление узкоспециализированных новых СМИ. Рост рынка новых СМИ неизбежно расширяет и потребительскую аудиторию. Согласно Future of Media Report (2008), относительная дешевизна расходов на техническое оборудование и программное обеспечение способствовала увеличению целевой аудитории или так называемых «потребителей интернет-информации». Если в начале XX века в среднем человеком затрачивалось около десяти часов в неделю на получение информации из СМИ, то в XXI веке происходит шестикратное увеличение количества времени, и к 2020 г. оно должно достигнуть девяноста часов в неделю.

В этих условиях новые политические СМИ и политическая журналистика, задавая тональность в оценках происходящего, оказываются в роли нового субъекта политики. Старая и новая журналистика имеют в своих основаниях кардинальные отличия. Сегодня политическому журналисту совсем не обязательно иметь диплом журналиста или быть аккредитованным, чтобы работать в новых медиа и воспроизводить журнальные тексты. Цифровые реалии, оказывая влияние на журналистское поле, формируют социальные основания, когда журналистом (в том числе и политическим) может стать любой, имеющий камеру и желающий что-то зафиксировать в текстовом формате. Новые технологии трансформируют эту общность, и этот процесс уже носит не однолинейный, а амбивалентный характер. Вчерашний школьник, не получив специального образования и не пройдя ступени в журналистской карьере, может стать популярным блогером или автором интернет-издания, иметь многомиллионную аудиторию подписчиков и освещать происходящие политические события. Социальные сети так же во многом выполняют роль электронных СМИ, когда рядовой гражданин мгновенно реагирует на то или иное событие и выкладывает текстовую информацию в виде лайков или комментариев, сопровождая ее фото.

В современных медиа, как точно заметил М. Маклюэн, наблюдается процесс освобождения медиа от авторства (Маклюэн 2003). Весь процесс производства новостей подвергается дивергенции, и цифровая среда выступает в роли ка-

тализатора. Автором публикации часто выступает тот, кто именуется или номинирует себя на роль журналиста, тот, кто не подчинен редакции и не состоит в ее штате, но тот, кто желает освещать событие. Речь идет о той журналистике, которую Д. МакКуэйл обозначает как журналистика без формальных статусов и структур, когда важны значимость освещаемого события и надежный источник информации. Надежность источников информации важна для всех агентов, которые вовлечены в процесс производства и потребления новостей. В случае утраты доверия как традиционные, так и новые медиа теряют свою целевую аудиторию безвозвратно. Политическая журналистика как важный сегмент медиа-пространства не является тому исключением (МакКуэйл 2013).

Большое распространение при описании новых коммуникаций получили концепты «медиа-тизации политики», «медиакратия» (впервые в политическую теорию был введен К. Филипсом в 1975 г.). В работах, которые посвящены медиа-тизации политики, авторы чаще всего рассматривают медиасистему не как самостоятельную подсистему, а зависимую от политической сферы среду, которая имеет в своем арсенале коммуникативные механики и практики (Mass media 2002, Mediated Politics 2000, Miller 2004). Что касается «медиакратии», то К. Филипс в своих работах показал взаимосвязь СМИ, партий и политики в США в эпоху коммуникаций и то, какую роль играют СМИ в формировании политического режима (Phillips 1975).

В новых условиях политическая журналистика в цифровой среде переформатируется и открыта для новых субъектов. В этой связи появление политической журналистики в новых медиа как объекта исследования актуально, но оказывается практически не изученным в российской социальной науке, и потому требует своего осмысления. В зарубежных исследованиях, в которых анализируются новые СМИ, показано, как игровые элементы активно вовлекаются в создание новостной ленты. Потенциальные читатели того или иного интернет-издания выступают не только в роли авторов, комментаторов прочитанного, но и в роли игроков, получая бонусы за свою активность и участвуя в розыгрышах (бесплатная подписка). В мире действует не один десяток агентств (например, «Out There News» в США, «Кавказский узел» в России и др.), в которых в роли производителей новостей выступают сами читатели, обычные граждане, которые информированы о происходящем не меньше, чем журналисты. Читатели, вовлекаясь в интернет-сообщество, оказываются в роли поставщиков новостей и неизбежно влияют на повестку, формируемую изданием. Представители коммуникационного подхода в теории электронной демократии, например А. Этциони и Х.

Рейнгольд, определяют интернет-сообщество как площадку для различных групп по интересам, место встречи различных профессиональных сообществ, когда в интернете происходит регулярная посещаемость, возникают сетевые связи и формируется определенная субкультура.

Избирательные кампании и цифровые технологии

По мнению экспертов, политические интернет-технологии являются в современной России одной из самых востребованных услуг в сфере политического консультирования. Впервые подобная технология была использована Г. Павловским еще в 1997 году, когда Фонд эффективной политики использовал возможности интернета для продвижения кандидатов в ходе избирательной кампании. Возможно, катализатором данного процесса в России стали зарубежные практики по использованию цифровых технологий в избирательных технологиях. В 90-е гг. прошлого века появилось большое количество зарубежных исследований, в которых освещался вопрос об использовании интернета в ходе избирательной кампании.

Доминирующими точками зрения при рассмотрении новых коммуникаций оказались следующие. Одни авторы показывают эффективность цифровых политических технологий, которые неизбежно оказывают влияние на политический процесс (Chadwick 2006, Lusoli 2005, Norris 2003) и способствуют участию в политике все большего количества граждан. Так, в исследовании американской избирательной кампании в 2000 г. К. Футом и С. Шнейдером была показана значимость цифровых технологий и интернета как нового канала политической коммуникации (Foot, Schneider 2002). К подобным выводам приходит и В. Лусоли, который исследовал роль интернета на выборах в Европарламент 2004 г. (Lusoli 2004).

Известный политтехнолог Д. Моррис отмечает, что интернет важен в политических технологиях скорее не как коммуникативная практика, а способ организации фандрайзинговых проектов, в которых расширяются возможности для финансирования независимых кандидатов и участия в этих политических проектах рядовых граждан. Особое внимание Д. Моррис уделяет тому, что изменяется стиль политической коммуникации, который приобретает интерактивный характер. По его мнению, политтехнолог должен не просто донести информацию до избирателя, но и вовлечь его в какую-то привлекательную деятельность (участие в рейтингах, квестах, во флеш-мобах, конкурсах на безвозмездной основе или в обмен на бонусы) (Morris 2011).

Сформировалось и другое исследовательское направление по изучению влияния цифровых технологий и игровых механик на избирательные

практики – его представители не считают новые технологии эффективным инструментом в политике. Так, исследования Гибсона и др. показали, что чаще всего интернет не является реальной коммуникативной площадкой для взаимодействия между избирателем и кандидатом/партией. Более того, интернет не является и основным каналом коммуникации в ходе избирательных кампаний. При этом, замечают авторы исследования, происходит активизация граждан посредством интернет-технологий, когда повышается явка на выборах. В качестве примеров Гибсон приводит случаи выборных кампаний в США в 2004, 2008 гг., во Франции в 2007 г. (Gibson 2003).

По мнению П. Норрис, которая посвятила проблеме новых технологий в избирательных кампаниях отдельное исследование, кандидаты достаточно осторожно используют новые технологии в предвыборной гонке. Партийные сайты представляют собой лишь «обычную политику», и радикального разрыва с традиционными партийными каналами коммуникаций в Великобритании не происходит (выборы 1997, 2001 и 2005 г.). Что касается избирателей, то те, кто использовал цифровые источники информации на выборах, были теми же людьми, кто использовал традиционные источники (СМИ, собрания). Чаще всего интернет как источник информации о выборной кампании используется лишь как некое дополнение к традиционным СМИ (Norris 2001, Norris 2003, Norris, Curtise 2005).

При этом П. Норрис заключает, что новые технологии способны трансформировать избирательные кампании в части упрощения сбора информации и обмена мнениями напрямую. Более того, развивая идею о двухступенчатом потоке информации, английская исследовательница формулирует важный вывод: возможности интернета в избирательных технологиях не уникальны, но новые технологии могут сыграть гораздо более важную роль в обеспечении доступа партий и политиков к широкой общественности, чем это может показаться на первый взгляд. Информация, циркулируя от партийных управленцев (активистов) к местным онлайн-активистам и затем распространяясь дальше от онлайн-активистов посредством личных обсуждений и убеждений к более широкому кругу электората, неизбежно влияет на активность и участие избирателей (Norris 2001, Norris 2003).

Анализ российских исследований о влиянии новых технологий и игровых практик на политическую активность граждан показывает, что в большинстве случаев авторы (например, Ю.Н. Дорожкин, В.В. Луков, И.А. Быков, К.В. Юрин) анализируют новые каналы политической коммуникации в избирательных кампаниях, определяют их основных агентов, представляют структуру политического Рунета. Так, Б. Докторов различает че-

тыре составляющие политического Рунета: сайты властных структур, политических партий и движений, СМИ, исследовательских организаций (Докторов 1999). Важно отметить, что несмотря на высокую представленность в интернете практически всех основных игроков российского поля (партий и общественно-политических организаций), в иерархии интересов интернет-пользователей политика занимает одно из последних мест (по данным «Subscribe.Ru», политикой интересуются всего 17 %, тогда как компьютерами 62 % опрошенных). При этом только за выборами Президента РФ в 2021 г. через установленные на избирательных участках камеры следило более 5 млн человек (Strukov 2012).

Несмотря на низкие позиции политики в иерархии интересов пользователей, Рунет остается, пожалуй, единственным информационным пространством, в котором возможны альтернативные точки зрения, дискуссии, распространение информации, отличной от официального дискурса.

Заключение

В работе представлены подходы к анализу политической коммуникации через призму геймификации. Обращает на себя внимание тот факт, что игра одновременно является способом изучения политического и гражданского активизма и тем действием или ресурсом, который при определенных условиях способен повлиять на происходящее. В этой связи происходит игровизация политических действий, когда границы между игрой и политикой едва видимы, а в условиях государственного контроля наблюдается тотальная политизация игры. При этом полное исключение из информационного пространства пользователей практически невозможно, учитывая глобальный характер и технические свойства сети. Перспективным направлением для дальнейших эмпирических исследований является изучение проблемы (не) равных возможностей для пользователя в политическом сегменте сети. Предстоит ответить на вопрос о том, какие социальные, экономические, географические факторы оказываются значимыми и определяющими в доступе пользователя к политическому контенту.

В статье определено, что функционирование политической коммуникации неизбежно связано с возрастающей ролью информационных технологий вообще и с геймификацией в частности. Анализ работ показывает, что политическая коммуникация в современных условиях представляет собой процесс взаимодействия между множественными акторами, которые включены как в формальные, так и неформальные информационные потоки. При анализе особенностей политических коммуникаций, осуществляемых в сети, важно учитывать не только виды сетевых потоков, но и тип политического режима, который влияет на процессы, раз-

ворачиваемые в национальных сегментах глобальной сети. Поэтому любое поведение пользователя (ей) в сети, в том числе и с вовлечением гейм-механик, опосредуется тем, что происходит за границами виртуального пространства. Пользователь, выходя за границы сети и участвуя в политическом процессе, вовсе не обязательно становится активным гражданином. Волне допустимо, что он лишь наблюдает за тем, что происходит в сети, иногда комментируя происходящее. Подобное пассивное участие в политике, не предполагающее различных форм политического и гражданского активизма, носит массовый характер не только в Рунете.

Авторы исследований показывают, что посредством игровых механик получает распространение дифференцированный контент, который, с одной стороны, способен повлиять на поведение и увеличение активности политического гражданина, а с другой стороны, компьютерная игра может полностью или частично заблокировать эту активность, переводя его в состояние лишь пассивного игрока. Не всегда игровые технологии оказывают прямое воздействие на происходящее и нередко блокируют коммуникационные каналы воздействия и убеждения на потенциальных игроков. В этом случае цифровые игры ограничиваются лишь функцией информирования и опосредованно влияют на индивидуальные картины мира каждого индивида. В целом же, именно пространство интернета и геймифицированных площадок по-прежнему остаются значимыми с точки зрения децентрализации политики и формулировки пользователями иной повестки дня.

Библиографический список

Chadwick, A. (2006), *Internet Politics: States, Citizens, and New Communication Technologies*, Oxford University Press, Oxford, UK.

Foot, K.A. and Schneider, S.M. (2006), *Web Campaigning*, MIT Press, Cambridge, UK.

Future of Media Report (2008), R. Dawson (ed.), R. Dawson Blog, July, [Online], available at: <https://www.scribd.com/document/3999350/Future-of-Media-Report2008> (Accessed 20 May 2019).

Gibson, R.K., Margolis, M., Resnik, D. and Ward, S.J. (2003), Election Campaigning on the WWW in USA and UK: A Comparative Analysis, *Party Politics*, vol. 9, no. 1, pp. 24–46.

Habermas, J. (2006), Political Communication in Media Society: Does Democracy Still Enjoy an Epistemic Dimension? The Impact of Normative Theory on Empirical Research, *Communication Theory*, no. 16, p. 416.

Hindman, M.S. (2009), *The Myth of Digital Democracy*, Princeton University Press, Princeton, UK.

Kietzmann, J.H., McCarthy, I., Pitt, L., Plangger, K. and Robson, K. (2015), Game on: Engaging cus-

tomers and employees through gamification, *Business Horizons*, vol. 59, no. 1, pp. 29–36.

Laurel, B. (2019), *Computers as Theatre*, [Online], available at: <http://readli.net/computers-as-theatre> (Accessed 04 May 2019).

Lusoli, W. (2005), The Internet and the European Parliament Elections: Theoretical Perspectives, Empirical Investigations and Proposals for Research, *Information Polity*, no. 19, pp. 153–163.

Mass media and American politics: 6th ed. (2002), D. Graber (ed.), Washington, DC.

Mediated Politics: Communication in the Future of Democracy (2000), W.L. Bennett and R.M. Entman (ed.), Cambridge, UK.

Miller, D. (2004), System failure: It's not just the Media – the Whole Political System has Failed, *Journal of Public Affairs*, vol. 4, no. 4, pp. 374–382.

Morris, D. (2011), *Vote.com: How Big-Money Lobbyists and the Media Are Losing Their Influence, and the Internet Is Giving Power Back to the People*, Macmillan, L.A., USA.

Neys, J. and Jansz, J. (2010), Political internet games: engaging an audience, *European Journal of Communication*, no. 25 (3), pp. 227–241.

Norris, P. (2001), *Digital Divide: Civic Engagement, Information Poverty, and the Internet Worldwide*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.

Norris, P. (2003), Preaching to the converted: pluralism, participation and party web sites, *Party Politics*, vol. 9, no. 1, pp. 21–45.

Norris, P. and Curtice, J. (2005), *Getting the Message Out: A two-step model of the role of the Internet in campaign communication flows during the 2005 British General Election*, [Online], available at: <https://sites.hks.harvard.edu/fs/pnorris/Acrobat/JITP%20Paper%20Draft%202.pdf> (Accessed 15 May 2019).

Phillips, K.P. (1975), *Mediacracy: american parties and politics in the communications age*, Doubleday, New York, USA.

Strukov, V. (2012), Networked Putinism: The Fading Days of the (Broadcast) Era. Digital Icons: Studies in Russian, *Eurasian and Central European New Media*, no. 7, pp. 111–123.

Бакулев Г.П. Массовая коммуникация. Западные теории и концепции. Москва: Аспект Пресс, 2005. 175 с.

Быкова Е.В., Таранова Ю.В. Геймификация как PR-тренд в бизнес-коммуникации (на примере мобильного приложения РОКЕМОН GO) // Стратегические коммуникации в бизнесе и политике. 2016. № 2. С. 55–63

Быков И.А. Киберпространство как фактор развития политических идеологий // Политическая наука. 2008. № 2. С. 79–98.

Быков И.А. Социальный капитал и политика в России: портрет на фоне Европы // ПОЛИТЭКС. 2011. № 1. С. 102–116.

Докторов Б. Российский политический Интернет // Петербургский журнал социологии. 1999. № 2. С. 40–42.

Дорожкин Ю.Н., Соленникова Н.В. Интернет в избирательных кампаниях: современные особенности и функции // Власть. 2007. № 6. С. 31–35.

Луков В. В. Интернет как инструмент политических технологий в США // США и Канада: экономика, политика, культура. 2005. № 5. С. 33–39.

МакКуэйл Д. Журналистика и общество: Пер. с англ. Москва: МедиаМир; Фак-т журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, 2013.

Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. Москва: КАНОН-Пресс-Ц, 2003. 464 с.

Нэсбитт Дж., Эбурдин П. Что нас ждет в 90-е годы: Мегатенденции. Год 2000. Москва: Республика, 1992. 414 с.

Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. Санкт-Петербург: Наука, 2000. 377 с.

Шилина М.Г. Интернет-коммуникации как фактор трансформации информационной сферы. Санкт-Петербург, 2012.

Юрин К.В. Интернет, сайты и выборы // США и Канада: экономика, политика, культура. 2005. № 2. С. 101–112.

References

Chadwick, A. (2006), *Internet Politics: States, Citizens, and New Communication Technologies*, Oxford University Press, Oxford, UK.

Foot, K.A. and Schneider, S.M. (2006), *Web Campaigning*, MIT Press, Cambridge, UK.

Future of Media Report (2008), R. Dawson (ed.), R. Dawson Blog, July, [Online], available at: <https://www.scribd.com/document/3999350/Future-of-Media-Report2008> (Accessed 20 May 2019).

Gibson, R.K., Margolis, M., Resnik, D. and Ward, S.J. (2003), Election Campaigning on the WWW in USA and UK: A Comparative Analysis, *Party Politics*, vol. 9, no. 1, pp. 24–46.

Habermas, J. (2006), Political Communication in Media Society: Does Democracy Still Enjoy an Epistemic Dimension? The Impact of Normative Theory on Empirical Research, *Communication Theory*, no. 16, p. 416.

Hindman, M.S. (2009), *The Myth of Digital Democracy*, Princeton University Press, Princeton, UK.

Kietzmann, J.H., McCarthy, I., Pitt, L., Plangger, K. and Robson, K. (2015), Game on: Engaging customers and employees through gamification, *Business Horizons*, vol. 59, no. 1, pp. 29–36.

Laurel, B. (2019), *Computers as Theatre*, [Online], available at: <http://readli.net/computers-as-theatre> (Accessed 04 May 2019).

Lusoli, W. (2005), The Internet and the European Parliament Elections: Theoretical Perspectives, Em-

pirical Investigations and Proposals for Research, *Information Polity*, no. 19, pp. 153–163.

Mass media and American politics: 6th ed. (2002), D. Graber (ed.), Washington, DC.

Mediated Politics: Communication in the Future of Democracy (2000), W.L. Bennett and R.M. Entman (ed.), Cambridge, UK.

Miller, D. (2004), System failure: It's not just the Media – the Whole Political System has Failed, *Journal of Public Affairs*, vol. 4, no. 4, pp. 374–382.

Morris, D. (2011), *Vote.com: How Big-Money Lobbyists and the Media Are Losing Their Influence, and the Internet Is Giving Power Back to the People*, Macmillan, L.A., USA.

Neys, J. and Jansz, J. (2010), Political internet games: engaging an audience, *European Journal of Communication*, no. 25 (3), pp. 227–241.

Norris, P. (2001), *Digital Divide: Civic Engagement, Information Poverty, and the Internet Worldwide*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.

Norris, P. (2003), Preaching to the converted: pluralism, participation and party web sites, *Party Politics*, vol. 9, no. 1, pp. 21–45.

Norris, P. and Curtice, J. (2005), *Getting the Message Out: A two-step model of the role of the Internet in campaign communication flows during the 2005 British General Election*, [Online], available at: <https://sites.hks.harvard.edu/fs/pnorris/Acrobat/JITP%20Paper%20Draft%202.pdf> (Accessed 15 May 2019).

Phillips, K.P. (1975), *Mediacracy: american parties and politics in the communications age*, Doubleday, New York, USA.

Strukov, V. (2012), Networked Putinism: The Fading Days of the (Broadcast) Era. Digital Icons: Studies in Russian, *Eurasian and Central European New Media*, no. 7, pp. 111–123.

Bakulev, G.P. (2005), *Mass communication. Western theories and concepts*, Aspect Press, Moscow, Russia.

Bykova, E.V. and Taranova, Yu.V. (2016), Gamification as a PR trend in business communications (on the example of the POKÉMON GO mobile application), *Strategic communications in business and politics*, no. 2, pp. 55–63

Bykov, I.A. (2008), Cyberspace as a factor in the development of political ideologies, *Political Science*, no. 2, pp. 79–98.

Bykov, I.A. (2011), Social capital and politics in Russia: a portrait against the backdrop of Europe, *Po-liteks*, no. 1, pp. 102–116.

Doktorov, B. (1999), Russian Political Internet, *Petersburg Journal of Sociology*, no. 2, pp. 40–42.

Dorozhkin, Yu.N. and Solennikova, N.V. (2007), Internet in election campaigns: modern features and functions, *Power*, no. 6, pp. 31–35.

Lukov, V.V. (2005), Internet as an instrument of political technologies in the USA, *USA and Canada: economics, politics, culture*, no. 5, pp. 33–39.

McQuail, D. (2013), *Journalism and Society: Perfrom English*, MediaMir; Faculty of Journalism, Moscow State University, M.V. Lomonosov, Moscow, Russia.

McLuhan, M. (2003), *Understanding Media: Human External Extension*, KANON-Press-Ts, Moscow, Russia.

Nasbitt, J. and Ebourdin, P. (1992), *What awaits us in the 90s: Megatrends. Year 2000*, Respublika, Moscow, Russia.

Habermas, Yu. (2000), *Moral consciousness and communicative action*, Nauka, St. Petersburg, Russia.

Shilina, M.G. (2012), *Internet communications as a factor in the transformation of the information sphere*, St. Petersburg, Russia.

Yurin, K.V. (2005), *Internet, sites and elections, USA and Canada: economics, politics, culture*, no. 2, pp. 101–112.

Submitted: 01.07.2022

Revised: 12.07.2022

Accepted: 26.09.2022

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Для публикации научных работ в журнале «Семиотические исследования» принимаются статьи, раскрывающие вопросы общей семиотики и смежных дисциплин, ориентированные на междисциплинарный синтез знания в рамках философии, литературоведения и социологии.

Предлагаемый в статье материал должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написанным в контексте современной научной литературы, а также содержать очевидный элемент создания нового знания.

Все представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат» и направляются на независимое рецензирование. Срок рецензирования – 1–2 месяца. Решение об опубликовании принимается редколлегией на основании рецензии.

Периодичность: 4 выпуска в год.

Подготовка статьи

Статья может быть предоставлена на русском, английском, немецком, французском, польском, китайском языках в электронном виде в формате .doc (semiotic@ssau.ru).

В статье должны содержаться следующие сведения:

1. УДК (<http://teacode.com/online/udc/>).
2. Сведения об авторе (авторах) (на русском и английском языках): ФИО, место работы, страна, электронная почта, ORCID (регистрация <https://orcid.org/>), по желанию другие идентификаторы в Scopus, WoS и т.д.).
3. Название статьи (на русском и английском языках, не более трех строк).
4. Аннотация (на русском и английском языках). Объем – 150–200 слов (на русском языке), 200–250 (на английском языке). Аннотация должна включать характеристику основной темы, проблемы (задачи) научной статьи, цели работы, методологию (методы исследования), эмпирический материал (источники), научные результаты и их новизну по сравнению с результатами, уже имеющимися в науке, выводы. Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации.
5. Ключевые слова (на русском и английском языках 7–10 слов).
6. Цитирование (см. приложение «Образец оформления статьи»).
7. Благодарности (см. приложение «Образец оформления статьи»).
8. Информация о конфликте интересов (авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов).
9. Информация об авторах (ФИО полностью, ученая степень, звание, должность, место работы (кафедра, вуз, организация, предприятие), почтовый адрес места работы с указанием страны и почтового индекса).
10. Библиографический список на русском языке, на английском языке References.

Структура основного текста статьи зависит от поставленных целей, задач и исследуемых проблем, но обязательно выделять в ее композиции: введение, постановку задач (проблем), методологию, ход исследования, полученные результаты и выводы.

Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Объем статьи – 20000–40000 печатных знаков с пробелами. Шрифт Times New Roman, размер шрифта – 12, межстрочный интервал – 1. При использовании в тексте статьи дополнительных шрифтов они должны быть предоставлены отдельно. Иллюстрации (рисунки, таблицы, графики, диаграммы и т. п.) дополнительно предоставляются в отдельных файлах в форматах .jpg или .png.

Правила оформления ссылок

В журнале «Семиотические исследования» для оформления ссылок в тексте принят гарвардский стиль (Harvard style).

Пример оформления ссылок в тексте публикации в соответствии с гарвардским стилем:

1 автор: Текст ... (Богатова 2015), (Richardson 2015).

2 автора: Текст .... (Смирнова, Федорова 2013), (Cengel and Boles 2015).

3 автора: (Смирнова, Федорова, Иванов 2013), (Cengel, Rogers and Boles 2015).

Больше 3 авторов: (Смирнова и др. 2013), (Cengel et al. 2015).

Если в списке присутствуют однофамильцы, ставятся инициалы: (Иванов И.И. 2013).

Если нет авторов: (Название год).

Несколько работ одного автора: (Петров 2014, 2016), (Richardson 2015, 2018).

Несколько работ одного автора, опубликованных в один год: (Петров 2014a, 2014b), (Richardson 2015a, 2015b).

Если используется прямое цитирование: (Петров 2014, с. 25), (Richardson 2015, p. 98).

Если цитируемая статья написана на латинице (на английском, немецком, испанском, итальянском, финском, датском и других языках, использующих романский алфавит), ссылку на неё следует привести на оригинальном языке опубликования.

Правила оформления библиографического списка и References

Библиографический список должен содержать 15–30 источников.

У всех источников в библиографическом списке необходимо проверить присвоение DOI или URL (электронная ссылка на размещение статьи в РИНЦ, например) и указать его в библиографическом описании при наличии. Иностранные источники даются на языке оригинала.

Библиографический список

Библиографический список оформляется по ГОСТ Р 7.05–2008 в алфавитном порядке, не нумеруется.

Примеры оформления библиографического списка*Законодательные материалы*

Закон Российской Федерации «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ // Российская газета. 2012 г. № Федеральный выпуск № 5976.

Стандарты

ГОСТ Р 7.0.100-2018 СИБИД. Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления // Электронный фонд: [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200161674> (дата обращения: 27.01.2021).

Архивные документы

Материалы об организации Техникума печати при НИИ книговедения // ЦГАЛИ. СПб. Ф. 306. Оп. 1. Ед. хр. 381. Розанов И.Н. Как создавалась библиотека Исторического музея: докл. на заседании Ученого совета Гос. публ. ист. б-ки ФСР 30 июня 1939 г. // ГАРФ. Ф. А-513. Оп. 1. Д. 12. Л. 14.

Книга одного автора

Рубальская Л.А. Такая карта мне легла: стихи, проза. Москва: Эксмо, 2008. 445 с. : ил.
Улицкая Л.Е. Люди нашего царя: сборник. Москва: Эксмо, 2008. 365 с.

Книга двух–трех авторов

Чиркова Ю.В., Колосова Т.А. Проективные методы в диагностике нарушений развития личности в детском возрасте : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по гуманитар. направлениям. Москва: Юрайт, 2019. 216 с.

Чернышев А.С., Сарычев С.В., Гребеньков Н.Н. Методика преподавания психологии. Современные технологии: учеб. пособие для вузов. Москва: Юрайт, 2019. 222 с.

Книга четырех авторов

При наличии четырех авторов, книга описывается под заглавием, все четыре автора указываются за косой чертой.

Разнообразие микроорганизмов источников Байкальского региона: учебное пособие / Е.В. Лаврентьева, Д.Д. Бархутова, Б.Б. Буянтуева, Б.Б. Намсараев. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. госуниверситета, 2009. 148 с.

Книга пяти авторов

При наличии пяти авторов и более, книга описывается под заглавием. За косой чертой (сведения об ответственности) перечислить первых 3-х авторов с обозначением [и др.].

Рекреационный потенциал Баргузинского Прибайкалья и Селенгинской Даурии: проблемы освоения / К.Ш. Шагжиев, В.А. Бабинов, А.В. Манганова [и др.]; Федер. агентство по образованию, Бурят. гос. ун-т. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. ун-та.

Многотомные издания

Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений с приложениями. В 11 т. Т. 7. Письма, 1905–1926. Москва: Слово, 2005. 823 с.

Гиппиус З.Н. Соч.: в 2 т. / вступит. ст., подгот. текста и коммент. Т.Г. Юрченко. Т. 1. Без талисмана; Победители; Сумерки духа. Москва: Лаком-книга: Габестро, 2001. 367 с.

Статья из журнала

Никольская А.В. Влияние цифровизации на психологическое состояние студентов с ограниченными возможностями здоровья // Вопросы психологии. 2019. № 3. С. 107–118.

Епифанцев Т.Н., Крюков А.В. Трансформация культурных кодов // Вопросы лексикографии. 2017. № 1. С. 80–86.

Статья из книги или другого разового издания

Коломак Е.А., Трубехина И.Е. Анализ пространственной концентрации экономической активности в Новосибирской области // Экономико-математические исследования: математические модели и информационные технологии. Отв. ред. Л.А. Руховец. Санкт-Петербург: Нестор-История. С. 132–150.

Электронные ресурсы

РУКОНТ: национальный цифровой ресурс: межотраслевая электронная библиотека. URL: <https://rucont.ru> (дата обращения: 14.10.2019).

Конституция Российской Федерации. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=2875> (дата обращения: 27.01.2021).

Электронный Архив В.И. Вернадского. URL: <http://vernadsky.lib.ru> (дата обращения: 27.01.2021).

Статьи с сайтов журналов и газет

Журавлева И. В. Социальная обусловленность здоровья подростков во временном аспекте // Социологическая наука и социальная практика. 2019. Т. 7, № 2. С. 132–152. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=2384&id=6414&l=&j=4 (дата обращения: 27.01.2021).

References

Библиографический список на латинице (References) оформляется по стандарту Harvard.

- Библиографические источники не нумеруются и располагаются в порядке, указанном в библиографическом списке.
- Для разделения элементов записи используют запятые.
- Запись всегда начинается с фамилии автора, затем инициалы, за которыми следует дата в скобках. Фамилии и инициалы авторов приводят в транслитерации (иностранных авторов – в оригинале).
- Если более чем одна запись одного и того же автора, сортировать по датам.
- Название книги и периодического издания всегда выделяется курсивом.
- Имя издателя показывается перед местом издания (как это было бы в адресе). Место издания – город, страна. Сокращения для штатов США должны быть с большой буквы и добавлены по мере необходимости.
- Ссылки на электронные ресурсы следуют тем же правилам, а затем «по адресу:» и URL-адрес.

Правила для русскоязычной литературы:

- ФИО автора (авторов) приводится в транслитерации.
- Название статьи переводят на английский язык.
- Название книги переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). Для англоязычных книг приводят оригинальное английское название.
- Название периодического издания приводят в транслитерации. Если издательство (предприятие, учреждение, организация и т.п.) имеет официальное англоязычное название, то нужно приводить это название.
- Название издательств и организаций СНГ приводят в транслитерации.
- Название города, названия конференций, пояснительные слова, словосочетания переводят на английский язык. Для международных конференций, имеющих второе англоязычное название, приводят это название.
- Сокращения заменяют англоязычными аналогами:

part 2; volume 3; Vol. 3; pp. 10-19; 323 p.; no. 1; issue; Abstract of the dissertation; International conference proceedings (Int. Conf. Proc.); Scientific-and-technical (Sci.-Tech.) collected articles; dated 19 December 2013; monograph; Annals – Ann.; Annual – Annu.; Colloquium – Colloq.; Conference – Conf.; Congress – Congr.; Technical Paper– Tech. Paper; First; Second; Third; Fourth/nth... – 1st; 2nd; 3rd; 4th/nth...; Convention – Conv.; Digest – Dig. ; Exposition – Expo.; International – Int.; National – Nat.; Proceedings – Proc.; Record – Rec.; Symposium – Symp.; Technical Digest – Tech. Dig.

Базовая структура

Фамилия, инициалы (год издания), название, издатель, место издания, журнал и т.д., точные ссылки.

Пунктуация должна быть следующей: для двух авторов отделяются «and» и без запятой; для нескольких авторов разделяются запятыми, но последняя фамилия должна быть связана с предыдущей «and» без запятой.

Книги

Англоязычные книги

Standard Form:

Фамилия, И.О. (год), *Название курсив*, № издания, издательство, город, страна.

Русскоязычные книги

Standard Form:

Фамилия, И.О. (год), *Название in English курсив*, № издания, издательство, город, страна.

Примеры оформления в References

Книги с одним автором

Adair, J. (2018), *Effective management: How to save time and spend it wisely*, Pan Books, London, UK.

Книги с двумя и более авторами

Turchaninov, I.A., Joseph, M.A. and Kasparian, E.V. (1989), *Fundamentals of Rock Mechanics*, Nedra, St. Petersburg, Russia.

Книги того же автора в том же году

Napier, A. (1993a), *Fatal storm*, Allen and Unwin, Sydney, NSW.

Napier, A. (1993b), *Survival at sea*, Allen and Unwin, Sydney, NSW.

Книги с анонимными или неизвестными авторами

The University Encyclopedia (1985), Roydon, London, UK.

Книги под редакцией

Standard Form:

Фамилия, И.О. (год), *Оригинальное название книги курсив*, № издания, in Фамилии, И.О. редакторов (ed.), издательство, город, страна.

Примеры оформления в References

Sjostrand, S. (1993), *Institutional change: theory and empirical findings*, M.E. Sharpe (ed.), Armonk, N.Y.

Статьи в журналах и периодических изданиях

Англоязычные статьи

Standard Form:

Фамилия, И.О. (год), Название статьи, *Название издания курсив*, vol. номер тома, no. номер выпуска (если он существует), pp. номера страниц статьи.

Русскоязычные статьи

Standard Form:

Фамилия, И.О. (год), Перевод названия статьи на английский язык, *Название издания транслитерация или английское зарегистрированное курсив*, vol. номер тома, no. номер выпуска (если он существует), pp. номера страниц статьи.

*Примеры оформления в References**журнальная статья*

Bessant, J. (2001), The question of public trust and the schooling system, *Australian Journal of Education*, vol. 45, August, pp. 207–226.

Khomenko, O.Ye, (2010), Control of the energy of rocks in underground ore mining, *Mining Journal. Ferrous metals*, Special Issue, pp. 41–43.

Huffman, L.M. (1996), Processing whey protein for use as a food ingredient, *Food Technology*, vol. 50, no. 2, pp. 49–52.

журнальная статья с номером тома и/или выпуском

Bessant, J. and Webber, R. (2001), Policy and the youth sector: youth peaks and why we need them, *Youth Studies Australia*, vol. 20, no. 1, pp. 43–47.

Guthrie, J. and Parker, L. (1997), Editorial: Celebration, reflection and a future: a decade of AAAJ, *Auditing & Accountability Journal*, vol. 10, no. 1, pp. 3–8.

Daniel, T. (2009), Learning from simpler times, *Risk Management*, no. 1, pp. 40–44.

Karas T.H., Moore J.H. and Parrott L.K. (2008), Metaphors for cyber security, *SANDIA report*, vol. SAND 2008–5381, pp. 3–42, DOI: <http://doi.org/10.2172/947345>.

Электронные ресурсы

Необходимо следовать той же конвенции ссылок, как для печатных источников, но включать элементы, уникальные для Web:

Standard Form:

Фамилия, И.О. (год), *Название курсив*, available at: полный URL, (Accessed дата обращения).

Пример оформления в References

Young, C. (2001), English Heritage position statement on the Valletta Convention, [Online], available at: <http://www.archaeol.freeuk.com/EHPositionStatement.htm> (Accessed 4 Aug 2011).

Стандарт транслитерации

При транслитерации рекомендуется использовать стандарт BSI (British Standard Institute, UK). Для транслитерации текста в соответствии со стандартом BSI можно воспользоваться ссылкой <http://translit.ru/?account=bsi>

Рукопись может быть возвращена авторам, если она не соответствует вышеприведённым требованиям.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК 330

Дата: поступления статьи:
после рецензирования:
принятия статьи:

П.С. Петров

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: Petrov@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0000-0560-005x>

И.В. Иванов

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: Ivanov@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0347-0900-084x>

Когнитивно-семиотические аспекты моделирования в гуманитарной сфере**Аннотация:****Ключевые слова:**

Цитирование: Петров П.С., Иванов И.В. Когнитивно-семиотические аспекты моделирования в гуманитарной сфере // Семиотические исследования. *Semiotic studies*. 2021. Т. 1, № 1. С. 15–25. DOI ....

Благодарности: авторы выражают благодарность (...) за оказанную помощь в проведенном исследовании.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© **Петров П.С., 2021** – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории журналистики, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

© **Иванов И.В., 2021** – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

P.S. Petrov

Samara National Research University, Samara,
Russian Federation
E-mail: Petrov@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0000-0560-005x>

I.V. Ivanov

Samara National Research University, Samara,
Russian Federation
E-mail: Ivanov@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0347-0900-084x>

Cognitive-semiotic aspects of modelling in the sphere of humanities**Abstract:****Key words:**

Citation: Petrov, P.S. and Ivanov, I.V. (2021), Cognitive-semiotic aspects of modelling in the sphere of humanity, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 1, no. 1, pp. 15–25, DOI ....

Acknowledgments: the authors express their gratitude (...) for the assistance provided in the study.

Information about conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

© **Petrov P.C., 2021** – doctor of philology, assistant professor, professor of the Department of Theory and History of Journalism, Samara National Research University, 34, Moskovskoe shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

© **Ivanov I.V., 2021** – doctor of philosophical science, professor, professor of the Department of Philosophy, Samara National Research University, 34, Moskovskoe shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Ход исследования

Полученные результаты и выводы (Заключение)

Источники фактического материала

Чернышев А.С., Сарычев С.В., Гребеньков Н.Н. Методика преподавания психологии. Современные технологии: учеб. пособие для вузов. Москва: Юрайт, 2019. 222 с.

Библиографический список

Bessant, J. (2001), The question of public trust and the schooling system, *Australian Journal of Education*, vol. 45, August, pp. 207–226.

Guthrie, J. and Parker, L. (1997), Editorial: Celebration, reflection and a future: a decade of AAAJ, *Auditing & Accountability Journal*, vol. 10, no. 1, pp. 3–8.

Епифанцев Т.Н., Крюков А.В. Трансформация культурных кодов // Вопросы лексикографии. 2017. № 1. С. 80–86.

Журавлёва И.В., Лакомова Н.В. Региональные особенности отношения подростков к здоровью и окружающей среде // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8 № 4. С. 88–104. DOI: <http://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.4.7658>.

References

Bessant, J. (2001), The question of public trust and the schooling system, *Australian Journal of Education*, vol. 45, August, pp. 207–226.

Guthrie, J. and Parker, L. (1997), Editorial: Celebration, reflection and a future: a decade of AAAJ, *Auditing & Accountability Journal*, vol. 10, no. 1, pp. 3–8.

Epifancev, T.N. and Krjukov, A.V. (2017), Transformation of cultural codes, *Russian Journal of Lexicography*, no. 5, pp. 80–86.

Zhuravleva, I.V. and Lakomova, N.V. (2020), Regional Features of the Attitude of Adolescents to Health and the Environment, *Sociologicheskaja nauka I social'naja praktika = Sociological Science and Social Practice*, vol. 8, no 4, pp. 88–104, DOI: <http://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.4.7658>.

Submitted: _____

Revised: _____

Accepted: _____

